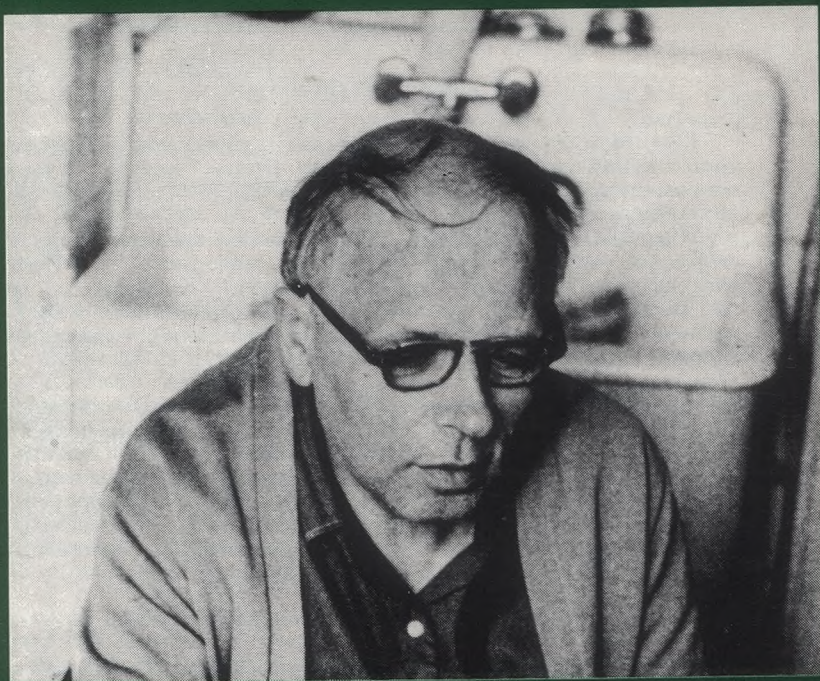

Australia A\$7,- France FF35,- Italy Lit8000,- Switzerland sfr 10,-
Canada C\$7,- Gr. Britain £3.50 Sweden SK35,- USA US\$6,-
Yearly subscription from Publishers - DM 50 (+10 DM mailing charges), from book-
stores - DM 60 (+10 DM mailing charges). Air Mail surcharge for overseas countries.

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

POSSEV 1/1990
D 21651 E
DM 10,- 3 руб.

Андрей Дмитриевич Сахаров.
21 мая 1921 г. - 14 декабря 1989 г.

№ 1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

1990

Выходит раз в два месяца

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха, А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шulgина...

Условия подписки на 1990 год:

В розничной продаже	17,50 нм
Годовая подписка в издательстве	60 нм
Доставка нормальной почтой	5 нм
В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

Адрес: В. Батшев, Москва 105264

Измайловский 6-р 34/14 кв. 16, тел. 465 0505

Не в силе Бог, а в правде! -

Александр Невский

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (1393)

Январь-февраль 1990

Год издания XLVI

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ (3)

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

В. Поремский. Великий подвижник (8). - Несгибаемый противник тоталитаризма. Наша ретроспектива (11). - Б. Пушкарев. Открытые организации НТС в России сегодня. Доклад на ежегодной конференции "Посева" в Нью-Йорке (14)

КОММУНИЗМ НА ИСХОДЕ

Александр Югов. Восточноевропейское домино (23). - Глеб Рар. Авангард? (28). - М. Странский. Три революции (30). - И. Кошурников. Венгрия после референдума (41)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

В. Батшев, М. Лапыгин, П. Фадеев. Еще почти 1000 слов (45). - Дело С. Кузнецова 48). - Где же Сашин? (49). - Александр Милиц. Горшок и котел (50)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Анатолий Стреляный. Стихийный демонтаж системы (52). - "Все больше и больше приходится отдавать". Интервью с редактором "Гласности" С. И. Григорянцем (55). - "Как декретами создавали, так декретами и ликвидировать..." Интервью с политологом А. М. Миграняном (60)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Роман Редлих. О забастовке (65)

ЭКОНОМИКА

Гавриил Попов. Дialeктика реформ (77). - Наша ретроспектива. Кардинальные проблемы народного хозяйства (81)

КГБ В ДЕЙСТВИИ

Иван Васильевич не меняет профессии. Вечер начальника УКГБ Иркутской области И. В. Федосеева (85). - М. Славинский. "Россия - могила братская" (99)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Фридрих Незнанский. Набрала ли силу "третья власть"? (105). - А. Артемов. Политика, опрокинутая в географию (108)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Прот. К. Фотиев. Русская Православная Церковь в 1989 году (112)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Александр Мазурин. Причина общей беды (118). – Сохранить государственное мышление. Круглый стол по национальному вопросу (121)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр Дынник. Целеустремленная дезинформация (139)

60 ЛЕТ НТС

Ярослав Трушнович. К истории Народно-Трудового Союза (145)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

А. А. Тенсон (154). – М. В. Балмашев (155)

ПИСЬМА (157-159)

Из социального учения солидаризма следует ряд принципов устройства общества и государства, которые отражены в нашем понимании перехода к открытому обществу.

– Принцип солидарности, или соборности: осознание каждым своей доли ответственности за то общее дело, которому он служит, за принимаемые решения, за их успех или неуспех.

– Принцип автономии общественных союзов: основа построения гражданского общества. Признавая всю полноту действующих в демократической государственности юридических прав добровольных объединений и союзов, следует также искать путей выражения их политических прав и политической воли.

– Принцип федерализма: гарантия возможности национального самоутверждения и автономии местных властей. Этот принцип относится как к внутреннему устройству российской государственности, так и к устройству мира как целого.

– Принцип рассредоточения власти: защита от образования монополий и основа самостоятельности территориальных самоуправлений и общественных организаций. Для местных самоуправлений этот принцип означает оптимальное расширение их компетенции за счет компетенций вышестоящих инстанций; для общественных организаций – ограничение вмешательства государственной власти.

– Принцип согласования интересов: основа мирного разрешения конфликтов и добровольного заключения договоров. Рассматривая свободу и солидарность как первоусловия здоровой общественной жизни, российские солидаристы выступают против излишней государственной регламентации и за свободу договорных отношений.

– Принцип оптимального содействия: в отрицательном аспекте как воздержание от опеки в делах, с которыми тот или иной гражданин или то или иное сообщество в состоянии справляться собственными силами; в положительном – как непреломный долг оказывать солидарное содействие там и в той мере, в какой это необходимо, чтобы данное лицо или сообщество справилось со своей задачей.

"Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов.

Преимственность

В воскресенье 11 ноября 1945 года в лагере беженцев из России у селения Менхегоф близ города Касселя в Западной Германии вышел первый номер еженедельника "Посев". Тираж – 200 экземпляров. Из-за нехватки бумаги два номера журнала пришлось печатать на обратной стороне бланков одной немецкой фирмы.

Кроме чисто технических и материальных трудностей, столь естественных для послевоенной Германии, редакцию журнала подстерегали и другие трудности: листая пожелтевшие страницы подшивок "Посева" тех времен, то и дело натыкаешься на жирно вымаранные строки и целые абзацы – работа американской военной цензуры, стремившейся не допустить "выпадов" против "добротного дяди Джо".

Шли годы, менялись редакторы, редакция переезжала – сначала в Лимбург (1947), потом – во Франкфурт-на-Майне (1952), в 1962 году издательство и редакция обосновались на собственном участке земли на окраине Франкфурта, где и находятся до сих пор.

Первым редактором журнала был Б. Б. Серафимов (Прянишников), с 1947 его сменил А. Светов, потом этот пост занял Е. Романов, в 1958 по 1965 год главным редактором "Посева" был А. Светланин, в 1965–67 гг. – А. Артемов, в 1968–70 – снова Е. Романов, в 1970–74 – Л. Рар, в 1974–1984 – Я. Трушнович и с 1984 по 1989 – Е. Миркович.

Разные люди из разных волн эмиграции. Менялась ли линия журнала? Нет.

"Тот факт, что не по всем вопросам в эмиграции достигнуто единство взглядов, нас не печалит: это явление, характерное для всякого свободного общества! Не будет всеобъемлющего единства взглядов и в той будущей России, прообраз которой мы носим в наших сердцах.

Мы считаем, однако, необходимым уже здесь, за рубежом, достижение единства взглядов по основным вопросам нашего национального бытия.

Вот эти три основные условия:

- Видеть в тоталитарном режиме смертельную угрозу нашему народу.

- Признать личные и гражданские свободы основой любого предлагаемого общественного строя, независимо от роли правления.

- Признать необходимость всемерной и активной борьбы за то, чтобы российский народ мог свободно проявить свою волю.

Со всеми, разделяющими эти три положения, нам по дороге. И наоборот, непризнание хотя бы одного из этих положений делает невозможным какой-либо сговор". (А. Николин. "Основы единства", "Посев", 2 ноября 1947 г.).

С тех пор прошло более сорока лет, но принципы эти действуют и поныне. Не менял "Посев" своего направления и в годы сталинщины, когда:

"Тянулись в лютый мороз обозы и колонны крестьян на Север. На беспощадный, дыханием смерти овеванный Север. Тебе расскажут, как детей и нетрудоспособных сбросили в Астраханских степях, прямо так, в дикое поле. Сусликами кормились они два, три месяца, а потом легли, чтобы никогда больше не встать.

Такова была воля того, кому тебя заставляют служить верой и правдой. Он сделал это, чтобы уничтожить всякое сопротивление, уничтожить крестьянство, создать покорное, безропотное стадо. Ты думаешь, что это ему удалось? Спроси себя. Если ты безропотный, лишенный сердца и памяти робот, тогда этот опыт удался. Если же у тебя сохранились и сердце и память о совершенном над твоей родиной, над твоим народом, то опыт этот не удался. А я знаю, что он не удался и никогда не удастся" (А. Трушнович. "1930-1950", "Посев", 30 апреля 1950 г.).

В советской официальной прессе правдивая информация о коллективизации появится только в конце восьмидесятых...

За несколько лет до XX съезда КПСС "Посев" писал:

"И вот мы хотим обратить внимание, что славословия Сталина, всемерно возвышая его, приписывая ему все существующие и несуществующие достоинства, партийная пропаганда усиленно приписывает ему и только ему все совершенные большевиками преступления. Захват власти, коллективизация, ежовщина, концлагеря и т. д. и т. д. — все это записывается в актив "хозяина земли русской". Все он, ничего без него!

Но не так просто обмануть народ, обмануть подлинного Хозяина Земли Русской. От грядущей ответственности не уйти виновным. И те, кто тешат себя надеждой, что им удастся в критический момент все свалить на Сталина и, сделав очередной ловкий зигзаг генеральной линии, выйти сухими из пролитой народной крови, — те жестоко просчитаются. В грядущих событиях будет покончено с большевизмом, с большевизмом как явлением. И Хозяин Земли Русской воздаст всем по заслугам. Воздаст строго, но справедливо" (Е. Романов, "Посев", 15 января 1950 г.).

Попытка "в критический момент все свалить на Сталина" повторяется с еще большей силой опять, через 30 лет (!) после XX и XXII съездов КПСС. "Возвращение к ленинским нормам" — под этим знаменем шла хрущевская перестройка, повторяет эти слова и Горбачев.

"Нынешний идеологический застой КПСС больше напоминает мертвящий холод сталинщины, чем период подчас бурных и страстных исканий, которые имели место при Ленине. Поэтому мы совершенно категорически утверждаем, что никакой непосредственной, минующей Сталина, преемственности от Ленина у современного руководства КПСС нет и быть не может.

Не может быть, в частности, потому, что история не знает возврата к старому. Если бы нынешнее коллективное руководство действительно хотело вернуться к ленинскому периоду, то с внутренней неизбежностью пришлось бы к новому варианту сталинщины.

Подлинный смысл возведения на пьедестал Ленина и его периода заключается в другом. Власти нужно, как уже это делалось ею неоднократно, ввести народ в заблуждение, чтобы выиграть время. Выиграть же время власти нужно для того, чтобы разрешить очень сложную задачу — или идти по пути подлинной демократизации (на что власть не способна), или вернуться к единоличной диктатуре (что при настоящих настроениях в народе и даже в партии очень затруднительно), или сохранить нынешнее положение (невыгодное своей неопределенностью и неустойчивостью)" (В. Арсеньев. "Соблазн ленинизмом", "Посев", 18 марта 1956 г.).

Кажется, что последние фразы еще более актуальны сегодня, чем 34 года назад...

В 1956-м грянула революция в Венгрии, которая вскоре была жестоко подавлена советскими войсками.

"Венгерская революция учит, что нейтралитет не может быть. Опыт венгерской революции требует от нас воспитывать у воинов сознание, что борьба за свободу пораженных народов носит сегодня интернациональный характер и не знает национальных границ. Лозунгом политической пропаганды должно быть: "Народы пораженных коммунизмом стран, соединяйтесь для совместной борьбы". Защита национальных интересов России идет через освобождение от коммунистической диктатуры. Это освобождение может начаться сегодня революцией в Венгрии, завтра восстаниями в Польше, Восточной Германии или в Румынии" (Е. Гаранин. "Ответственность перед совестью и народом", "Посев", 18 ноября 1956 г.).

"Территориальные споры, историческая неприязнь и другие виды национальной розни, зачастую искусственно раздуваемые, затрудняют согласованные действия и создание единого фронта освободительной борьбы. Используя людские, экономические, технические и другие ресурсы одних народов для угнетения других, коммунистические диктаторы усугубляют национальную рознь. Народы возлагают друг на друга ответственность за действия коммунистических угнетателей.

В частности, естественное и справедливое стремление угнетенных коммунизмом народов к национальной независимости и суверенности сопровождается антирусскими настроениями. Но коммунистический режим устанавливался КПСС, как правило, при деятельном участии местных компартий и поддерживается ими. Поэтому борьба за национальное освобождение - это борьба против коммунистов, своих и чужих".

Эти слова из заявления Совета НТС по поводу событий в Польше и Венгрии ("Посев", 4 ноября 1956 г.) не потеряли актуальности и сегодня.

А разве не как вчера сказанные звучат слова редактора "Посева" в 1958-65 гг. А. Светланина (Н. Н. Лихачева), хотя они и произнесены четверть века назад?

"Одно из основных противоречий в стране сегодня - это противоречие между всецело завладевшим народом сознанием, что перемены не кончились, не могут кончиться, не могут остановиться на полпути, должны продолжаться и коснуться всех устоев сталинщины и сталинского "общественного порядка", и упорством власти в сохранении основ своего властвования, которые все еще лежат на стране ее оковами и ее позором" (А. Светланин. "О современных противоречиях в стране", "Посев", 23 октября 1964 г.).

Поддерживая демократическое движение, зародившееся на рубеже 50-60-х годов, наш журнал всегда подчеркивал необходимость перехода от требований "соблюдать свою конституцию" к созданию полноценной, организованной оппозиции:

"В лагере власти существует единый фронт сил, готовых всегда и всюду использовать механизм бюрократического аппарата против любой "крамолы". И нельзя добиться нужных изменений, слепо следуя только принципам легальности и непротивления. В Новочеркасске в 1962 году власть расстреляла мирную демонстрацию, пролила кровь женщин и детей.

Единому фронту власти должен быть противопоставлен единый фронт народной оппозиции. Различные документы - письма, обра-

щения, меморандумы, - циркулирующие ныне по стране, ценны тем, что они будят у людей гражданское сознание и побуждают их к гражданской активности.

Но на повестке дня стоит задача вносить организационное начало в движение активных и активизирующих народных и общественных сил. Целеустремленная организованность удесятит мощь освободительного движения" (Передовая "Посев" № 12, 1968 г.).

Во времена "крепчавшего" брежневского маразма, когда официальная советская пресса, захлебываясь от восторга, славila уставного орденами бровеносца, "Посев" писал:

"И конечно, борьба с внутренними социально-экономическими и национальными проблемами не может без конца проходить под лозунгом "максимальной неподвижности" - принципом брежневской экипы. Оруженосцы диалектического материализма, в прямом противоречии со своим же учением, не разрешают возникающие и углубляющиеся противоречия, а загоняют их всё глубже, лишь бы подальше от глаз общественности. Брежневский период - это апофеоз партийной неподвижности по отношению к накапливающимся противоречиям и проблемам. Создавая иллюзию стабильности (с фасадом - на Запад), он утрамбовывает мешок с противоречиями "под завязку". Под тяжестью этого мешка уже сгибаются тоталитарные подпорки лжи и насилия.

В прошлом организационные и психологические перестройки после кончины очередного вождя происходили чрезвычайно болезненно для страны. После Брежнева на напряженность такой перестройки наложатся еще дополнительные факторы: старческий маразм правящей верхушки, отсутствие свежей политической концепции, спрессованность внутренних проблем и полная исчерпанность кредита доверия у всех слоев населения" (А. Югов. "Днепропетровская мафия", "Посев" № 7, 1977 г.).

С физической смертью Брежнева брежневщина не умерла, но лишь медленно отступила. Пришедшие к власти Андропов, Черненко осматривались и, похоже, просто не знали, что делать...

"На седьмом десятке лет коммунистический режим в нашей стране производит впечатление ракеты, летящей на первый взгляд с нормальной скоростью, - но с пустыми баками. Все горячее было израсходовано на "ускорения" ракеты в 20-х, 30-х и 40-х годах. Режим существует по инерции, заданной ему Сталиным, за что сегодняшние правители должны испытывать к нему глубокую признательность: они живут "на проценты" со сталинского "капитала".

Андропов, "творчески развивая марксизм", выдвинул тезис, что "ракета" системы может двигаться с пустыми баками неограниченно долго, для чего нужно создать соответствующие условия. Это обогащение марксизма первым законом Ньютона практически задумано как создание "вакуума" на пути ракеты: информационного, политического, духовного" (М. Назаров. "Вступая в 1984-й", "Посев" № 1, 1984 г.).

За несколько лет до наступления горбачевской перестройки "Посев" точно предсказал поведение партийной номенклатуры тогда, когда наступит вынужденный отказ от привычной стратегической доктрины. Сегодня советская пресса подтверждает этот прогноз почти в тех же самых выражениях.

"Нет сомнений, что целеустремленное властепоклонство сталинской эпохи, по меньшей мере на уровне как ЦК и его референтов, так

и на уровне работников главков и министерств, то есть именно там, где делается практическая политика, сменилось беспомощным фактопоклонством. Этим людям совершенно безразлично, чему служит их деятельность. С ними можно делать что угодно. Они все хотят лишь нравиться начальству и грести под себя.

Результат их работы – не мысли, а руководящие указания, вырабатываемые на основе марксизма-ленинизма, который из догмы превратился у них в руководство по составлению указаний. Здесь с успехом отыскиваются тактические приемы и пропагандные формулы для проведения в жизнь неизменной стратегической доктрины. Отказ от этой доктрины вызовет у них не столько возмущение, сколько растерянность. Принципиального сопротивления не будет, но и эффективной поддержки ожидать не приходится” (Р. Редлих. “Попытка прогноза на будущее”, “Посев” № 5, 1983 г.).

Пришла перестройка.

“Руководство КПСС, признав существование болезни, пытается лечить появляющиеся от нее прыщики, а не саму болезнь. В этом суть горбачевского похода против алкоголизма, взяточничества, за укрепление дисциплины – все это симптомы болезни, которая называется “зрелый социализм”. Независимые общественные силы, однако, затрагивают своей активностью глубинные причины болезни. И деятельность этих пробуждающихся сил может привести к результатам совсем иным, чем того хотело бы руководство КПСС, – к тому, что “реформы” станут реформами, “гласность” – гласностью; к тому, что фраза “сам народ управляет своими делами, ...миллионы людей участвуют в политической жизни” – превратится в реальность.

Наступившие времена таковы, что оздоровительные силы нашего общества могут с большими шансами на успех добиваться своих целей, как бы не обращая внимания на существующую систему, прорастая сквозь нее, используя начатую Горбачевым “борьбу против симптомов” для борьбы против самой болезни. Кое-чего добиться уже удалось. В этом может проявиться “историческое” значение “крутого перелома”, провозглашенного Горбачевым на XXVII съезде, но если это случится – то скорее не по воле партии, а вопреки ей” (М. Назаров. “Очередной исторический...”, “Посев” № 4, 1986 г.).

Не все прогнозы “Посева” сбылись, но многие. Журнал не менял свою линию в зависимости от конъюнктуры или надежд на новых вождей, или меняющейся “международной обстановки”. Не изменит он ее и в будущем.

Закончим цитатой из напутственного слова новой редакции Елизаветы Романовны Миркович – главного редактора журнала в 1984–89 годах:

“Разительные перемены происходят в сознании нашего народа. Развивается зловещее марево коммунистического владычества, разрушаются его структуры. Не будем поддаваться заклинаниям и страхам: не коммунистической “державой” спастись стране. Спасать ее будет сознательная часть нашего общества, которая, пройдя искус и опыт коммунистического лихолетия, по-новому осмыслит идею преемственности российской истории. Путь к этой будущей России перед нами уже открылся. Но путь этот предельно труден. Духовные и телесные раны, нанесенные стране и народу, глубоки и кровоточат. Расчищать, лечить, отстраивать надо столь многое, что потребует этот подвиг всех сил, всей ответственности российских граждан. И место “Посева”, как и раньше, будет с ними” (“Посев” № 12, 1989 г.).

Великий подвижник

В. ПОРЕМСКИЙ

"Назначение русского человека есть бесспорно всечеловеческое и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, быть может, и значит только - стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите..."

Ф. М. Достоевский

Каждая эпоха ищет свои символы и находит их в лице выдающихся людей, в конкретных идеалах, воплощенных во плоти и крови. Таким людям последующие поколения ставят памятники. Эти люди рождаются не из пустоты, а в живой атмосфере своего окружения, своего народа. Они идут по стопам своих предшественников - людей той же породы, силы таланта и масштаба. Они в традиционном ряду тех, кто создавал величие нации, ее культурные и духовные ценности. Это люди Добра.

Их ряду можно противопоставить формально схожий ряд людей Зла. Если люди Добра относятся с благоговением к своим предшественникам и учителям, то люди Зла, тираны и насильники, достигая вершин власти, стремятся этот ряд прервать, они окружают себя культом преклонения, а своих предшественников хулят и нещадно чернят.

Люди Добра не стремятся к власти и к славе и не нуждаются в рукоплесканиях, они скромны и не добиваются похвал и наград. Их авторитет и влияние зиждется на природном обаянии их личности, на их морально безупречном поведении, на примере их бескорыстного служения общечеловеческим высшим ценностям. О таких людях в нашей стране Достоевский сказал: "быть русским это значит быть всечеловеком". Это не горделивое самолюбование и не констатация факта, а идеал, призыв и з а д а н и е!

В годы нашего лихолетья, когда в стране действовал принцип "негативной селекции", или, иными словами, принцип отрицательного отбора (слова Ф. Искандера на встрече с эмигрантскими писателями в Дании), по партийной, государственной и общественной лестнице отбирались и продвигались люди, лишенные самостоятельного мышления и личной инициативы, люди "чего изволите" и "преданные до гроба". Так отобранные люди и правила страной, создавали "командно-административную систему" и посылали воинов в Афганистан. Людей же Добра они заточали тюрьмы, ссылали в концлагеря.

Сейчас, когда у нас бушуют страсти, когда в спорах и дискуссиях люди готовы вгрызться друг другу в горло, когда шовинисты всех мастей хотят растаскать страну по кускам, люди Добра, сле-

дующие призыву Достоевского, нужны до зарезу. Только они могут предотвратить хаос, анархию и гражданскую войну.

Такие люди в стране есть и их много. Среди них судьба нам подарила и двух великанов – Солженицына и Сахарова. О Солженицыне написаны и еще будут написаны тома. Сейчас же помолимся у свежей могилы Андрея Дмитриевича.

Кем был Сахаров? Он был крупным ученым, академиком уже в 32 года и гордостью нашей науки. Он был трижды награжден как "отец водородной бомбы". В свое время это не принесло ему мировой славы. Его работы были строго засекречены, и мир узнал о Сахарове лишь в 1968 году, когда был опубликован его Меморандум.

Сахаров работал над созданием ядерного оружия не для того, чтобы оно стало орудием смерти и разрушения. Хрущев, может быть, и поддерживал работу исследовательской группы именно для этой цели, но не ее преследовал Сахаров. Ядерное оружие действительно было нужно стране для устрашения потенциального противника, для того, чтобы у противника не было соблазна применить это оружие без риска ответного удара. Создание водородной бомбы уравнивало силы противников, в области вооружения был достигнут баланс.

Когда ядерное оружие было создано, Сахаров настойчиво добивался, чтобы оно не было использовано для агрессивных целей. Он энергично протестовал против испытания бомбы в атмосфере и боролся против создания ядерного арсенала в размерах, превышающих то, что нужно для обороны и устрашения потенциального агрессора. Но Сахарова не послушались, его начали травить и преследовать, что и определило его дальнейшую судьбу.

Не его вина, что производство ядерного оружия привело к бешеной гонке вооружения, подвигшей мир к той грани, когда "пушки сами начинают стрелять".

Но, с другой стороны, следует отметить, что баланс вооружения, ставший возможным благодаря работам Сахарова, более сорока лет спасал мир от военного столкновения и позволил передовым промышленным странам в атмосфере "худого мира" наращивать благосостояние своих граждан. У нас это не случилось только потому, что власти упорно придерживались "старого мышления" и "передового учения" и как огня опасались спасительных реформ. Сторонников реформ в стране преследовали и наказывали, а за рубежом, в Восточной Европе, давили танками и расстреливали из пулеметов.

Итак, общечеловеческая заслуга Сахарова несомненна, и он вполне заслуживал нобелевскую премию мира. Он ее получил позже и на ином основании.

Участвуя в создании ядерного оружия по существу для гуманных целей, Сахаров, естественно, хотел избежать атомной катастрофы для своих сограждан и соплеменников. Но думал не только о них, но и о других народах. Как русский человек, он отозвался на призыв Достоевского "быть всечеловеком" и не желать гибели ни для кого.

Можно ли считать Сахарова русским патриотом? С натяжкой. Сахаров не вписывается в такие сравнительно узкие рамки. Но тогда, может быть, он был "безродным космополитом"? Ни в коем случае. Космополитизм очень бледное и расплывчатое понятие, а Сахаров отличался яркой индивидуальностью. Его нельзя себе представить немцем, французом или американцем. Он – чисто русское явление.

В 1968 году Сахаров опубликовал свой Меморандум "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Начало первого тезиса Меморандума гласит: 1. Разобщенность человеческого общества угрожает ему гибелью. Цивилизации грозит всеобщая термоядерная война..." Эта фраза связывает первый период деятельности Сахарова с тем, который начался с обнародования Меморандума. Если в первый период деятельности осознание Сахаровым опасности ядерной войны выразилось участием в создании ядерного оружия, т. е. в д е л е (тщательно скрытом от мира усилиями охранительных органов), то в последующий период, когда опасность войны возросла, то же сахаровское опасение нашло свое выражение в с л о в е, в гласности. Это свидетельствует об устойчивости отношения Сахарова к основной проблеме как России, так и всего мира.

Меморандум лишь по форме был обращен к западному общественному мнению. Для Запада, однако, мысли, высказанные Сахаровым, не были ни новыми, ни оригинальными. Опасность войны многие осознавали, а что касается интеллектуальной свободы, то ее на Западе было более чем достаточно. Интерес к меморандуму был вызван тем, что изложенные в нем мысли были высказаны с о в е т с к и м ученым.

По существу, как и "Письмо вождям" Солженицына, меморандум был обращен и не к советской общественности (таковой в те времена практически не существовало), а к вождям. К голосу Сахарова вожди в те времена не прислушались, а лишь усилили гонения на "возмутителя спокойствия". Но прошло 17 лет, и сами вожди объявили народу с высокой партийной трибуны о необходимости гласности. Так Сахаров, "отец водородной бомбы", стал и "отцом гласности", без которой нельзя было начать перестройку.

Сахаров был прорицателем, как был в свое время Достоевский. Обоих их постигла судьба пророков, к голосу которых их современники были глухи.

Так кем же все-таки был Сахаров? На этот вопрос очень трудно ответить. Сахаров говорил о себе очень мало, и потому о его внутреннем мире приходится лишь догадываться. Во всяком случае, его нельзя причислить ни к какому политическому течению или партии. Сказать о нем, что он был либералом, это не сказать ничего. Он был очень активным и целеустремленным человеком. Он был одинок в силу своей своеобразности, он не признавал принятые "правила игры", он не излагал свои мысли на эзоповском языке с использованием намеков и скрытого подтекста, он все говорил ясно, открыто и без обиняков. Поэтому нельзя подобрать к нему стандартную этикетку и указать на его конкретный общественный адрес. Он уникален и неповторим. Лишь после возвращения из Горького и выбора в Верховный Совет он стал членом "межрегиональной группы", не имеющей ни статута, ни твердых организационных форм.

И все же о Сахарове кое-что можно сказать без большого риска ошибиться. Он был подлинно русским человеком, так как постоянно думал о судьбах и благе России, он был с Россией "в непого-

ду", то есть был русским патриотом, хотя от этого термина он, пожалуй, и отказался бы. Был он и верующим человеком. Когда он был поставлен перед вопросом, что движет его поступками, он твердо и отчетливо ответил: "Я верю в Абсолютное Добро". Это чисто религиозное отношение к жизни, хотя и с этим утверждением он мог бы не согласиться, так как чуждался обрядовых религиозных проявлений, но активно проявлял свою веру всем своим поведением, всей своей жизнью до последнего вздоха. Сахарова можно назвать христианином, так как Бог христиан – это Добро, и все, что из него проистекает: любовь к ближнему, милосердие... Не чужды Сахарову ни смирение, ни покаяние. Не была ли вся его жизнь, с момента соучастия в создании страшного оружия, покаянием на деле, безбиения себя в грудь и публичного посыпания главы пеплом?

Россия знает таких людей и издревле называла их страстотерпцами и подвижниками.

Несгибаемый противник тоталитаризма

Наша ретроспектива

Умер Андрей Дмитриевич Сахаров – большой ученый, великий гуманист, несгибаемый борец против тоталитаризма в своей стране. Памяти А. Д. Сахарова в эти первые недели после его кончины посвящают свои страницы печатные издания всего мира. "Посев" также отдает долг памяти великого Человека.

Нашему журналу трудно конкурировать с советской прессой, касается ли это тиражей, оперативности или гонораров. Но у него есть одно качество, которое начисто отсутствует у всей советской официальной прессы, – последовательность и верность принятому на себя журналистическому долгу. Это особенно видно в освещении работ, статей, выступлений А. Д. Сахарова. Мы публиковали статьи и заявления академика Сахарова все долгие годы, когда советская пресса трусливо молчала, а то и хуже – поливала покойного академика грязью. В течение почти двадцати лет (1968–1986) советские газеты миллионными тиражами стряпали по адресу Сахарова грязные, лживые статьи и фельетоны, организовывали "возмущенные" письма пастухов и академиков. И ведь ни один "орган" того или иного ЦК, встав на путь гласности (!?), так и не извинился перед А. Д. Сахаровым!

Как только в Самиздате появилась первая работа А. Д. Сахарова "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", она была опубликована в "Посеве" (№ 8, 1968). Затем она вышла отдельной брошюрой в издательстве "Посев" (1968), в 1970 году вышло ее второе, расширенное издание, вместе с дискуссионными отзывами. На страницах "Посева" (№№ 1, 5, 7 за 1969 г., № 2 за 1970 г.) прошло обсуждение "Меморандума" Сахарова. Усилиями В. Д. Поремского эта работа А. Д. Сахарова была переведена

на ряд языков, и виднейшие ученые мира высказали свои суждения по затронутым проблемам ("Грани" № 72, 1969).

В дальнейшем "Посев" публиковал все статьи, высказывания, заявления Сахарова. В 1974 году вышел сборник "А. Сахаров в борьбе за мир". В 1973-1975 гг. материалов было так много, что журнал установил специальную рубрику "А. Д. Сахаров". 10 раз, начиная с 1972 года, портрет Сахарова выносился на обложку "Посева", дважды его фотография открывала квартальное (начиная с 1977 года) издание "Посева". Публикуемая ниже подборка - лишь небольшая часть нашего "Сахаровского наследия".

Какова основная тема "Размышлений" А. Д. Сахарова? По существу, это - программа мирной революции, перехода от тоталитарного строя к строю "научно-демократическому": "устранение факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов".

...Труд Сахарова представляет собой исключительное и знаменательное явление - по содержанию, по личности автора, по времени появления в свет: в разгар чехословацких событий, с которыми многие в мире связали надежды на коренное перерождение социалистического общества на пути от тоталитаризма и насилия к свободе и демократии.

(В. Поремский. "Программа академика Сахарова",
"Посев" № 8, 1968)

Ограничится ли отклик на предложения Сахарова восхищением его смелостью и умилением перед его наивностью или же будут найдены пути конкретного и делового их обсуждения? Ответы на все эти вопросы лежат на совести тех людей доброй воли, к которым с таким доверием обратился наш большой и талантливый ученый.

("Будет ли развиваться дальше дискуссия
по меморандуму?", "Посев" № 2, 1970)

Сахаров сделал добавку к своим словам об НТС и "Посеве" в связи с обвинениями в том, что его заявления и призывы используются в антисоветских изданиях "Посева" в антисоветских, подрывных целях. Они (НТС и "Посев") стали главным пугалом в устах КГБ и им подобных, главным обвинением и основным методом запугивания людей и давления на общественное мнение. Даже наличие случайно попавшего в руки издания "Посева" считается уголовным преступлением.

Поэтому важно внести ясность в этот вопрос, сказал Сахаров. С его точки зрения, и он подчеркнул это при разговоре с прокурором, он приветствует издательскую и просветительскую деятельность "Посева", совершенно безотносительно к программе НТС или к действиям и заявлениям отдельных представителей этой организации.

("Реальность угрозы?" Пресс-конференция
А. Сахарова в Москве 21.8.1973 г., "Посев" № 10, 1973)

Концепция Сахарова привлекательна тем, что она сулит нашей стране сравнительно быстрое включение в мировое содружество, а

следовательно, и более быстрое изживание вопиющих недостатков нынешней системы, принесшей России столько бед и несчастий.

Путь, начертанный Солженицыным, более соответствует сравнительно дальним перспективам, требованиям "очеловеченной" технологии и борьбы с промышленной гигантоманией, которая, даже будучи одобренной демократией, наращивает шансы экологической катастрофы.

(В. Поремский. "Две перспективы",
"Посев" № 6, 1974)

Партийно-государственная монополия в области культуры и идеологии особенно разрушительна. Она требует от людей лицемерия, приспособленчества, серости и самооглупления. Идеологический монизм, нетерпимость вместе с холодным политическим расчетом приводят к непрекращающимся преследованиям инакомыслящих. Число политических заключенных Сахаров оценивает в границах от двух до десяти тысяч человек, не считая страдающих за религиозные убеждения, которых, вероятно, гораздо больше.

("О стране и мире". Новая работа
академика Сахарова. "Посев" № 10, 1975)

В более чем полувековой истории нашего государства с его жесточайшими средствами репрессий и угнетения "феномен Сахарова" может показаться на первый взгляд необъяснимым. В самом деле, как, каким образом человек, достигший уже в тридцатилетнем возрасте высших ступеней научно-государственной иерархии, увенчанный всеми высшими наградами и премиями страны, принятый на равных в самом узком кругу руководящей верхушки, вдруг разом и навсегда отказывается от всего достигнутого и встает в оппозицию к существующему правительству, лицом к лицу с огромным аппаратом насилия, один на один с гигантским и беспощадным молохом тоталитарного режима?

(Владимир Максимов. "Лицом к лицу с огромным
аппаратом насилия". "Посев" № 10, 1975)

Совершенно необычная личность Сахарова не уложилась даже в гибкие рамки советских законов, и, вынужденно применив к нему специальные, никакими законами не предусмотренные меры, власть, напитанная кровью миллионов жертв, лишь подчеркивает свое бессилие перед нравственным авторитетом своего противника.

Сообщение об аресте Сахарова было моментально передано всеми информационными агентствами мира и поразило Запад, пожалуй, не меньше, чем советское вторжение в Афганистан.

(Ссылка академика Сахарова.
"Посев" № 2, 1980)

...Когда представляешь себе, как человек, которым может гордиться не только Россия, но и весь мир, должен каждые 10 дней ходить в милицию отмечаться (не сбежал ли?), - задаешь себе еще один вопрос. Ну, доярки и писатели, Бог с ними, они ждут указаний, им с волками жить. Но ведь и здесь, на Западе, кое-кто считает, что

танки в Кабул пришли по чьей-то (не понятно только чьей) просьбе. Неужели надо, чтобы они, краснозвездные, загудели у них под самым окном? Неужели только это может убедить их в том, что у лжи ноги вовсе не короткие. И к тому же - на гусеницах...

(Виктор Некрасов. "Андрей Дмитриевич",
"Посев" № 3, 1980)

...Одна из важнейших задач защиты Сахарова в идущей кампании (что, к сожалению, не всегда учитывается) - защита его доброго имени в глазах населения нашей страны, защита его как одного из лучших граждан сегодняшней России. И умножая усилия по спасению Андрея Дмитриевича Сахарова и многих других преследуемых в СССР людей, необходимо что-то делать для устранения первопричины этих преследований: для устранения режима, при котором лучшие люди нашей страны считаются преступниками.

(Борьба за Сахарова, "Посев" № 6, 1984)

Открытые организации НТС в России сегодня

Б. ПУШКАРЕВ

Выступление руководителя Манхэттенской группы НТС Б. С. Пушкарёва на ежегодной конференции "Посева", состоявшейся в Нью-Йорке 14-15 октября 1989 г.

Развал тоталитарной коммунистической системы - основное историческое содержание наших дней. И отсюда возникает и главный политический вопрос нашего времени: что придет этой системе на смену? Этот вопрос, естественно, волнует и нашу страну, и Запад.

Что мы можем сделать? Мы можем повлиять на то, что этой системе придет на смену. Пустое поле, если его не засеять, зарастает бурьяном и чертополохом, и в пустоте на месте отмирающей системы, уже растут не только здоровые побеги, но и самый дикий плевел. Чего будет больше: здоровых побегов или плевелов, зависит от того, чего будет больше посеяно. И потому название нашего журнала "Посев", над которым многие смеялись, мол, какое сельскохозяйственное название, сейчас как нельзя к месту.

В 1940-е годы, я помню, была такая песня со словами: "Будет строить новую Россию закаленный в бедствиях народ". А сейчас я спрашиваю одного знакомого: что, по-твоему, придет на смену чекистскому государству? Он отвечает: воровское государство, то есть мафия. Вот вам первый сорт плевела. Встретил я группу молодых преподавателей вузов из Сибири, они говорят: старое разрушено,

новых ценностей нет, мы полностью отрезаны, на голом месте, в народе единственная идея – надо навести порядок. Стою я как-то в Москве в очереди, какая-то бабка с желтыми волосами и с большим крестиком на груди разоряется и орет: "Ивана Грозного на них нет!" Я не расслышал, на кого именно нет Ивана Грозного, вероятно на кооператоров. По-видимому, бытует в народе и такой идеал – Ивана Грозного. Все сорта плевела я перечислять не берусь. Скажу лишь, что есть и такой: христианство – это жидовская религия, а "Посев" – жидо-масонский журнал.

Обратим теперь свои взоры к здоровым побегам. Это, конечно, прежде всего православное христианство и все многочисленные литературно-общественные и культурно-исторические явления, которые с ним связаны. Если прийти в церковь в нерабочее время, то пресловутых старушек, которых там якобы только и видно, нет, я лично не видел. Видны работающие люди среднего возраста, мужчины и женщины, ребята и девицы школьного возраста. На Ленинских горах в толпе студенчества я любил подслушивать случайные оброненные обрывки чужих разговоров. Девушка говорит своему кавалеру про кого-то с уважением: "А ты знаешь, ведь он закончил Богословскую академию".

Церковь и политика – разные сферы. В прошлом году в этом же зале на нашем собрании, посвященном 1000-летию Крещения Руси, протонерей Иоанн Майендорф достаточно авторитетно говорил о разделении Церкви и государства, религии и политики. От возрождения Церкви до возрождения оцерковленной государственности еще огромное расстояние. Так послушаем, о чем говорит сегодняшнее государство эпохи перестройки.

По существу Горбачев в эпоху гласности выдвинул три новых идеи.

Первую можно определить так: не миродержавие, а мироустройство, то есть отказ от классовой борьбы, от завоевания мира, признание мирового содружества наций и мировой системы, не обязательно социалистической, а просто мировой системы.

Вторая идея – идея рыночных отношений, замена приказа свыше договорными отношениями, замена бессмысленных цен по команде реальными ценами, складывающимися на рынке в процессе спроса и предложения.

И третья идея – идея правового государства, государства, в котором учреждения построены так, что они взаимно контролируют друг друга, а не находятся в одной единой пирамиде подчинения. Если вы со мной согласны, что это три главные идеи перестройки, то я советую обратиться к подшивке журнала "Посев" за 1980–1984 годы. Там вы найдете три документа НТС, которые излагают наши альтернативы политике КПСС. Первый, 1981 года – о конструктивной внешней политике Российского государства, там изложен принцип "не миродержавие, а мироустройство". Второй, 1982 года, именуемый "Основы обновления народного хозяйства", в котором объяснено, почему хозяйство не может существовать без свободных рыночных договорных цен, и даны наметки, как можно перейти от директивного хозяйства к хозяйству социально-рыночному. Третий документ, 1984 года, под названием "Основы перехода к правовому государству", где речь идет о разделении властей и прочих гарантиях правового строя.

Здесь, естественно, возникают спорные интерпретации. Одни скажут: перестройщики из ЦК явно у вас списали многое; другие скажут, что НТС о себе слишком много воображает, просто совпадение; третьи скажут: и не списывание, и не совпадение, а просто объективная реальность. Это она заставила и тех и других мыслить параллельными путями. Я не берусь сказать, какое из этих трех мнений самое верное. Скажу лишь, что в ЦК интересовались подобно-го рода разработками, и это не столь фантастично, как может показаться. Есть независимые свидетельские показания, в частности, одного присутствующего здесь автора: он в то время сидел в лагере, и его вызывали в ГБ на допросы, свидетельствующие о том, что накануне перестройки КГБ делал усилия, чтобы в конструктивных идеях оппозиции искать приемлемый для власти материал и пытаться создать, если хотите, новую зубатовщину.

Мне могут возразить: раз так, то чего вы, собственно, волнуетесь? Раз компартия проповедует ваши идеи, вы можете успокоиться и выходить на пенсию, а КПСС все устроит. В том-то и дело, что партия "всё устроить" не в состоянии. Все, чего коснулись большевики, оказывается, пользуясь выражением одного автора в России, изгаженным. И опасность в том, что все хорошие идеи – и мироустройство вместо миродержавия, и рыночные отношения, и правовое государство – тоже окажутся изгаженными, им перестанут верить только потому, что ими сейчас пользуются большевики. Они превратятся в лозунги, противоположные действительности, превратятся в ложь.

Мы это превращение, к сожалению, уже наблюдаем. Правильные лозунги во внешней политике привели к прекращению войны в Афганистане, к сокращению ядерного оружия. Но и Кастро, и Ортега, и коммунисты в Анголе по-прежнему сидят на своих местах. Все хорошие лозунги о хозяйстве и рыночных отношениях привели пока только к тому, что на периферии народного хозяйства легализована тоненькая прослойка кооперативов, которые вынуждены действовать в совершенно ненормальных условиях, где трудно провести грань между рынком и спекуляцией. И поставленные в такие условия, они, конечно, поддаются спекулятивной антирыночной тенденции. Здоровая идея профанируется тем, как ее использует власть. Разговоры об оптовой торговле ведутся уже два года и остаются чистыми разговорами. А крестьяне не видят разницы между прежними колхозными отношениями и коллективным подрядом и прочими новшествами. То есть все остается на словах, а реальная хозяйственная перестройка не происходит. А в области права – выпустили узников совести, есть небольшой оппозиционный блок в Верховном Совете, но разве это уже правовое государство? Есть опасность, что в руках большевиков все эти идеи превратятся в такую же фикцию, как светлые дали коммунизма.

И вот все эти три идеи по сути своей чужды, инородны теории и практике прошлых 70 лет. Беря на вооружение чуждые себе идеи, режим одновременно дискредитирует собственное прошлое и самое себя, но может дискредитировать и эти идеи. Поэтому должен быть кто-то, кому эти идеи естественно принадлежат, кого они не выворачивают наизнанку и кто их не может дискредитировать, кто, как маленький флагманский катер с андреевским вымпелом на мачте идет впереди, указывая путь к будущему. Так мне видится НТС в сегодняшней России.

Бурьяна и плевелиа, увы, у нас в России хватало и до революции. Но сквозь них пробивалась здоровая политическая традиция, традиция земства и почвенной демократической государственности. Это традиция, которой наши ребята в России чувствуют себя сегодня законными наследниками и преемниками. Как они эту традицию определяют? Сендеров говорит о традициях Столыпина и Врангеля, которые мы сейчас несем. Евдокимов говорит, что когда мы выйдем на открытую политическую арену, нам следует на нее выйти как христианско-демократическому союзу, вкупе с христианско-демократическими партиями Европейского экономического сотрудничества. Мазурин говорит: мы носители русской национальной идеи, нас некоторые не любят за то, что мы за сильную свободную Россию.

Вот три точки отсчета. Три ответа на вопрос, зачем нужен НТС. Другое дело, что ни один из этих трех не видит эту новую Россию реальностью завтра или послезавтра. Сторонники режима пугают возможностью его крушения в полтора-два года, а наши ребята живут иными категориями времени.

Как они видят перспективу ближайших лет? Мазурин: большевики так испортили народ, что на нынешнее поколение рассчитывать нечего. Старшие не умеют независимо думать. Рассчитывать можно только на молодежь, на тех, кто в среднюю школу вступил только в период перестройки, на тех, кому 15–17 лет. На них нужно строить НТС. Через десять лет мы приобретем влияние, через 20 лет мы придем к власти. Это говорит девятнадцатилетний. То есть пресловутый переходный период, который всегда громко фигурировал в нашей программе, будет длительным. Он начался, условно говоря, в 1987 году, и вот по оценке не только Мазурина, нужно еще 20 лет. Он будет длительным, и мы должны готовиться к работе в этом переходном периоде, – это слова Сендерова.

Такова оценка тех, кто стоит на передовой. Если ее сравнить с процессами в Польше и Венгрии, начавшимися 33 года назад, то можно прийти к выводу, что оценка эта реалистична, а не пессимистична. Подобную оценку, кстати, разделяет, например, и Леонид Бородин. Он говорит, что сейчас еще НТС – не альтернатива, альтернативы Горбачеву нет. Вариант Польши и Венгрии единогласно выдвигается как желательный, как наиболее оптимальный вариант, учитывая, что в течение двух десятков лет, о которых идет речь, возможен и китайский вариант. Нам предстоит длительный бурный и трудный переходный период. Волны движения и вперед и назад.

Как НТС сегодня в России выглядит? Прежде всего я сделаю небольшое историческое вступление. Первые подпольные вылазки Союза в Россию были довольно кровавыми, были в начале 30-х годов и потом прекратились. Но начиная с 1938 года и удачного прохода Георгия Сергеевича Околовича в Россию и группы, которая прошла за ним, НТС непрерывно присутствует на территории Советского Союза. Сначала это были члены Союза, которые пересекли границу в 30-е годы, потом это были члены Союза, которые остались в подполье после немецкой оккупации, и большое число тех, кто попал в сталинские лагеря и пытался действовать даже в тех условиях, как покойный Олег Сергеевич Поляков.

Это предыстория. История сегодняшней нашей организации в России отсчитывается примерно с 1960 года, когда начались первые поездки курьеров, или "орлов", как мы их называли, из-за границы. Фактически, организация, которая существует сейчас в России, это организация примерно 30-летнего возраста. В раннюю историю этого периода входят Юрий Галансков и Борис Евдокимов, отец нынешнего Ростислава Евдокимова (о том, что они члены НТС, стало известно только после их смерти). Все 1960-70-е годы организация была в подполье, по принципу молекулярной теории, то есть небольших групп, не связанных между собой и общающихся подпольным образом с заграничным центром. И только в 1982 году, в связи с предстоящим арестом, Сендеров и Евдокимов открыто объявили себя членами НТС. Сейчас открытых членов стало гораздо больше. Открытые члены НТС – это не люди, вышедшие из подполья, а новопоступившие, в основном, поколение девятнадцатилетних. А те, кто был в подпольной организации, которая отстраивалась все эти 30 лет, предпочитают пока еще на поверхности не появляться, хотя следы их деятельности видны, и о них рассказывают, в частности, открытые члены. Так что организация сейчас построена примерно так: существуют в целом ряде городов открытые члены НТС, – один, два, максимум три человека на город, – они вокруг себя имеют круг людей, с которыми работают, но которые о себе открыто не заявляют и которые остаются, я бы сказал, полуоткрытыми. И наконец, сетка по-настоящему закрытых членов, которые постепенно выходят из подполья на срастание с этой полузакрытой организацией. Открытые члены необходимы для того, чтобы было к кому обратиться и с кем связаться.

Первым требованием группы ребят в Горьком было: почему вы не пишете наших адресов и фамилий в "Посеве", почему вы пишете для связи какой-то дурацкий почтовый ящик в Роттердаме? Да кто вообще из Горького будет писать в Роттердам? Радио "Свобода" передала телефон одного из этих ребят, сразу посыпалась масса звонков, он был на седьмом небе, потому что появилась возможность связи с живым человеком. Организация переживает такие метаморфозы, из-под воды выходят головки, которые видны на поверхности и с которыми можно держать связь.

Москва мне показалась очень цветистой, радужной, как какой-нибудь древний город Бразилии, но самое главное, город "чистый", то есть очищен от зрительного мусора, наглядной пропаганды. Нигде не видно ни лозунгов "Слава коммунизму" на крышах, ни плакатов с портретами вождей. Единственные две вещи остались из зрительной пропаганды на всю Москву – это звезды на башнях старинных, как писал поэт, и Ленин в мавзолее. Когда я шел по Красной площади, я подумал, что осталось еще убрать эти две вещи, а на следующий день, когда я шел со своим знакомым, он мне сказал то же самое. А на третий день я шел с другим знакомым, и он мне тоже сказал об этом.

Приходишь на площадь Пушкина, перед зданием редакции "Московских новостей" продается "Посев", 5 руб. штука, довольно дорого, люди жалуются: спекулянты. "Путь к будущей России", российское издание, стоит только 3 рубля. Для наших это проблема. Мы должны с человеком работать, мы должны дать ему литературу бесплатно, а это не подконтрольно: не только тот, кто печатает, назначает цену, а тот, кто продает. Чем он дороже продаст, тем он больше на этом

заработает, ведь людям жить надо. А спрос есть, спрос и предложение устанавливают цену. Также продаются московское издание "Русской мысли", "Экспресс-хроника" и "Русские ведомости".

На Гоголевском бульваре тоже продается литература. Там происходят встречи неформалов, там общаются люди и бегают ребята и девочки с нашими союзными значками. Я спрашиваю Славу Дегтерева: это что, все открытые члены НТС? Нет, это мода такая. Как, говорю, мода? У нас в Северной Америке осталось, наверное, всего два значка, дефицит. Дегтерев: да тут Волохонский привез на черный рынок 600 штук, он ими торгует. Скоро следующая партия придет. Хотя бы мы ими торговали, а то спекулянты. А милиция? Прохаживается, смотрит, иногда вступает в разговоры. Стоит бородач в длинном кафтане и торгует "Основными законами Российской Империи", изданными Колтыпиным. 10 рублей штука, торговля идет не особенно бойко. Не потому, что никто не интересуется законами, наоборот, интерес к Российской Империи большой, а потому что дорого. Рассказывали мне о фарцовщике в Риге, который кричал: "Что такое советская власть и как с ней бороться" - 3 рубля штука! Правда, Сендеров жаловался: продают субъекты всякие - не обязательно нам реклама.

Вот информационный бюллетень Народного Фронта Латвии газета "Атмода", на русском языке ("атмода" - пробуждение). Тут говорится, например, так: "У меня в руках изданная на Западе брошюра "Путь к будущей России. Политические основы Народно-Трудового Союза". Эта брошюра - вклад НТС в процесс становления независимой общественности. Восстановление преемственности нашего национально-государственного бытия, ткань которого разорвана однопартийной диктатурой. Зло советской государственной системы - в отсутствии независимых от партий контрольных органов. Право тем более совершенно, чем меньше мешает оно людям жить. Из Уголовного кодекса необходимо изъять статьи, противоречащие международным нормам, необходимо отказаться от деления мира на два лагеря. Задача государства не командовать обществом, а служить ему. Бытие не определяет сознание, лишь на него влияет, а сознание направляет бытие. НТС признает за каждым народом право на основании плебисцита самому решать свою судьбу после свержения большевизма на всей территории России. Владение собственностью уменьшает зависимость человека от государства и обеспечивает его свободу. Враг НТС не люди, а система диктатуры и идеи, на которых она зиждется" и т. д.

Вот вам достаточно внушительная цитата из "Пути к будущей России". А дальше идет интервью с Валерием Сендеровым. Это не подпольное издание, вы можете подписаться, тираж 60 тысяч. Это лишь несколько примеров того, что видно, если подойти снаружи.

А если переступить порог квартиры, то несколько встреч я могу описать. Сендеров хочет, чтобы люди знали, где он живет. Сам Валерий седой, похудевший, и по старой подпольной традиции "факс", который стоит у него на столе, он прикрывает клеенкой. Телефон и у него, и у Ростислава звонит круглые сутки. Как они могут что-то делать, писать в таких условиях, - я себе не представляю. Слава Дегтерев, который живет неподалеку, как бы связной при Сендерове и вращается в самых разных неформальных кругах. Вот он привел меня к себе домой, у него полочка: Казанцев, Штрик-Штрик-

фельдт, Жадан. Книга Жадана "Русская судьба" среди девятнадцатилетней молодежи очень популярна. Нужно побольше таких книг, и старые члены Союза должны писать свои воспоминания. Такие книги необходимы, чтобы сохранить преемственность и чтобы эти девятнадцатилетние чувствовали, частью какого исторического потока они являются.

В Горьком Мазурин и Полушин открыли корпункт "Посева". Телефон для связи передало радио "Свобода". Оно известно в Москве как голос "Московских новостей". Люди считают, что оно делает полезное дело, вот, в частности, передало адрес Мазурина. Но когда по радио передавали его телефон, произошел такой казус. На рынках во всем городе оказались расклеены объявления: обращаться по телефону такому-то, продаются канарейки, детская мебель, детская одежда и еще уйма каких-то дефицитных товаров. Начались бесконечные звонки, и мать Мазурина они просто сводили с ума. Тогда Саша сел и отпечатал тридцать объявлений такого же содержания, но просьба звонить не по тому же номеру, там больше нет канареек, а по телефону такому-то, и дал телефон дежурного Г.Б. В течение последующих двух недель звонки прекратились.

Я спросил Александра, что вы, мол, такая замечательная личность, как вы вообще дошли до жизни такой? А он говорит, что его многие об этом спрашивают и он уже выучил свою автобиографию наизусть. Началось в 14 лет с его интереса к Высоцкому. Потом, в 15 лет, интерес перекинулся на Сахарова, он в то время как раз в Горьком жил. Задавал насчет Сахарова всякие неуместные вопросы - выкинули из школы. Поступил на горьковский автозавод, работал там на конвейере (с 15 лет, значит), знает достаточно реальную среду, не узколобый, человек явно больших интеллектуальных способностей. Потом закрытый член НТС, которого он назвал по имени как своего знакомого, вручил ему "Посев", через "Посев" он направился в "Гласность", стал их корреспондентом, из "Гласности" перешел в "Экспресс-хронику", потом нашел ДС и через ДС вернулся к НТС, поскольку ДС его не удовлетворял своей поверхностностью. Сейчас он один из оплотов работы в Горьком. Мы с ним просидели у меня в номере полтора дня, и он высказывал свои соображения насчет того, что нужно делать, чего не нужно, как делать и т. д. Высокие требования к себе и товарищам своим - это школа Сендерова, у которого, конечно, среди этих ребят очень большой авторитет. ДС они во многих случаях рассматривают как крышу. Когда писалась программа ДС, принесли "Путь к будущей России", и они из него взяли основополагающие цитаты.

Неформальные группы мне немного напоминают то, что в Америке называют мягкими скульптурами, где жидкость переливается из одной в другую. Мне все говорили, что Народный фронт в Ленинграде - наиболее авторитетная организация, потому что там состоят члены КПСС и НТС вместе, и у них 7000 человек. И все это постоянно переливается из одной формы в другую, и формы эти непрерывно меняются. Ничего статического нет, все в непрерывном движении. Поэтому если говорить о двойном членстве, то оно очень часто логично. Проблемы? Сендеров, например, выдвигал как наиболее трудную - самоприем. Потому что на основании самоприема приходят в организацию самые разные самозванцы и вообще всяческая шваль, кого бы я, говорит Сендеров, туда ни в коем случае не пустил. У Сендерова, конечно, высокие критерии оценок, но проблема эта есть. А сколько

приходит просто для того, чтобы за границу выехать! Проблема продажи и распространения литературы: связь с бичами, с одной стороны, продуктивна, а с другой – получается, что НТС – это бичи? Проблем хватает, но это положительные проблемы, проблемы роста и начала.

Ростислав Евдокимов. Его квартира – такой же центр, как квартира Сендерова, вечно толпятся люди. Над кроватью висит трехцветный флаг, тот самый, который он первым поднял на стадионе "Локомотив" во время известной демонстрации, исторический трехцветный флаг, первый за время советской власти поднятый над Петербургом. Я предварительно Ростиславу позвонил, ответил мне веселый голос, что, мол, приходите часика через три, так как сейчас мне надо идти в КГБ. Мне будут возвращать "факс" и всю литературу. Ему, действительно, вернули все конфискованное при обыске, за исключением 150 бланков МОПЧ*, которые они себе оставили. Дело в том, что отдел по борьбе с идеологической диверсией КГБ будет переименован в отдел защиты прав человека, и им нужны соответствующие бланки.

Ростислав рассказал случай, который послужил, в частности, причиной его ареста. Его друг, экономист, был назначен преподавателем на курсы контрольно-ревизионного управления Министерства финансов СССР. Готовят там финансовых ревизоров. Есть там пособия по разным предметам, в частности, новый предмет – "радикальная реформа управления". Пособия нет, взяли и размножили "Путь к будущей России". И эти курсанты сдавали экзамен по "Пути к будущей России". И расставаясь со своим преподавателем, все в шутку говорили, что они теперь все солидаристы. Пронюхал КГБ, получился крупный скандал, парня этого моментально вышибли с работы, а почувствовав, откуда это все идет – от Ростислава, его весной дергали в ГБ. Он решил от ГБ скрываться, надеясь, что пронесет, и действительно дело закрыли, все ему вернули. Скрывался он, в основном, в городе Рустави в Грузии. И вдруг у его знакомого грузина, где он жил, раздается звонок из КГБ: "Мы знаем, что у вас живет Евдокимов. Ну живет себе и пускай живет, но зачем он еще выступает? Выступать нехорошо".

Есть еще один член НТС с довольно красочной биографией: в прошлом капитан ГРУ, был в Афганистане, потом его посадили за попытку угнать самолет. Он, правда, говорил, что не хотел угнать самолет, хотел только написать роман об угоне самолета. Сидел он вместе с Ростиславом и теперь служит ему помощником. Другой парень, социолог, который давал нам спектр ленинградских неформалов. Сейчас у Ростислава, конечно, встречи с акцентом на бывших своих солагерников. Это, так сказать, фактическая сторона, как эта организация выглядит.

И наконец, третий пункт – что нужно? Нужно, прежде всего, передавать идеи. Вот, например, сегодня докладчик сказал: люди сами отстроят организацию, если будут идеи. Нужно заботиться не об организационном начале, а о содержании нашей литературы, а люди сами сгруппируются вокруг содержащихся в них идей. А чтобы передавать идеи, их нужно создавать, а чтобы их создавать, нужен "мозговой трест". Поэтому мы не собираемся ограничиваться

* Международное общество прав человека во Франкфурте-на-Майне. – Ред.

рамками собственных членов, а приглашаем участвовать в этом всех, кто заинтересован и кто способен. В частности, новый "Посев", двухмесячный, малого формата, ищет новых авторов.

Второе: нужны печатные материалы. Как раз Мазурин изложил мне четыре этапа материалов, которые он считает для его работы необходимыми. Нужна визитная карточка - брошюрка более простая, чем "Путь к будущей России", для начинающих. В этом смысле всем очень нравится документ "На службе России", "Посев", периодическая литература и книги, среди которых выделены Жадан, С. Пушкарев "Ленин и Россия", его же "Самоуправление и свобода", Столыпин "История НТС", Солоухин "Читая Ленина". Мы собираемся в этом плане действовать.

Нужно больше, больше, больше - это сплошной вопль. Раньше, когда мы перевозили чемодан литературы, это казалось много, сейчас вышло 40 тысяч "Пути", а они хотят еще больше. Ну, в стране 280 миллионов все-таки живет. Каждый, кто едет сейчас в Советский Союз, может с собой что-то везти. И везти не какие-нибудь невинные вещи, а реальные, это сейчас можно, максимум, чем вы рискуете, что на границе книги отберут. Они говорили, что "Стрелу" прекращать не надо, наоборот, ее надо расширить внутри страны: рассылать материал не только из-за границы, но и внутри страны. Спрос неограничен. В частности, надо везти книги для независимых библиотек, но не какие попало книги. Если мы первыми принесем книги в эти библиотеки, то это те книги, которые будут читать. От нас зависит, какие книги в этих библиотеках появятся.

Нужна техника, хотя бы по одному компьютеру на наши группы в Ленинграде и в Москве, "факсы" нужны дополнительные, нужны карманные магнитофоны в большом количестве. Везя такие магнитофоны, не забывайте, что кассет в Советском Союзе мало, что трансформаторов на американский ток нет. Нужна множительная техника. И, конечно, есть проблема запчастей. И здесь мнения разошлись: молодежь хочет ксероксы в любом количестве и любой ценой, а старшие говорят, что да, но эта техника ломается и где достать американские запчасти. Нужно сосредоточиваться на самодельных методах.

И, конечно, нужны деньги, по-настоящему большие деньги, чтобы можно было работать во всероссийском масштабе. Решение вопроса лежит в двух планах. За границей: если пять человек завешают по дому, то это уже миллион долларов. Внутри страны - это совместные предприятия. И в Европе у нас есть несколько инициативных вариантов, в которых мы стараемся пробить совместные предприятия. Но я знаю, что в Америке есть целый ряд эмигрантов, которые занимаются торговлей с Советским Союзом и со всей этой кухней знакомы. Желательно привлечь их на создание каких-то не просто совместных предприятий, которые будут себе карманы набивать, а которые по хорошей американской традиции часть своего дохода будут отдавать на благотворительные цели, в частности, на развитие политической литературы и политической культуры. Такие пути следует изыскивать. В Питере, когда я был у Евдокимова, к нему пришли три человека и дали мне разные предложения, некоторые более фантастические, некоторые менее, на тему о совместных предприятиях. И все они приходили не потому, что они хотят зарабатывать деньги, а потому, что они хотят финансово помочь НТС. Им нужен партнер на Западе. Я призываю вас стать таким партнером.

Восточноевропейское домино

Александр ЮГОВ

Спектр декоммунизации

В 1989 году мир отпраздновал 200-летие Великой французской революции. И как бы в честь юбилея буквально по всем странам Восточной Европы прокатилась волна народных восстаний против коммунистического абсолютизма. Коммунистические режимы, завезенные в страны Восточной Европы на советских танках 45 лет назад, фактически пали один за другим, как выстроенные в затылок друг другу костяшки домино. Падение одной "костяшки" как бы стимулировало следующую. А первоначальным толчком, безусловно, была провозглашенная в Москве перестройка. Народы в "народных демократиях" не сразу, но постепенно поняли, что танков на улицах Берлина, Будапешта, Праги или Варшавы (в последнем случае - своих, "превентивных") больше не будет.

Демонтаж коммунистических режимов в странах Восточной Европы идет бурно, хотя процесс далеко не закончен. В каждой стране он проходит на свой манер. Любопытно сравнить, пусть даже предварительно, особенности процесса в разных странах Восточной Европы, бывших коммунистических, а ныне развивающихся (по демонстрационному пути).

Польша. Раньше других стала многопартийной страной де-факто. Сила общественного давления заставила коммунистов признать "Солидарность". Как показали последующие события в других "костяшках", это было благоразумным и своевременным решением: Ярузельскому еще удалось стать президентом страны, а польская компартия уберелась от полного развала. Однако вес ее и влияние в стране непрерывно уменьшаются, хотя в этот тяжелый восстановительный период она и перестала (тоже своевременно и с выгодой для себя) быть единолично правящей.

Венгрия. Верховные радикалы-коммунисты сами стали инициаторами не только кардинальных "рыночных" реформ, но и демонтажа своего монопольного положения и ведущей роли. Тут не было никакого мазохизма: они хорошо чувствовали настроения венгров. Население Венгрии, однако, проявило черную неблагодарность: компартия, ставшая в одночасье социал-демократической партией, а также остатки "социалистической единой" спринтерским темпом теряют популярность и голоса. К первым свободным выборам в марте, похоже, мало что от них останется.

Болгария. Явно пошла по венгерскому пути. Внутрипартийный переворот Младенова привел к смене практически всей партийной вер-

хушки. Всемогуший Живков, в течение 35 лет (!) единолично правивший компартией, был из нее исключен. Оказывается, недостойн. Однако аппетит у болгар разыгрался: все громче требования слома всего партийного аппарата. Удастся ли Младенову удержаться на нынешней качающейся трапедии – весьма неясно.

ГДР. Драматичные изменения в течение буквально нескольких дней: граница между двумя Германиями смята, Берлинская стена и заграждения разрушены, партийные старцы, 20–30–40 лет бесконтрольно правившие страной, исключены из СЕПГ и отданы под суд. В славящейся своей дисциплиной и порядком Пруссии Хонеккер и К° развели коррупцию почти как в Узбекистане. На предстоящих в мае первых в ГДР свободных выборах "единые социалисты", оставшиеся в партии после массовых самоисключений, по самой оптимистической оценке, получат всего 15–20% голосов избирателей. А может быть, и того меньше.

Чехословакия. Самый, пожалуй, организованный, быстрый и основательный разгром компартии из всех восточноевропейских "конкурентов". Президентом страны стал недавний "враг № 1" чешской номенклатуры – драматург Вацлав Гавел. Председателем Федерального собрания Чехословакии стал Александр Дубчек, лидер "Пражской весны" 1968 года, изгнанный за это 20 лет назад со всех руководящих партийных и государственных постов. В правительстве коммунисты остались (меньше половины), но это уже не те коммунисты. Они сами требуют ликвидации конституционного положения о ведущей роли компартии. Внутрпартийные события, похоже, никого больше не интересуют, о них сообщается на последних страницах газет. Сплоченность и организованность чехов и словаков – залог успешного преодоления неминуемых будущих трудностей при переходе на рыночную экономику.

На фоне такой поразительной (глядя со стороны) легкости, с которой уходили в пучину небытия и незначительности восточноевропейские компартии, кровавой драмой прорезалось народное восстание в Румынии.

После 10 дней, которые потрясли мир

Детали Декабрьской революции в Румынии еще не все известны. Но уже сегодня можно сделать некоторые выводы.

Румыны еще раз доказали, что нет ни одного народа в мире, который одобрительно или хотя бы терпимо относился к коммунистической диктатуре. Наружное спокойствие или показуха по столичному телевидению никого не должны обманывать. Вспомним, с каким восторгом поднимался огромный зал после выступления Чаушеску на партийном съезде в ноябре. Партийные клакеры демонстрировали "преданность народа" еще лишь за несколько дней до восстания, показавшего истинное отношение народа к партийному тирану. Толща ненависти румын к "кондукатору" и всей руководящей семейке образовалась не за один день.

Коммунистические вожди за столько лет прекрасно усвоили самый верный путь наверх. Сейчас смешно вспомнить, но своего пред-

шественника Георгиу-Деж Чаушеску обвинял... в культе личности. Ну, а кто из "кондукторов" в других странах поступал иначе? Очевидно, "культ личности" имманентно присущ коммунистическому правлению, и предотвратить таковой может лишь иная, демократическая структура власти.

В отличие от почти всех иных стран Восточной Европы Румыния никогда не делала серьезной попытки вырваться из-под коммунистического сапога. Уже раздавались голоса, что тяга к свободе у румын меньше, чем у его северных "друзей по несчастью". Героическая, бесстрашная борьба безоружных жителей на улицах Бухареста и Тимишоары разбила бытовавший стереотип.

И еще один стереотип был разбит в эти предновогодние дни на румынской земле. Румыны, мол, народ невоинственный, нежестокий, если могут, то будут уклоняться от схватки. Именно так отличали румынских солдат от немецких во время войны. И вдруг – такая жестокость, даже садизм! И не по отношению к оккупированным жителям, а – к своим! Как это понять, чем объяснить? Объяснение, наверно, одно: самые кровавые и жестокие войны – гражданские, а в Румынии в декабре был именно сколок гражданской войны. А самые озверелые солдаты – это гебешники, чекисты, у которых руки в народной крови. Они знают, что пощады им не будет. Румынские "особисты" в этом тоже, увы, не одиноки.

Любопытно, что советская пресса всячески старалась замолчать: как же называются те, кто сражаются на стороне диктатора? Сначала их стыдливо называли "частями особого назначения" (собственно, тоже уже было – ЧОН). А вскоре, в лад с быстро набирающими силу событиями, стали называть "террористами". Название, пожалуй, правильное, только его можно отнести – где в прошлом, а где и в настоящем – ко всем ГБ всех коммунистических стран.

В отличие от стыдливо безымянных "органов" иных соцстран, румынская ГБ имела общепринятое в Румынии и на Западе название – "Секуритате". Это была исключительная организация, хотя, отнюдь, не уникальная. Она воплотила в себе "лучшие" черты своих предшественниц и старших сестер: обладала неутомимостью ЧК, классовым чутьем ГПУ, физической подготовкой НКВД, тактическим талантом КГБ. А сцементированная общим кровопусканием преданность вождю была в ней, пожалуй, повыше, – как у Гестапо.

Отсюда и Советский Союз должен сделать полезный вывод: госбезопасность ни в коем случае не должна иметь своих вооруженных формирований. В моменты непредвиденных событий это может привести к соблазну "организовать оборону" – от своих граждан. Кровавая баня на улицах румынских городов – предупреждение и для Верховного Совета СССР.

Еще раз подтвердилось: двумя вещами сплачивает тиран своих приверженцев – привилегиями и страхом. Неважно, что привилегии эти ничтожны, как посчитали бы жители нормальных, то есть несоциалистических стран. В привилегиях важна относительность: этого не должен иметь твой сосед. А вот страх должен быть абсолютным. Абсолютный страх всех граждан перед "органами", страх абсолютно всех работников "органов" перед гражданами. Самое надежное, когда все "особисты" как высшие, так и рядовые, между собой и с командующим ими тираном скованы общей цепью – цепью совместных преступлений, пыток, произвола. В Румынии эта цепь общих преступлений оказалась настолько мощной, что не порвалась и с исчезнове-

нием Чаушеску. "Секуритате" знала, что мелочами они не отделаются: слишком много крови на них, слишком много ненависти народа к ним.

Давно известно: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Способ предотвращения такого разврата тоже известен – разделение властей. Николае Чаушеску также взял его на вооружение, деля власть со своей женой Еленой. Вообще можно сказать, что в РКП господствовал принцип демографического централизма: члены семей Чаушеску и его жены Елены неуклонно стремились в центр власти, становясь все "центрее". Недостаток тут очевиден: такой "центр" легче изъять, что и было проделано восставшими, положившими конец этим демографическим (или, как любят говорить советские пропагандисты, – феодально-байским) извращениям.

Чаушеску первым из всех коммунистических властителей установил двусторонние связи со швейцарским банком, переведя туда 400 миллионов долларов. Швейцарцы объявили об этом лишь после исчезновения Чаушеску. Возможно, они догадывались, что он уже мертв и не будет предъявлять к ним претензий за нарушение тайны вклада. Эх, хорошо бы организовать "утечку информации": сколько еще идейных последователей марксистско-ленинского учения хранят свои "трудовые сбережения" в тайных сейфах своих идеологических противников.

Некоторые большие национал-патриоты в СССР ставили Румынию в пример: смотрите, мол, даже нищие румыны избавились от унижительных иностранных долгов, все мужественно выплатил Чаушеску! Теперь можно добавить: не только нет долгов, но есть даже валютные сбережения!..

Румынское народное восстание было таким же кровавым, как восстание французов 200 лет назад. Суд над четой Чаушеску так же не отвечал сегодняшним правовым нормам, как и суд над королевской четой во Франции. Но над всеми правовыми нормами встает древний девиз – "Глас народа – глас Божий!"

Когда правительство нарушает права Народа, то восстание является для Народа и для каждой части Народа самым священным из прав и самой необходимой из обязанностей. (Статья 35 Декларации прав человека и гражданина, принятая французским Национальным собранием 26 августа 1789 г.)

Впечатления накапливаются...

На восточноевропейские события ноября–декабря 1989 г. советские средства массовой информации реагировали без привычной одинаковости, "Правда", например, совсем не так, как "Московские новости" – кисло реагировала "Правда". Но заметно было нарастание эмоций: о ГДР писали и показывали по ТВ мало и неохотно, о Чехословакии уже больше, а о Румынии – уже почти совсем, как в остальной Европе. Особенно после того, как Горбачев на Съезде народных депутатов устроил демонстрацию "поддержки восставшего румынского народа".

Демонстрация единодушной поддержки, естественно, последовала тогда, когда стало ясно, что с Чаушеску покончено. Ну, а спросим, если бы Чаушеску и его прекрасно вооруженным и откормленным "особистам" удалось подавить восстание? Так бы и встречал Горбачев дружескими объятиями "лидера братской партии", как это было совсем недавно? Как встречают и явно еще будут встречать лидеров братской компартии КНР, по сути дела, потопивших в крови такое же восстание в Китае?

Гласность, однако, свое дело делает. Бесспорно, на советских телезрителей не могли не произвести впечатления кадры ликующих немцев на разрушаемой Берлинской стене, торжествующее миллионное море чехов на Вацлавской площади в Праге, лица Гавела и Дубчека, румынские национальные знамена с вырезанными красными звездами... Все это – те впечатления, которые накапливаются. Похоже, что обмотки своеобразного генератора (Советский Союз – Восточная Европа) возбуждаются поочередно. Сначала горбачевская перестройка, так и не ставшая "революционной", подтолкнула страны Восточной Европы на действительно революционные изменения. Теперь, в свою очередь, возбуждается советская "обмотка" – и от показываемых по телевидению соседских новостей, и от собственных каждодневных неурядиц. Впечатления накапливаются и, накладываясь на скудный и непрерывно ухудшающийся быт (хотя порой кажется: куда уж хуже?), укрепляют давно возникшее сомнение: "А может быть, только так, миллионными толпами на площадях, отчаянными, решительными демонстрациями и можно что-то сдвинуть в этой стране?"

Конечно, велик еще процент тех, кто оценивает происходящее в Восточной Европе как потерю для России – потерю авторитета, влияния, державности. "За что кровь проливали в Отечественную? Сколько миллионов потратили на постой войск и техники, а зачем? Теперь вот выводить сразу отовсюду придется, а значит, опять сколько расходов! Снабжали их дешевым топливом и сырьем, а к чему?"

Как часто руководители государств, особенно тоталитарных, не видят своих же государственных благ, не предвидят национального ущерба – добиваются того, чего не надо добиваться, жалеют о том, чему бы радоваться... Вспомним, как жалели после войны в Кремле, что не удалось затащить к себе в соцлагерь Австрию с Финляндией, совсем ведь уже на крючке были. Но вот прошло 40 лет, и все радуются: как хорошо, что и Австрия и Финляндия "удержались"! И торговля с ними настоящая, не убыточная, ни подкармливать их не надо, ни защищать. А то имели бы сейчас еще две "костяшки" – и сколько лишних хлопот!

Так не посмотреть ли на будущее с другой, положительной стороны? Происшедшие революции в Восточной Европе в конечном счете выгодны России – но России национальной, а не идеологизированной, когда во имя впитанной за 70 лет догмы не считаются с интересами своего народа. Здесь – как в здоровых и естественных взаимоотношениях между городом и деревней (а не надуманных – "стиранием граней" с помощью "трудовых армий"): чем свободнее и независимей станет крестьянин, тем больше продуктов будет на городском столе. Чем свободнее и независимей, а следовательно, конкурентоспособнее и состоятельнее станут наши восточноевропейские соседи, тем лучше, спокойнее, выгоднее будет России.

Авангард?

Глеб РАР

В своей статье "Социалистическая идея и революционная перестройка" ("Правда", 26 ноября 1989 г.) М. Горбачев выразил убеждение в том, что "на нынешнем сложном этапе интересы консолидации общества, консолидации всех его здоровых сил на решении трудных задач перестройки диктуют целесообразность сохранения однопартийной системы". По мнению главы государства и партии, за КПСС должно быть оставлено место "идейного, политического, нравственного авангарда народа"; "Особая роль в новом общественном организме принадлежит Коммунистической партии, которая призвана быть политическим авангардом советского общества"; "В борьбе за обновление социализма партия не может уступить инициативу ни популистской демагогии, ни националистическим или шовинистическим течениям, ни стихии групповых интересов". Однако буквально в следующем абзаце статьи М. Горбачева мы читаем, что "перестройка в партии идет медленнее, чем в обществе в целом". В таком случае, кто "авангард"?

По М. Горбачеву, коммунистическая партия "призвана" быть авангардом. Кем призвана? Когда? Разве что несовместимой с элементарными представлениями о демократии 6-й статьей брежневской конституции СССР и слепками с нее в республиканских конституциях. Но эта законодательная гарантия единовластия и несменяемости КПСС уже оспаривается и рано или поздно исчезнет.

Сравним результаты трех голосований последнего времени.

Голосование в Верховном Совете СССР по предложению включить вопрос о статье 6-й Конституции СССР в повестку дня Съезда народных депутатов СССР: кворум для голосования - 362. Кворум для принятия решения - 201. Зарегистрировано на момент голосования - 401. Проголосовало "за" - 198. Проголосовало "против" - 173. Воздержалось - 28.

Голосование по тому же вопросу на самом Съезде народных депутатов: "за" обсуждение статьи 6-й - 839; "против" обсуждения - 1.138; воздержалось 56.

Голосование Верховным Советом Литовской ССР предложения отменить прежнюю статью 6-ю Конституции Литовской ССР и принять новую редакцию этой статьи, предусматривающую возможность существования в Литве нескольких или многих равноправных политических партий: "за" новую редакцию - 243, "против" - 1, воздержались - 39.

Эти же результаты в процентах. Среди участников Съезда народных депутатов СССР за обсуждение вопроса о статье 6-й высказался 41% голосовавших. Из депутатов Верховного Совета Литвы за новую редакцию этой статьи, предусматривающую многопартийность, проголосовало 86% обладавших правом голоса. А в Верховном Совете СССР за обсуждение вопроса об отмене статьи 6-й Конституции на Съезде народных депутатов СССР проголосовало 44,39%, против включения этого вопроса в повестку дня Съезда народных депутатов - 43,14%, а воздержалось 6,98% депутатов Верховного

Совета СССР. Относительное большинство было "за" обсуждение статьи 6-й, не дотянули (на 3 голоса!) до кворума...

Итак, в Литве реальное решение о допустимости многопартийной системы принято большинством в 86% голосов, а на Съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете СССР хотя бы обсудить этот вопрос предлагали 41-44% участников голосований. Конечно, это в два раза меньше, чем в Литве, но и 40% в демократических странах – это такое меньшинство, с волей которого большинство не может не считаться. Подлинное демократическое большинство. А плетущийся в хвосте "авангард" пока что еще себе позволяет. Доколе?

С "авангардом" можно бороться. Эффективным представляется для этого "парламентский путь", к которому призывает и которым пользуется, в частности, Народный фронт Латвии. Это – выдвижение собственных кандидатов в депутаты местных советов, а затем и в депутаты Верховного Совета республики и в народные депутаты СССР. Этим путем в той же Латвии идет к своей цели не только Народный фронт, но идут также Движение за национальную независимость Латвии, "зеленые", ЛСДРП – Латвийская социал-демократическая рабочая партия, партия Возрождения. Кстати, эта крохотная и пока едва кому известная партия (партия Возрождения) на выборы в местные советы 10 декабря 1989 г. выставила 30 кандидатов и 20 из них были избраны.

Существенное значение имеет в республиках Прибалтики то обстоятельство, что многие члены КПСС, участвовавшие в создании народных фронтов Эстонии и Латвии или литовского "Саюдиса", быть может, даже по партийному заданию занявшие в них руководящие посты, теперь сознательно перешли на позиции народных фронтов. В республиканских компартиях Прибалтики назревает раскол. В Литве, похоже, возникнет не зависящая от КПСС Коммунистическая партия Литвы, в Эстонии из лона Компартии рождается Социал-демократическая партия Независимости, в Латвии, похоже, политический центр тяжести "незаметно" перейдет от Компартии к Народному фронту.

В районных, городских советах, в республиканских Верховных Советах Прибалтики КПСС в ближайшее время потеряет большинство. Наступит второй этап "парламентского пути": этап борьбы за то, чтобы новые советы добились реальной власти. Чтобы исполкомы выполняли волю советов, чтобы советы министров зависели от верховных советов своих республик. То есть, чтобы законодательная власть на деле стала законодательной, а исполнительная – исполнительной, исполняющей волю парламента, а не тех, кто все еще думает, что они – "авангард".

Следствия этой системы – неограниченная власть партаппарата, лишение народа гражданских прав и свобод, чекистско-гебистское насилие, хищническая эксплуатация рабочих, ограбление крестьянства, превращение интеллигенции в служанку партии. И не может быть иной система, построенная на однопартийной диктатуре, претендующей на бесконтрольное, монопольное управление всей жизнью страны ("Не надеяться, а действовать". Резолюция Совета НТС, "Посев" № 8, 1987).

Три революции

М. СТРАНСКИЙ

Осень 1989 года оказалась для Восточной Европы богатой событиями всемирного масштаба. Их общий смысл, бесспорно, однозначен — это декоммунизация региона. Но в отдельных государствах этот процесс протекал по-разному, в соответствии с национальной спецификой, отечественными традициями общественной мысли и уровнем политической культуры. Проблематика Румынии в восточноевропейском контексте стоит особняком и не затронута в этом обзоре: в самых общих чертах фабула румынского восстания известна всем, в деталях же, в своих скрытых мотивах и движущих силах неизвестна пока никому. Поэтому говорить мы будем о Восточной Германии, Болгарии и Чехословакии. И здесь, несмотря на самоочевидное сходство основных целей, различия в исполнении бросаются в глаза.

В ГДР на мышление участников событий влияла и продолжает влиять близость богатого и свободного соседа, тоже немца, но только западного. Собственно, все народное движение в этой стране поначалу имело форму массового исхода населения в западную часть Германии, позднейшие преобразования стали лишь логическим следствием этого феномена. Отличительные черты революции в ГДР: ее массовый и преимущественно мирный характер, отсутствие действенного организующего начала, сильный разброс и неупорядоченность целевых представлений у участников событий, укорененность социалистического круга идей, внутри которого замкнуты многие мыслители этой революции, национальные эмоции как единственный противовес эмоциям классовым.

Родовые свойства революции в Болгарии, начатой вскоре после восточногерманской: ее вялотекущий характер, позволивший коммунистической партии как-то вскочить на гребень волны и освоить роль ее авангарда, пусть мнимого. Фактически неотстраненная от власти, партия определяет темпы и характер реформы, постоянно переигрывая народный нажим в демонстрацию поддержки ее начинаний. В какой-то степени ползучая болгарская реформа является как бы помертвевшей маской с горбачевской перестройки в СССР.

Чехословацкая революция отличается от прочих наличием центрального штаба, высокой организованностью и продуманностью отдельных шагов, единством поставленных целей, среди которых нет левосоциалистических, способностью осуществить переход власти в новые руки без болезненных побочных явлений. Курьезным фактом чехословацкой революции стало физическое исчезновение коммунистической партии из общественной жизни страны.

Все это — самые общие характеристики процессов, проходивших и еще проходящих в трех восточноевропейских странах. Перейдем к частностям.

ГДР: обанкротившаяся республика

Комментируя ситуацию, в которой 18 октября 1989 года Эгон Кренц заменил Эриха Хонеккера на посту генерального секретаря ЦК

СЕПГ, мы высказали предположение, что высокий стул новый лидер будет греть недолго и ему самое время присмотреть себе преемника. Мы серьезно ошиблись во второй части своего предположения, так как к выборам преемника Эгон Кренц никакого отношения иметь не мог и узнал о нем из сообщений восточногерманской печати. Почувствовать в интригующем деле выборов партийного руководителя Кренц не мог потому, что не являлся больше членом Политбюро и ЦК, а не являлся членом потому, что таких органов у СЕПГ временно нет. Такая вот анекдотическая ситуация сложилась в ГДР: партия есть, а ЦК нету.

Нельзя сказать, что Эгон Кренц не старался пойти навстречу пожеланиям трудящихся: за 40 дней своего пребывания на посту генсека он добился немало. Только 1 декабря Народная Палата ГДР почти единогласно (при 5 воздержавшихся) порешила отменить статью, которой открывался Основной Закон ГДР и которая навсегда передоверяла руководящую роль в стране "марксистско-ленинской партии". Поспешность законодателей (они обсуждали предложение всего 15 минут) в данном случае оказалась оправданной: уже через два дня после этого статья о руководящей роли партии, не имеющей собственного руководства, выглядела бы комично.

Отдавая должное реформаторской ретивости Кренца, не забудем и открытие восточногерманских границ, и регистрацию многочисленных оппозиционных групп и движений, и вскрытие Берлинской стены (незабываемое 9 ноября), и допущение гласности в средствах массовой информации ГДР. Еще 2 декабря, обращаясь к толпе у парадного подъезда здания ЦК СЕПГ, Эгон Кренц, положив руку на сердце, заверял народ в том, что "готов сделать все, ну, буквально все для того, чтобы...", но конец заверения потонул в шквале свиста, топота ног и недружественных выкриков. А ведь он, наверное, готов был сделать все – лишь бы забылись и простились ему прошлые слова и дела. Но он недопонимал, что каждым своим проявлением либерализма создает ситуацию, когда восточным немцам уже мало "всего", а нужно одно: безоговорочный уход с политического манежа его и его товарищей по Центральному Комитету, вообще всех, так или иначе связанных с этим режимом.

Немало способствовала распространению таких настроений благоприятная гласность: 1 декабря восточногерманское телевидение провело своих зрителей по закрытому спецпоселению Вандлиц, чем и потрясло их воображение. От их довольно-таки занюханного жилья приятно отличалась скромная обитель аскетичного Эриха Хонеккера: шесть отдельно стоящих жилых объектов, тут же бассейн и сауна, дюжина гаражей, две антенны-тарелки для приема спутниковой связи, дивная мраморная терраса и чудный лесок, где генсек собственноручно отстреливал резвых оленят. И при таком хозяйстве прислуги всего-то 22 человека... Давал Хонеккер жить и другим членам своего Политбюро. Ушлый по экономической части Гюнтер Миттаг соорудил и дочкам своим дома за государственный счет, а бывший профсоюзный деятель Гарри Тиш отгрохал себе на Балтийском побережье охотничий замок за 360 тысяч долларов. Из тех же разбалачивательных передач стало известно, что члены того Политбюро поделили между собой еще и свыше 3 миллионов долларов – так, для поддержки штанов, на карманные расходы.

Просмотрев вместе со всеми передачу, Эгон Кренц сделал по телевидению следующее заявление: "С негодованием и стыдом познакомился я с этими фактами. Злоупотребления властью, коррупция несовместимы с гордым званием члена СЕПГ, и мы будем добиваться внесения полной ясности в этот предмет... Да, мне тоже, разумеется, доводилось жить в Вандлице. Но так было принято в те времена, и я считал, что это в порядке вещей. Сейчас мои взгляды изменились". Сами понимаете, восточных немцев это не переубедило и дальнейшего уже не могло предотвратить. И дело даже не в том, что бывшим руководителям ГДР, как оказалось, "ничто человеческое не чуждо", — это бы еще можно простить. Но их ханжеское морализаторство по любому поводу, их пруссацкий показной аскетизм при таких тайных пороках — этого обманутые партийцы и беспартийные простить им не могли и не хотели. Поэтому они и выходили на демонстрации под принципиально новыми транспарантами: "Распустить СЕПГ!". Поэтому еще до 3 декабря примерно 10% членов СЕПГ вернули в райкомы свои партийные билеты. А премьер-министр Ганс Модров в интервью западногерманскому журналу "Шпигель" высказал предположение, если бы свободные выборы состоялись сейчас же, то СЕПГ набрала бы и 20% голосов. Но даже такая оценка с высоты прошедших недель кажется недостаточно самокритичной.

Глава восточноберлинской парторганизации Гюнтер Шабовски в последние недели привык делать черную работу: общаться с возмущенным народом, отдуваясь за все ЦК. Но такой черной работы, как 3 декабря, и ему делать не приходилось. Под темный гул толпы он прокричал в мегафон, что из ЦК и из партии исключены 12 бывших членов Политбюро, в том числе бывшие товарищи Хонеккер, Штоф, Зиндерман и другие не менее замечательные ответработники. Трое из исключенных аппаратчиков — Миттаг, Тиш и бывший кандидат в члены Политбюро Герхард Мюллер — арестованы по подозрению в хищениях в особо крупных размерах. Еще один борец за рабочее дело, бывший член ЦК и помощник Миттага, Александр Шалк-Голодковский, сумевший вовремя скрыться, по просьбе правительства ГДР разыскивался Интерполом по обвинению в присвоении каких-то фантастических сумм в твердой валюте: он был главным добытчиком иностранных денег для нужд скромников из СЕПГ и, по первым сведениям, перевел на свои счета в швейцарских банках сотни миллионов долларов. Позднее он объявился в Западном Берлине. Но главную новость дня Гюнтер Шабовский оставил на закуску: "Под угрозой исчезновения партии, — мрачно поведаль он, — все руководящие органы партии: ее ЦК, Секретариат и Политбюро приняли решение о самороспуске". Выступивший после него Гайнц Альбрехт, назвавшийся членом рабочей комиссии, берущей на себя руководство партией, подвел под этой главой из жизни партии жирную черту: "С преступниками нам не по пути!"...

Всю ночь с 8-го на 9 декабря в помещении Дворца спорта "Динамо", что в центре Восточного Берлина, горел свет — там проходил внеочередной съезд Социалистической Единой Партии Германии. Уже сам факт, что съезд проводился в скромном здании милицейского спортивного общества, а не в хоромах Центрального Комитета, должен был символизировать разрыв партии с прошлым. 2.700 делегатов этого съезда в течение 17 часов, с короткими перекурами, выслушивали отчетные доклады готовившей съезд рабочей комиссии

и выступления в прениях. Многие, не выдержав накала партийных страстей, спали тут же на полу, демонстрируя неприхотливость партийных функционеров и их близость к народу. Делегатам предстояло дать ответ на два вопроса, один легкий и один тяжелый. Легким был вопрос о выборах нового руководства. Оно по существу само себя назначило за пару дней до съезда и нуждалось только в санкции партийной базы. Дело в том, что после самороспуска всех без исключения центральных органов СЕПГ руководство партией и подготовку внеочередного съезда взяла на себя рабочая комиссия, составленная из партийных функционеров среднего эшелона, не входивших (за единственным исключением премьер-министра Ганса Модрова) в прежний ЦК, то есть как бы не имеющих отношения к его преступной политике. В свою очередь, внутри этой рабочей комиссии в считанные часы выкристаллизовался узкий круг наиболее активных деятелей: это был премьер-министр ГДР, в недавнем прошлом руководитель дрезденской парторганизации Ганс Модров, мэр того же города Дрездена Вольфганг Бергхофер и председатель адвокатской коллегии Грегор Гизи. Модров и Бергхофер с самого начала определились, заявив, что их нынешние должности устраивают и переходить на партийную работу на полную смену они не собираются. Оба они и стали заместителями председателя партии. Председателем же стал Грегор Гизи – адвокат, 1941 г. р., партиец молодой и динамичный. Отец Грегора, Клаус Гизи, занимал различные министерские посты в правительстве ГДР, на пенсию ушел с поста министра по делам религий.

Выборы руководителя (кстати, председатель – это рабочее название, окончательно номенклатурная терминология будет утрясаться позднее) были, как сказано, легким пунктом повестки дня съезда. Трудным был более капитальный вопрос: что делать с партией? Варианты были разные: не делать ничего; распустить и создать новую политическую организацию и сохранить, но на всякий случай поменять название. Решающим оказалось мнение, выраженное в отчетных докладах Модрова и самого Гизи. В них содержалось много самых общих слов: о необходимости решительно отмежеваться от своего сталинского прошлого, но в то же время сохранить его мнимые достижения. В этих докладах, как и в подготовленном рабочей комиссией программном документе, со всей очевидностью проявился тот факт, что и новое руководство СЕПГ не доросло до понимания простой закономерности: все плохое в жизни ГДР – это имманентные свойства тоталитарной системы, а все хорошее – от несовершенства этой системы.

Но позиция была занята руководством, и спорить с ней было трудно: все выступавшие, которые от имени пославших их коллективов требовали самороспуска партии, непременно осыпывались залом. В результате даже после всех своих потрясений СЕПГ не пошла на венгерский вариант и сохранила старую партийную структуру. Новшества сводятся к тому, что у партии теперь не будет ни ЦК, ни Секретариата. Что касается названия партии, то оно определилось на втором заходе чрезвычайного съезда, который состоялся через неделю после первого: к старому имени добавилось уточнение – Партия демократического социализма. Но даже наличие двух социализмов в названии одной партии бывшего значения ей не вернут.

Значение съездов по инерции правящей в ГДР партии, однако, становится все более сомнительным и неадекватным ее самооценке. За последние недели из СЕПГ разными путями вышло порядка полумиллиона членов, и этот процесс имеет восходящую тенденцию. В то же время наливаются силой совсем еще новые политические образования партийного типа, — например, "Новый форум" сообщил, что численность его членской базы перевалила за полмиллиона. Первостепенное значение приобретают договоренности "круглого стола", за которым СЕПГ обсуждает будущее страны с представителями семи оппозиционных группировок и бывших союзнических партий, ныне оппонентов СЕПГ. Кардинальное значение имело решение провести первые в истории ГДР свободные выборы 6 мая.

Программный документ, принятый съездом СЕПГ, по мнению знатоков, имеет вид лоскутного одеяла: он слатан из неопределенно-социалистических положений, позаимствованных из прокламаций оппозиционных группировок, тоже в своем большинстве имеющих неопределенно-социалистическую или социал-демократическую ориентацию. До 6 мая времени осталось не так уж много — во всяком случае, недостаточно для того, чтобы забылись все "подвиги" хонеккеровского руководства СЕПГ. И с какой стати станет избиратель впадать в блажь и отдавать свой голос именно за коммунистов, имея на выбор ряд альтернатив?

Настроение жителей ГДР быстро меняется. Особенно заметно, как отшелушиваются социалистические иллюзии. В то время, пока коммунисты держали свой Военный совет в зале спортивного общества "Динамо", в центре Восточного Берлина проходила очередная многотысячная демонстрация. На этот раз под лозунгом: "Над нами — больше никаких социалистических экспериментов!".

Болгария: все впереди

Болгары жалуются: "Раз в кои-то годы у нас дома происходят бурные события, а взгляды мира опять прикованы к другим странам!" Действительно, преобразования в Болгарии не столь эффектны, как реформы в ГДР или "кроткая" революция в Чехословакии, но они, тем не менее, происходят и посему заслуживают нашего внимания.

Как у Льва Толстого "все несчастливые семьи несчастливы по-разному", так и государства Восточной Европы, почувствовав себя несчастливыми, пустились реформировать свое реалсоциалистическое общество — каждое на собственный манер. Герой болгарского народа Тодор Живков, поруководив страной 35 лет, слетел со всех своих постов 10 ноября 1989 года, в промежутке между падением Эриха Хонеккера и Милоша Якеша. Но каждый из них ушел в политическое небытие своим, национальной спецификой обусловленным путем. Хонеккер был отстранен товарищами в попытке спасти роль партии в целом, Якеш упал в силу земного притяжения, когда его перестало в родной стране что-либо подпирать, Тодор Живков стал жертвой классического дворцового переворота. Но хотя заговор, вынесший на место Живкова динамичного Петара Младенова, внешне имеет традиционную форму аппаратной борьбы, на деле он был ответом БКП на активизацию общественной оппозиции в Болгарии — оппозиции совсем еще не старой, если мерить по времени ее существования, но весьма успешной и еще более динамичной, чем сам новый генсек.

Болгарской оппозиции всего два года – она зародилась осенью 87-го. В сентябре того года в дунайском портовом городе Русе состоялась стихийная демонстрация протеста. Предметом протеста была, с одной стороны, высокая загазованность воздуха, связанная с деятельностью химкомбината на противоположном, румынском берегу Дуная, а с другой, бездельность собственных, болгарских, властей, неспособных урезонить обнаглевшего соседа. Тогда же была образована первая в Болгарии независимая (в Союзе сейчас сказали бы "неформальная") организация граждан – Комитет защиты Русе.

Во второй половине 88-го и в течение всего 89-го года независимые группы, объединяющие людей по интересам, множились почкованием, и никакое давление властей не заставило их закрыться. Приведем эти группы по названиям в той последовательности, в какой они возникали в последние месяцы: Независимое общество защиты прав человека, Клуб поддержки гласности и перестройки, свободный профсоюз "Подкрепа" (слово это означает примерно то же, что и "Солидарность", но более удачным русским аналогом мне кажется "подмога"), объединяющий работников умственного труда, Комитет за религиозную свободу, гражданская инициатива по охране окружающей среды "Экогласность" и Комитет 273 (названный по соответствующей статье Уголовного Кодекса Болгарии и объединяющий политзаключенных).

В программных документах всех этих движений много общих положений. Все они проповедуют отказ от насилия, все настаивают на внедрении в Болгарии принципов правового государства и свободы мнения, все добиваются прекращения нарушений прав человека и установления диалога между властями и общественностью по вопросу о направлении и темпах реформ в Болгарии. Все без исключения добиваются немедленного отказа от политики ассимилирования этнических турок и болгар исламского вероисповедания. Различия можно заметить разве что в определении задач перестроечного процесса: если одна часть готова удовлетвориться идеалом демократического социализма, то другая ставит себе целью создание в Болгарии либерального плюралистического общества западного образца.

Несмотря на свое весьма непродолжительное существование, эти оппозиционные группировки до неузнаваемости изменили общественный климат страны. По всем актуальным вопросам у них всегда имелось собственное мнение, облеченное в отменно сформулированную письменную форму. Всевозможные документы и заявления, проблемные разработки и публицистические статьи расходились по каналам самиздата, уплывали за рубеж и затем возвращались в страну на волнах западных радиостанций. Ни одна из группировок до декабря этого года не была официально зарегистрирована, хотя все они подали заявки на регистрацию. Но ни одна и не была формально запрещена решением суда – что наглядно показывает степень неуверенности болгарских властей в законности своих действий.

Принципиально новая ситуация сложилась в Болгарии в период с 16 октября по 3 ноября 1989 года, когда в Софии проходил Форум по охране окружающей среды, проводившийся в рамках Хельсинкского Совещания. Пользуясь присутствием в столице множества иностранных гостей и вообще торжественной оказией, оппозиции удалось явочным путем завладеть правом на публичные выступления. Статус оппозиционных группировок был вполне сознательно завышен мно-

гими западными делегациями: так, уже в самом начале Форума болгарские активисты приглашались на официальные международные мероприятия в качестве почетных гостей американского, британского и прочих правительств. Болгарские власти вынуждены были смириться с такой формой фактической легализации вчерашних диссидентов. Видя слабость противника, оппозиция перешла в наступление: на улицах Софии гражданская инициатива "Экогласность" провела сбор подписей под петицией, которая затем была представлена парламенту. 22 октября состоялась первая в истории социалистической Болгарии разрешенная демонстрация, организованная той же "Экогласностью". (Последнее свободное выступление относится к 1947 году, когда свое несогласие с коммунистическим развитием пытались выразить аграрии и социал-демократы.) В последующие дни в Софии состоялся ряд митингов, на которых заявили о себе другие оппозиционные группировки.

Что происходило в эти дни в головах у болгарских властей прерывающих, мы можем только гадать. Фактом остается, что 26 октября собрание активистов "Экогласности", коллекционировавших подписи прохожих под очередной петицией на одной из центральных софийских площадей, было атаковано превосходящими силами милиции, смято и распылено по окрестностям. Дикое сцены насилия наблюдали и снимали на пленку вездесущие журналисты, и отнюдь не все камеры блюстителям порядка удалось расшибить о мостовую. Сценарий, как мы видим, не отличается оригинальной выдумкой, стандартно и продолжение. Болгарская и международная общественность завалила болгарское правительство лавиной телеграмм протеста.

Правительства 20 западных стран 31 октября в весьма ультимативной форме потребовали от Софии немедленно прекратить репрессии. В попытке смягчить удар газета "Работническое дело" еще 29 октября, сообщив о предстоящем пленуме ЦК компартии Болгарии, тиснула очередной отчетный доклад Тодора Живкова, выдержанный в примирительных тонах и содержавший ряд замечательных формулировок, вроде "жизненного плюрализма, не исключающего деятельность неформальных объединений с альтернативными взглядами". Но осуществить дерзновенные планы Тодору Живкову не было суждено: на следующей страничке сценария его роль бесславно кончалась.

2 ноября ораторы от Клуба поддержки гласности и перестройки в одном из софийских кинотеатров впервые сформулировали требование ликвидации номенклатуры и проведения свободных выборов (вот призрак, который сегодня бродит по Восточной Европе). Разбитая внезапным параличом власть не вмещалась, и днем позже толпа в четыре тысячи человек, под звон колоколов Храма Александра Невского, уже шагала к зданию парламента, где представители "Экогласности" вручили одному из заместителей председателя очередную петицию с 11 тысячами подписей.

Неожиданное обострение конца октября наглядно продемонстрировало два свойства переживаемого периода: большой террор власти развязать не могут, а малый дает обратный эффект; деятели оппозиции наживаются на конфронтации с властями дополнительный авторитет, впридачу к уже имеющемуся. Всем сегодня ясно, что оппозиция объединяет в своих рядах духовную и профессиональную элиту болгарского общества, и выдать их за уголовников, криминализировать — уже нереально.

После падения Тодора Живкова оппозиционные группировки рано или поздно должны будут взять на себя роль демократической альтернативы коммунистической партии. И скорее рано, чем поздно: об этом свидетельствует ассортимент требований, уже выставленных оппозицией после исчезновения Тодора Живкова: освобождение всех политических заключенных, роспуск тайной полиции как института, восстановление попранных прав национальных меньшинств, наказание всех, совершивших государственные преступления (и в частности, начало судебного дела против самого Живкова, уже на всякий случай исключенного из партии) и ликвидация монополии компартии на политическую власть.

Сравнивая болгарскую ситуацию с подобными в других восточно-европейских государствах, неизбежно приходишь к выводу, что, хотя пути перехода к нормальному обществу у них различны, набор предъявляемых к нему требований весьма схож. Потому, что "счастливые семьи, — как написал Лев Толстой, с которого мы начали, — похожи друг на друга".

Чехословакия: лев прыгнул

Еще недавно писать о Чехословакии было небезопасно: написанное устаревало в момент написания. Слишком долго страна жила вне всякой истории, и сейчас она словно бы нагоняет упущенное, верша историю на двойной и тройной скорости. Но, кажется, начиная с воскресенья 10 декабря, в ЧССР установилось какое-то подобие стабильности, политический процесс остается однонаправленным, но поменял аллюр: перешел с галопа на шаг.

Душа ноябрьской революции, драматург Вацлав Гавел утверждает, что написать ее сценарий мог только Господь Бог: столько в ней внутренней логики, законченности, элегантности и в то же время скрытых намеков на вневременное, глубинных исторических связей. В начале событий была разрешенная, а следовательно, почти безобидная студенческая демонстрация, приуроченная к 17 ноября, Международному дню студентов. Она проводилась в память о чешском студенте Яне Оплетале, ставшем жертвой случайной немецкой пули в ходе разгона такой же студенческой демонстрации 50 лет назад. Ассоциация Ян Оплетал — Ян Палах привела пражских студентов к мысли о современности: актуализировав лозунги, они повернули колонну в центр города, в сторону Вацлавской площади. На подходах к площади, на набережной Влтавы, колонну остановили мощные заградотряды сил безопасности во всеоружии технических средств. Последовало дикое избиение безоружных людей. Расследованием обстоятельств разгона демонстрации сейчас занята особая парламентская комиссия, и в Праге никто не исключает возможности того, что жертвы бессмысленной акции властей еще могут быть обнаружены. Были при этом погибшие или дело обошлось несколькими сотнями раненых — теперь уже не важно, и никакие правительственные опровержения слухов уже не могли остановить последующего.

Курок был спущен, и пружина революционного механизма пришла в действие. Студенты пражских, а через день и других учебных заведений вступили в бессрочную забастовку, их стачкомы поставили всю студенческую массу в безоговорочное подчинение революционному штабу. Первоначально в него вошли люди, чьи имена давно

примелькались по судебным процессам прошлых лет. Но в считанные дни, чтобы не сказать часы, словно бы сговорившись, к движению примкнула практически вся творческая интеллигенция. Забастовали все театры Чехословакии, но не закрылись, а превратились в своеобразные агитпункты: по вечерам, вместо обычных спектаклей, в них шло взволнованное общение активистов с горожанами. Общественная забастовка была объявлена на 27 ноября, и этот десятидневный срок был заполнен поистине титанической организационной работой. Поднимать косную провинцию и заводских рабочих отправились летучие отряды, в составе которых неизменно были студент-очевидец кровавой расправы над пражскими демонстрантами, ветеран-правозащитник из Хартии-77 и один из популярных в стране актеров. Одновременно на Вацлавскую площадь ежедневно выводились сотни тысяч пражан, по ночам самоотверженные молодые люди несли у Святого Вацлава третью стражу, не желая ни на минуту сдавать эту самую центральную в стране позицию.

В такой обстановке 24 ноября ЦК КПЧ собрался на свой внеочередной пленум. В перерывах между дебатами партийцы по радио могли послушать, что происходит в стране, которую они наверняка перестали узнавать. А происходило вот что: в радио- и теленовостях ежедневно зачитывались десятки и сотни резолюций первичных партийных, профсоюзных и общественных организаций, требующих парламентской демократии и отставки главных протагонистов режима, лично ответственных за военную оккупацию ЧССР 21 год назад и за последующую "нормализацию". Некоторые резолюции по существу представляли собой ультиматум: или отставка государственных изменников и клятвопреступников, или – предприятие вступает в забастовку. В семь часов вечера Якеш напора не выдержал, и через полчаса пражское радио, прервав передачу, сообщило сенсационную новость: в отставку ушел не только Якеш, не только Президиум ЦК, но и Секретариат ЦК всем составом.

Этот этап революции сегодня уже кажется глубокой историей. С тех пор прошли эпохи. Побивая все восточноевропейские рекорды, меньше месяца продержался на посту генсека избранный вместо Якеша Карел Урбанек – в целом, как представляется, безобидный человечек. Его, как и всю КПЧ, неудержимо несло к водопаду, сравнимому с Ниагарским: с поднебесных высот власти партия пала в бездну политического уничтожения. Ей никак не помогло и позднее раскаяние, и публичное извинение, принесенное за 40 лет издевательского господства, и партийная реабилитация, на которую не откликнулся никто, и исключение из партии или приостановка членства для Якеша, Биляка, Гусака, Штепана, Индры и остальных представителей преступной братии. С того момента, как Федеральное Собрание ЧССР единогласно (а значит, и голосами перечисленных выше умельцев) проголосовало за исключение статьи четвертой из Конституции страны, КПЧ не просто отказалась от монополии на власть – она эту власть реально утратила. Признаков жизнедеятельности этой партии в Чехословакии не заметно нигде, хотя политическая жизнь в ней бьет ключом и новые партии вырастают как грибы. В новой жизни КПЧ не находит себе места, и ее последний внеочередной съезд был яркой демонстрацией слабости. Средства массовой информации, подчеркивая благоприобретенный независимый статус, грубо игнорировали съезд коммунистов; новость о смене партийного

руководства (недавний премьер Ладислав Адамец, неуспешный кандидат в президенты, стал председателем КПЧ, его секретарем, первым по счету, избран бывший комсомольский вождь Василь Могорита) была и радио, и телевидением поставлена в самый конец последних известий, в качестве местной хроники. Зато ни одна из газет не отказала себе в удовольствии со смаком расписать красочную деталь: когда в первый день съезда, 20 декабря, стало ясно, что беспорядочное толковище коммунистов затягивается до позднего вечера, к микрофону подошел человек и, представившись членом Гражданского Форума Дворца Культуры – то есть первичной организации этого объединения, – предложил делегатам съезда, как рядовым съемщикам зала, очистить помещение до 11 часов вечера. Что они и сделали.

Но если не коммунистическая партия, то кто же правит в современной Чехословакии? А правит тот, кому этим положено заниматься по словарному значению термина – правительство. Председатель правительства, Мариан Чалфа, оказался человеком на редкость сообразительным; составив кабинет из специалистов, пользующихся доверием Гражданского Форума, он и сам поспешил отмежеваться от коммунистической партии, хотя и носит партбилет в кармане – впрочем, так поступил не он один. Чтобы еще наглядней продемонстрировать свою непричастность к тонущей компартии, Чалфа на ее съезд не явился и, вопреки обыкновению, в ее руководящие органы не вошел. Фактически он полностью перешел на позиции Гражданского Форума, что ему лично обеспечило растущий авторитет, а правительству в целом – поддержку на местах. Состав правительства, которое постоянно подчеркивает свой переходный – до выборов – характер, является осуществлением принципа “хэппизнда”, как сказка о Золушке.

Мариан Чалфа формировал свой кабинет под сильнейшим давлением улицы, под угрозой повторной всеобщей забастовки, но даже спешка не могла отменить счастливого результата, заданного всей высочайшей политической культурой страны и радостным, карнавальным характером этой незлобивой революции. Коммунисты сохранили за собой только министерство обороны, но и оно ведет себя сейчас подчеркнуто корректно. Другие члены КПЧ в правительстве – заместитель председателя Комарек, министр финансов Клаус – являются партийцами сугубо формально и выдвинуты Гражданским Форумом. Первый заместитель председателя правительства юрист Ян Чаногурский, активист католического движения в Словакии, всего лишь за неделю до назначения вышел из ворот следственной тюрьмы, освобожденный в рамках первой амнистии для политических. В настоящее время он, недавний политзэк, курирует Министерство внутренних дел! Эпизод голливудского фильма, полного чудесных превращений, напоминает и судьба нового министра иностранных дел ЧССР – Иржи Динстбира. Популярный в годы Пражской Весны радиокomentатор-международник, затем, как и все ему подобные, ночной сторож и истопник, потом подписан “Хартии-77” и политический заключенный, в самое последнее перед революцией время – один из создателей независимого ежемесячника “Лидове новины” и, наконец, представитель Гражданского Форума по связям с прессой – таков послужной список нового хозяина Чернинского дворца, где находится Министерство иностранных дел ЧССР. Многолетним отсиженным является и министр Мирослав Куси, хорошо знаком со след-

ственными органами и словацкий католический активист, а ныне министр по делам религий Йозеф Громадка. Министр труда Петр Миллер еще в начале ноября был натуральным рабочим, слесарем-наладчиком с комбината "ЧКД-Прага", в первые дни революции примкнул к Гражданскому Форуму и сыграл заметную роль в деле привлечение к движению рабочих.

В считанные дни этому удивительному правительству удалось геракловы дела, преобразившие политический ландшафт страны. В чехословацкой армии упразднен институт политуправления и политкомиссарства, офицерам запрещено заниматься политической деятельностью в армейских помещениях в служебное и даже внеслужебное время. Первичные партийные организации на предприятиях и в учреждениях расформировались, не дожидаясь особых указаний ЦК. Преподавание марксизма-ленинизма в школах всех ступеней стало факультативным, соответствующие кафедры распылены, свернуты и партийные учебные заведения. Колючая проволока на западных границах Чехословакии смотана, въезд и выезд из страны свободны от формальностей. С географических карт исчезли топонимы типа Готвальдов (город стал вновь называться Злином), площадь перед Философским факультетом Карлова Университета в Праге переименована с Красноармейской в Яна Палаха. Заявили о себе программными документами, обзавелись печатными органами и сходу ввязались в борьбу за голоса потенциальных избирателей многочисленные политические партии традиционного спектра: от аграриев и христианских демократов до зеленых и социал-демократов. Слово бы поцелованная сказочным принцем, Чехословакия пробудилась от летаргического сна к нормальной, многоголосой политической жизни. Восстанавливая достоинство президентского института, заложенное философом Т. Г. Масариком, чехи и словаки, не колеблясь, выделили из себя достойнейшего – Вацлава Гавела, человека редкой моральной цельности, ненаигранной скромности и даже некоторой застенчивости, и в то же время блестящего литератора и интеллектуала высокой пробы, не политика, снисходительного к жизни, а человека, победившего высокую политику своей людской основой, своей верностью этическому кодексу терпимого и терпеливого будителя, непреклонно мужественного и одновременно чуждого всякого пафоса и фанатизма. Вацлав Гавел, в мае 1989 года освобожденный из тюремного заключения, а к концу года обращающийся к согражданам с новогодним президентским посланием, – это ли не счастливая развязка сюжета, написать который с руки только Господу Богу!

Двадцать лет народы Чехословакии жили как бы в замороженном состоянии. Но оказалось, что их творческая энергия не ушла в песок, а была спрессована в материал сверхвысокой плотности. Энергетический потенциал этого народа исключительно велик, и сейчас мы являемся свидетелями взрыва этой энергии. Исходные позиции Чехословакии лучше, чем у соседей по региону: страна сохранила относительно высокий экономический уровень, никому особенно не задолжала, технологическую архаичность народного хозяйства компенсирует легендарная сноровка и мастеровитость населения. Чехословакия возвращается не только в центр Европы, но и в центр внимания международной общественности. Возвращается на свое законное место. Лев с чехословацкого герба, увенчанный, как встарь, короной, а не глупой звездой, прыгнул, и он еще в полете...

Венгрия после референдума

И. КОШУРНИКОВ

26 ноября 1989 г. венгерское население впервые за последние сорок лет получило возможность свободно высказать свое мнение по ряду кардинально важных вопросов. Проблема проведения референдума и четырех поставленных на нем вопросов возникла совершенно неожиданно в момент подписания договора на трехсторонних переговорах 18 сентября 1989 г. Представители партий Союза Свободных Демократов и Союза Молодых Демократов отказались подписывать этот договор, так как в нем ни слова не говорилось о роспуске рабочей милиции, отчете коммунистической партии о находящейся в ее распоряжении собственности, запрете на деятельность политических партий на рабочих местах. Зато в нем оговаривалось столь желаемое компартией проведение президентских выборов перед парламентскими. К тому же, в противоречии с Венгерской конституцией, избирать президента страны должен был не парламент, а само население.

Параллельно с отказом подписать договор ССД и СМД объявили о начале сбора подписей с требованием провести референдум по этим четырем ключевым вопросам. Поначалу ВСРП/ВСП и подписавшие пакт оппозиционные партии не придали большого значения этому факту. Однако, когда через несколько недель стало известно, что активистами обеих партий уже собрано более ста тысяч подписей, венгерский парламент, пытаясь предотвратить референдум, спешно принял решение по трем пунктам референдума, за исключением пункта о времени проведения президентских выборов.

В это время произошел окончательный раскол в рядах оппозиции: образовался близкий к группировке реформатора Имре Пожгаи национальный центр, в который вошли Венгерский Демократический Форум, Народная партия, Общество друзей Байчи-Жилински и Христианская Демократическая партия. Ему противостояли Союз Свободных Демократов, Союз Молодых Демократов и присоединившиеся к ним (во время сбора подписей) подписавшие пакт от 18 сентября Социал-демократическая партия и Партия мелких хозяев.

Тактика политических партий по вопросу референдума

Позиция ВСП или "новой" ВСРП по этому вопросу была ясна. ВСП призывала население и членов своей партии сказать "нет" на первый вопрос – о сроках проведения президентских выборов. К этому вопросу парламент, в нарушение конституции, приложил свой собственный комментарий с ссылкой на то, что, голосуя "да", граждане Венгрии теряют первую и последнюю возможность непосредственно выбрать президента. Для ВСП непосредственные выборы президента до выборов в парламент – последняя возможность сохранить на пять лет контроль над страной.

В настоящий момент, на основании последних результатов опроса общественного мнения, кандидат ВСП Имре Пожгаи, довольно попу-

лярный политик, получит на президентских выборах 52,9% голосов, в то время как другие кандидаты смогут получить между 0,8% и 22,6%. Это свидетельствует о том, что у Имре Пожгаи нет по-настоящему серьезного соперника на непосредственных президентских выборах. Исход же выборов президента новым по составу парламентом предсказать трудно, однако ясно, что шансы Имре Пожгаи в этом случае резко уменьшатся. Партии так называемого Национального центра, за исключением Венгерского Демократического Форума, придерживались тактики ВСП. ВДФ, оказавшийся в трудном положении, потерял политическую инициативу.

Критикуемый за сговор с коммунистами и за уступки не только четырехпартийной коалицией, но и собственными членами, он выставил своего собственного, не имеющего особых шансов на победу кандидата Лайоша Фюра. Видя недостаточность этого шага и раскол в собственных рядах, руководство ВДФ пошло на отчаянный шаг: объявило о бойкоте референдума, ссылаясь при этом на тот факт, что 3 вопроса референдума уже положительно решены парламентом, а первый пункт не так важен для венгерского народа и не имеет большого значения.

Четырехпартийная коалиция в своей предвыборной кампании указывала на то, что будущее венгерской демократии зависит от результата этого референдума: демократия абсолютно не нуждается в поспешно избранном президенте-коммунисте с широкими полномочиями (он может распустить парламент, объявить чрезвычайное положение и т. д.). Остальные же пункты референдума в случае их одобрения большинством, делают решение парламента необратимым. С точки зрения четырехпартийной коалиции, первостепенной задачей было добиться действительности референдума, для чего было необходимо участие более 50% избирателей. Большинство "да" по всем пунктам референдума означало бы полную победу коалиции.

Уже 26 ноября ночью выяснилось, что голосовало более 58% избирателей. По предварительным подсчетам голосов, вначале проявилось незначительное преимущество "нет" по первому пункту и однозначная победа (94-95%) по остальным трем вопросам. Стало ясно, что о победе той или иной точки зрения по вопросу о времени проведения президентских выборов можно будет говорить лишь после окончательного подсчета голосов.

Ссылаясь на это, официальные результаты референдума решили объявить лишь в четверг. Однако уже во вторник, на пресс-конференции четырехпартийной коалиции было объявлено, хоть и о минимальной, но все же полной победе четырех "да" на референдуме. В среду все газеты подтвердили победу четырех партий. Потерпевшие поражение партии пытались объяснить неблагоприятный для себя результат референдума. Для ВСП и ВСРП (новой) стало ясно, что у них почти нет шансов проташить, использовав сговор с партиями национального центра, своего кандидата Имре Пожгаи в президенты республики. Четырехпартийная коалиция объявила о своей готовности, принимая во внимание незначительное преимущество "да" против "нет" (около 0,6%), содействовать, после избрания нового парламента, изменению конституции с целью непосредственных выборов президента республики населением - значительно при этом урезав его полномочия.

Почему был важен референдум?

Ноябрьским референдумом народ Венгрии должен был решить: выберет ли он сперва президента с довольно широкими полномочиями или сначала выберет впервые свободно и демократично представителей в новый парламент? Предварительное избрание президента означало бы сохранение существующего режима. Поэтому тот, кто голосовал за избрание президента до парламентских выборов, голосовал по сути дела за коммунистов и их обе партии, голосовал за прошедшие 40 лет тирании, за президента, который долгие годы верно служил режиму Кадара.

Те же, кто голосовал за избрание президента после парламентских выборов, считают, что венгерский народ достаточно зрел для того, чтобы выбрать демократический парламент, что довольно сорокалетней коммунистической диктатуры, что коммунистической и прокоммунистической партиям пора уйти в оппозицию. Голосовавший таким образом голосовал за создание подлинной демократии в Венгрии. Первый пункт референдума подвергает сомнению легитимность настоящего венгерского парламента, значительное большинство членов которого — члены компартии, лояльные представители режима Кадара. Он ставит под сомнение легитимность участников трехсторонних переговоров, которые за спиной народа решили, каким образом будет избран президент страны и какими полномочиями он будет располагать. Суть спора этих двух точек зрения в том, что обеспечит в Венгрии на ближайшее будущее политическую стабильность и предотвратит анархию.

В настоящее время, принимая во внимание бурное развитие событий в Венгрии и других странах Восточной Европы, нет смысла делать уступки и вступать в компромисс с агонизирующим партийным аппаратом. В обмен на этот компромисс сегодня можно получить лишь возможность проведения свободных парламентских выборов и благосклонное отношение великого соседа — большого брата, СССР. Этот компромисс был бы целесообразен в первые месяцы 1989 года, когда международная ситуация была совсем иной, да и внутриполитическое положение Венгрии тоже было иным. Крепкими бастионами реального социализма казались тогда ГДР, Чехословакия и Румыния, враждебно наблюдавшие за развитием венгерских событий, в то время как венгерская оппозиция не располагала достаточно широкой общественной базой, инфраструктурой, средствами и доступом к массовой информации. Теперь же, в новой обстановке, имеющий довольно широкие полномочия президент, не отрицающий своего коммунистического прошлого, представляет значительную угрозу для молодой венгерской демократии в том случае, если в СССР внезапно произойдет консервативный переворот.

Что изменилось за прошедшие несколько месяцев? После роспуска ВСРП и образования ВСП, а затем новой ВСРП, количество членов обеих партий не превышает 200 тысяч по сравнению с 700–900 тысячами членов прежней ВСРП. Если на основании опроса общественного мнения ВСРП в начале года получила бы 30–35% голосов, то по последним результатам ВСП может рассчитывать лишь на 10,5%, а новая ВСРП — всего на 5%. После парламентских выборов 18 марта 1990 года оппозиция будет иметь примерно 80%-ное большинство в новом парламенте. Встает вопрос: какая часть оппозиции получит подавляющее большинство и сможет сформировать новое правительство?

Коалиционные перспективы

Референдум от 28 ноября и предшествовавшие ему события положили конец мифу о единстве оппозиции. Противоречия, стоящие между двумя самыми значительными оппозиционными партиями, в настоящий момент кажутся непреодолимыми. Не случайно близко стоящий к Имре Пожгаи политолог Михай Бихари заявил:

"Настоящую политическую ситуацию характеризуют три полюса: народно-национальный, руководимый Венгерским Демократическим Форумом, либеральный, под руководством Союза Свободных Демократов, и левый, социалистический, социал-демократический, ведущую роль в котором играет ВСП. Противоречия между ССД и ВДФ, с одной стороны, и ССД и ВСП, с другой, настолько велики, что единственной возможностью можно считать создание большой коалиции национального центра и левых сил, что может решить проблему правления страны на довольно долгое время. Эта большая коалиция сможет получить 70% мест в парламенте".

Перспективе возникновения такой коалиции может помешать постоянно сокращающееся политическое влияние ВСП, а также замешательство и противоречия в рядах ВДФ, вызванные прокоммунистической политикой руководства этой партии. Для Демократического Форума было бы политическим самоубийством окончательно связать свою судьбу с тонущим кораблем правящей партии.

По данным опроса общественного мнения, четырехпартийная коалиция в настоящий момент сможет получить больше 38% голосов, и это число будет продолжать расти. На основании этого социал-либеральная коалиция имеет все шансы получить около половины голосов избирателей на мартовских выборах в парламент. Другой вопрос, насколько жизнеспособной окажется эта коалиция, перейдет ли Партия Мелких Хозяев в лагерь национального центра или нет.

Реакция Запада на результаты референдума

Официальные представители западных стран и США с нескрываемым сожалением восприняли поражение национального центра и ВСП на референдуме. По их мнению, победа четырехпартийной коалиции может помешать процессу перехода от тоталитарной системы к демократии. В этой оценке, естественно, играют роль личные мотивы. Запад хотел бы видеть в президентском кресле Имре Пожгаи, а, как известно, результаты референдума сильно сократили его шансы усесться на это кресло.

В настоящий момент политические силы Запада пытаются сблизить две ведущие партии, ССД и ВДФ, и склонить их к новому сотрудничеству. На это мало шансов, пока в руководстве ВДФ преобладают прокоммунистические и антисемитские силы, которые главным своим противником считают ССД и СМД, а не ВСП или ВСРП. Политическая борьба и предвыборная кампания, которые развернутся после самороспуска парламента в середине декабря 1989 года, покажут подлинную расстановку политических сил и перспективы создания демократии западного типа в Венгрии.

Будапешт, декабрь 1989 г.

Еще почти 1000 слов

Мы обращаемся ко всем, кому дороги идеалы Демократии, Свободы и Прогресса. Наш мир един, и нет таких событий и явлений, которые имели бы локальное значение. Любая политическая, экономическая и социальная реальность, имеющая место в любой стране, прямо или косвенно в той или иной степени влияет на положение во всем мире.

Нас тревожит та крайне неблагоприятная ситуация, которая сложилась на нашей родине – СССР. Пытаясь предупредить (на деле – отсрочить) экономический распад, сгладить противоречия жизни при “реальном социализме” и уменьшить недовольство народа, партократия начала проведение политики так называемой перестройки, бессовестно пытается откреститься от преступлений против Человечества и Гуманизма, совершенных в прошлом. И тут нас удивляет и возмущает позиция, занятая многими государственными и общественными деятелями, организациями и правительствами.

Исходя из лучших побуждений и пытаясь оказать содействие процессам перемен, происходящих в странах “реального социализма”, западные государства налаживают экономическое сотрудничество с ними. Безусловно, это можно признать позитивным в отношении Польши, Венгрии, где процесс демонтажа централизованной государственной структуры продвинулся достаточно далеко и опасности возврата к тоталитаризму не существует или, по крайней мере, она несравнимо мала. В отношении же СССР, с нашей точки зрения, экономическая помощь Запада преждевременна. В стране нет правовых и экономических гарантий для осуществления последовательного продвижения к демократическому обществу. Структуру государства по-прежнему можно определить как тоталитарную, несмотря на попытки руководства страны представить существующий режим как уже авторитарный. К сожалению, даже до этого еще далеко.

Многое из того, что происходит сегодня, вызывает ассоциации с эпохой детанта. Как тогда, так и сейчас правительство СССР заявляет о своем исключительном “миролюбии”, о стремлении улучшить жизнь людей, так же вызывает необоснованные симпатии западной общественности.

Разговоры о снижении военных потенциалов не имеют ничего общего с реальным разоружением. Во-первых, никаких масштабных военных сокращений до сих пор не произошло, во-вторых, следует помнить генезис “советских мирных инициатив” – экономический крах государственной монополии, высокие темпы инфляции и крайний низкий уровень жизни населения. Только стремление заткнуть дыры в госбюджете, имеющем огромный дефицит (по некоторым оценкам, около 20% ВВП), заставило советское руководство пойти на переговоры о разоружении.

Продолжается нагнетание настроений "если завтра война" внутри страны, среди мирных людей. Система "военно-патриотических клубов", "военно-спортивных игр «Зарница», «Орленок», уроков по начальной военной подготовке в школе, на которых юношей и девушек 16 лет учат владеть оружием и "защищать Родину от врага", призвана воспитывать людей в духе советского империализма, сеять вражду и недоверие к народам свободного мира. Отсутствие института альтернативной службы в СССР порождает бесчисленное множество трагедий: людей, отказывающихся от службы в армии по религиозным, моральным и иным мотивам, подвергают тюремному заключению. Не очень-то это стыкуется с официальным воркованием о принципе мирного сосуществования.

В СССР идет героизация "афганцев", их объявляют героями поколения и образцами для подражания. Советские военные круги усиленно используют их в уже упоминаемой системе "военно-патриотического воспитания".

Заверения о возвращении к общечеловеческим ценностям, мягко говоря, не имеют под собой реальной почвы, так как коммунизм не признает никакой альтернативы самому себе, и самой сущностью его идеологии является насильственное перекраивание всех иных мировоззрений, "отмена ненужных дискуссий" и распространение на все и вся так называемого "классового подхода".

Нам представляются также преждевременными разговоры о возможном принятии СССР в ГАТТ и МВФ. Экономическое сотрудничество рано или поздно выльется в идеологический нажим со стороны советского руководства.

Что касается принятия СССР во Всемирную Ассоциацию Психиатров, то сама постановка такого вопроса представляется нам чуждой, так как психиатрия в нашей стране остается в руках КПСС и абсолютно неконтролируема. Как важная составляющая политического террора в СССР, эта наука под действием идеологии давно выродилась в околonaучные измышления Снежневского и ему подобных. Зачем нужны Всемирной Ассоциации Психиатров - организации медицинской, а значит, гуманистической - советские врачи, запятнавшие свое человеческое и профессиональное достоинство услужением КГБ и партократии? Вопрос риторический.

Положение с правами человека остается в нашей стране крайне тяжелым. Это подтверждают данные такой авторитетной организации, как Международная Амнистия. Ни одно из важнейших положений Всеобщей Декларации Прав Человека и других международных документов, регламентирующих взаимоотношения человека и государства, человека и общества, полностью не выполняется. Меры по облегчению выезда из страны, предпринятые в последнее время властями под давлением мировой общественности, остаются недостаточными, чтобы считать СССР выполняющим обязательство о свободе передвижения. К тому же, говоря о свободе выезда, мы забываем о свободе въезда, которой никогда не было и нет.

Если же обратиться к внутреннему положению в стране, то свобода перемещения не осуществляется вовсе: крепостная система "прописки" и поголовная паспортизация превращают людей в рабов государства.

Остаются нормой вопиющие нарушения принципа свободы информации – все средства массовых коммуникаций в стране принадлежат государству, и это дает возможность устанавливать цензуру. Тоталитарный характер средств массовой информации подчеркивается гонениями на независимые издания и их сотрудников. Примером тому может служить недавний процесс над независимым журналистом Сергеем Кузнецовым. Пресловутая "гласность" есть лишь смягчение цензуры, но никак не уничтожение таковой. Цензура на мысль, слово и дело остается жизненной реальностью в СССР.

Несмотря на официальное объявление о прекращении глушения передач западных радиостанций, советское руководство продолжает недопущение в советский эфир радио "Свобода" – теперь передачи скрываются за свистом несущей частоты, излучаемой советскими передатчиками, или же просто перекрываются идущими на этой же волне передачами московского радио.

Бессмысленно говорить и о соблюдении свободы собраний и ассоциаций. Уже имеющиеся структуры оппозиционного толка подвергаются травле, их демонстрации и митинги жестоко подавляются войсками специального назначения. Это относится и к Радикальной ассоциации за мир и свободу (филиал Транснациональной радикальной партии), и к Демократическому Союзу, и к другим демократическим структурам. Даже более либеральные в своем отношении к советскому режиму организации, например, Московский Народный фронт, испытывают трудности в своей деятельности, натываясь на противодействие властей.

Хочется спросить западные правительства: зачем они помогают цепляющимся за любую возможность сохранить существующий режим угнетателям? Осуществляя экономическую помощь обанкротившемуся режиму, западные страны способствуют стабилизации прогнившего коммунистического здания.

По последним признаниям советских экономистов, решение экономических проблем в рамках сегодняшней государственной монополии не в о з м о ж н о. Кредиты, полученные от западных стран и вложенные в лишенную всякой эффективности централизованную экономику, не могут решить эти проблемы, они могут лишь отсрочить развал. Да и кто даст гарантии, что деньги пойдут на вытаскивание страны из тупика, в котором она находится? Отсутствие гражданского общества и демократических институтов делает расходы государства неконтролируемыми; народ не узнает, куда будут вложены эти средства, возможно – в то же вооружение.

Мы понимаем благие намерения правительств и организаций, идущих сегодня на сближение с нашей страной. Но, к сожалению, они укрепляют антидемократическую тоталитарную систему, в которой живем мы и 300 миллионов других полуграждан Советского Союза.

Петр Ф а д е е в, редактор журнала "Движение"
Михаил Л а н ы г и н, художник независимых изданий
Владимир Б а т и е в, писатель

Декабрь, 1989 г.

Дело С. Кузнецова

28 ноября 1989 года вынесен приговор независимому журналисту Сергею Кузнецову: три года лагерей общего режима.

Дело Сергея Кузнецова – случай экстраординарный. Можно сколько угодно сваливать на местные власти, сопротивляющиеся "перестройке", но об этом деле еще до вынесения приговора депутаты Верховного Совета, включая А. Сахарова, проинформировали самого Горбачева. Ответить он, видимо, не успел – пароход отчалил в направлении Мальты.

Напомним некоторые данные о Сергее Кузнецове.

Кузнецов Сергей Владимирович, 1957 года рождения, русский. В 1961 году окончил Свердловский архитектурный институт. Член Демократического Союза, МОПЧ (Международного общества прав человека), корреспондент независимого журнала "Гласность".

Еще 15 ноября латвийская комсомольская газета "Советская молодежь" напечатала пространное интервью с С. Кузнецовым. Из него следует, что впервые местные свердловские власти обратили на него внимание после того, как он, связавшись в середине 1987 года с независимым изданием "Гласность", начал активно для него работать, и вести из Свердловска стали быстрее попадать в Москву, а из нее – за рубеж (следует напомнить, что Свердловск – город закрытый, или "режимный"). Сам Кузнецов считает, что с момента, когда власти узнали имя корреспондента "Гласности" и "Русской мысли", началось его "дело".

Второй этап формирования "дела Кузнецова" приходится на начало 1988 года, когда он вошел в группу людей, занимавшихся организацией и проведением митингов в Свердловске. И они проводились каждое воскресенье. Но когда в середине 1988 года сменился первый секретарь обкома партии (Петров), относившийся к неформалам терпимо, ситуация резко изменилась. В первое же воскресенье очередной митинг был грубо разогнан милицией.

Начало третьего этапа "дела" пришлось на сентябрь 1988 года, когда Кузнецов занялся распространением листовки ДС "Прекратить репрессии КГБ и МВД". После этого "дело" начало "ускоряться": обыск, конфискация пишущей машинки, литературы. И 11 декабря 1988 года он был арестован. Об условиях содержания С. Кузнецова во время длительного ареста, продолжавшегося до конца июля 1989 года, в ходе которого были избиты, две психиатрические экспертизы, признавшие его вменяемым, объявленная им многодневная голодовка, много писалось в независимой прессе и на Западе. И 26 июля ему изменили меру пресечения – он был выпущен под поручительство двух докторов юридических наук.

В октябре этого года он присутствовал на встрече общественности Свердловска с представителями правоохранительных органов, которая для него кончилась показательно. За публичное обвинение представителя местного КГБ в соучастии его, кагебиста, в преступлениях этой организации, Кузнецов был силой выдворен из зала, конечно, не без его сопротивления. Так что прямо в зале можно было сформировать обвинение: за сопротивление представителям правоохранительных органов и по одному из пунктов *проекта* новой статьи 11 Закона о государственных преступлениях – за дискреди-

тацию представителя власти (не путать с "клеветой"). Как известно, сам проект этого Закона был отозван на доработку.

В день вынесения приговора Сергей Кузнецов не сидел, а лежал на скамье подсудимых – шел 38-й день голодовки, которую он объявил в знак протеста против незаконного ареста и судилища. Двадцатого декабря, после того как ему было отказано в переводе в гражданскую больницу, Сергей заявил, что с этого дня голодовка будет "сухой".

29 декабря состоялась забастовка протеста против истязаний Сергея Кузнецова, проведенная трудовыми коллективами некоторых предприятий города.

По поводу "дела Кузнецова" покойный академик А. Сахаров писал: "Я считаю, что дело Кузнецова – это рецидив тех преследований, которые были в период доперестроечный, и, как мы видим, они не полностью прекратились сейчас. Дело это липовое, которое должно быть решено освобождением и снятием каких бы то ни было обвинений с Кузнецова". Но у властей – другое мнение, а заодно и сила. Остается невесело пошутить, что и такое можно считать "плюрализмом мнений".

В своем заявлении, переданном из тюрьмы 15 декабря 1989 г., Сергей Кузнецов написал:

"Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает – я почему-то не уверен, что это высказывание справедливо и в отношении нашего многострадального общества. Я до сих пор почему-то убежден, что и у нас в стране найдутся тысячи и тысячи людей, имеющих полное право сказать – мы такого правительства не заслуживаем.

Они бросают нам вызов. Они – это банда горбачевских опричников из КГБ, партийной мафии, прокуратуры и МВД. Они бросают нам вызов своей наглостью, ложью и лицемерием; они заявляют, что вправе уничтожать нас, разбивать наши жизни и судьбы, компрометировать и втоптывать в грязь, из которой они сами никогда не поднимутся. /.../ Я требую своего немедленного освобождения из-под ареста, и если к 20 декабря 1989 г. я не буду освобожден, то считаю необходимым и единственно возможным отдать им свою жизнь в надежде на то, что эта вынужденная жертва поможет нам остановить и повернуть вспять разворачивающийся по всей стране большевистский террор и репрессии".

Где же Сашин?

В "Московских новостях" от 3.12.89 в рубрике "На злобу дня" опубликована заметка Леонида Никитинского "Приговор политическим ярлыкам". Речь идет о решении Свердловского районного народного суда по делу о клевете в адрес Льва Тимофеева со стороны газеты "Социалистическая индустрия": "...обязать газету "Социалистическая индустрия" опубликовать опровержение о том, что в статье В. Сашина "Всеу есть предел..." не соответствуют действительности сведения о Л. Тимофееве как о политическом авантюристе, активном сообщнике НТС, получающем от него инструкции и гонорары, принимающем его эмиссаров, стяжателей, щедро оплачиваемом за свою

активную антигосударственную, антисоциалистическую деятельность...".

Ну, это – газета, а как же автор? "К сожалению, представитель редакции, об имени которого умолчим, потому что он тут и вовсе ни при чем, на этот вопрос ответить не сумел, как и на вопрос о том, кто же такой В. Сашин – не пожелавший явиться в судебное заседание автор публикации". Сашин, Еромолаев, Викторов, Александров... Журналисты особого профиля, специализирующиеся на поливании грязью представителей оппозиции. Что бы это был за суд, если бы их всех привлечь за те ушатые грязи, которые они выливали на головы людей, многих из которых нынешняя перестройка подняла на шит как видных писателей, экономистов, поэтов? Попал ли в суд Н. Н. Яковлев за свою клевету на Сахарова в "застойные" годы? А Аркадий Сахин? Оштрафовали ли Кассиса и Колосова за вранье в адрес покойного Александра Галича? А что касается сашиных да еромолаевых, то немудрено, что в суды они не являются: их зачастую и в природе-то не существует, их творения – коллективный труд небезызвестного ведомства на Лубянской площади. А так как о суде над КГБ пока речи быть не может, расплачиваться приходится социалистическим индустриям.

Если Л. Никитинский, написавший в "Московских новостях" "Своим решением Свердловский райнарсуд доказал, что правовое государство не просто лозунг", окажется прав, тогда следует ожидать суда над Д. Бирюковым – за клевету в адрес нескольких членов НТС в телепередаче "Камера смотрит в мир", над О. Вакуловским – за клевету в адрес Валерия Сендерова в фильме "Без грима", демонстрировавшемся в марте 1989 г. по центральному телевидению. Или расплачиваться за показ гебистской продукции придется самому телевидению?

Понятно, что в тоталитарной стране ни пресса, ни телевидение – себе не хозяева, а до правового государства нам еще далековато. Но суд в Москве – первое предупреждение тем, кто захочет в дальнейшем выполнять задания Лубянки по очернению противников режима, надеясь на безнаказанность.

Котел и горшок

В Тамиздат поступила рукопись на 228 машинописных страницах под заглавием "Исповедь на заданную тему", распространяемая британским литературным агенством Эндрю Нюрнберга. "Исповедь..." рекордными темпами переводилась почти на все языки мира и поступил одновременно на прилавки книжных магазинов Европы и Америки в конце января 1990 года.

В этом автобиографическом труде автор описывает свое счастливое детство в семье потомственных строителей на Урале (папа – строитель, дед тоже). Отличник в школе – сплошные пятерки и лишь одинокие четверки. Зато двойка по дисциплине (выругал учительницу немецкого языка, а потом, чтобы избавиться от двойки, настукал на неё в райком). Всегда был заводилой. Во время войны хотел дружкам показать внутренность ручной гранаты, положил на камень и трахнул молотком. Потерял таким образом два пальца

левой руки. Тем не менее, стал впоследствии волейболистом все-союзного класса. Поступил в строительный институт. От назначения начальником отказался, а пошел добровольно простым рабочим и изучил таким образом за один год 12 разных строительных профессий. Ночью, в дождь и бурю, увидел, как ветер гонит незакрепленный строительный кран к концу рельс. Чтобы предотвратить катастрофу, полез один наверх, закрепил кран (сам, кстати, днем работал на нем и забыл закрепить). Потом, не имея водительских прав, развозил на старом грузовике бетон. Мотор заглох прямо на рельсах железной дороги, а из леса слышно, как приближается поезд. Вместо того, чтобы просто выскочить из неподвижной машины, вспомнил о стартере и одним лишь ключом и стартером маленькими рывками увел машину с рельс, спасли таким образом государственное добро. Герой, а? Лишь после этого начал начальствовать на стройках. Построил пятиэтажный дом за пять дней. Рекордсмен! Затем несколько крупных объектов.

Потом пошел по партийной линии. Сам Брежнев назначил его первым секретарем Свердловского обкома партии, и он поднял благосостояние области до грани возможного. Горбачев, в свою очередь, сделал его первым секретарем МГК, начальником строительного отдела ЦК КПСС и кандидатом в Политбюро.

Но тут карьера рекордсмена-бюрократа вдруг забуксовала. Он нашел, конечно, что виноваты другие, а не он (например, Лигачев и сам Горбачев). Решил ускорить – как карьеру, так и саму перестройку, и написал Горбачеву письмо-ультиматум, что, мол, если стиль работы не изменится, то он не видит возможности оставаться на своих постах. Горбачев, конечно, как любой руководитель в таком случае, спровоцировал его выступить на октябрьском пленуме ЦК и попроситься в отставку.

Вместо того, чтобы успокоиться, наш герой решил вернуться в политику через новый Съезд народных депутатов. Он не стал баллотироваться в Свердловске, где его, по его собственным словам, выбрали бы стопроцентно, но решил доказать себе и всему миру, что народ его любит, и поэтому баллотировался в самом змеином гнезде, то есть в Москве, где и собрал 89,6% голосов.

В Верховный Совет его не избрали, а все-таки он туда попал: один из выбранных депутатов уступил ему свое место. А вот Горбачев, который нормально должен был бы его ненавидеть, предложил ему пост министра, то есть зампреда Госстроя СССР...

Понятно, что это за книга? И наверно догадались, кто автор? Это – Борис Николаевич Ельцин.

Интересно в этой книге не его хвастовство, а, например, детальное описание привилегий и благ номенклатуры и интриг на верхах партии. Интересна также критика Горбачева, которого автор в последней главе книги открыто называет своим оппонентом. Именно его, а не Лигачева!

В предисловии Ельцин пишет, что он не хочет гонораров за эту книгу. Гонорары он дарит для борьбы со СПИДом в нашей стране. Вот какой герой нашего времени этот Борис Ельцин! Продукт заложенного Лениным и Сталиным советского общества. Или, как говорит эстонская пословица: "Горшок ругает котел – а оба одинаково грязны!"

Александр М и л и ц

Стихийный демонтаж системы

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ

Имя публициста Анатолия Ивановича Стреляного в последние годы стало весьма популярным в стране. И не только потому, что в ноябре 1989 года Стреляный получил Государственную премию за сценарий телефильма "Архангельский мужик" (режиссер - Марина Голдовская). В 1987 году Стреляный, будучи редактором отдела публицистики журнала "Новый мир", выходит из редколлегии ("Журнал должен идти впереди перестройки, а не рядом с ней"). В конце 1988 года вокруг имени Стреляного разразился скандал, весьма характерный для нравов партийного аппарата. Несмотря на все противодействия, работники издательства "Советский писатель" подавляющим большинством голосов избрали А. И. директором издательства. Однако высшая идеологическая номенклатура заставила Секретариат СП СССР не утвердить выборы. Летом 1989 года по радио "Свобода" передавался цикл художественно-аналитических зарисовок А. Стреляного "Путешествие в глубинку", вызвавший большой интерес слушателей в Советском Союзе.

Ниже мы публикуем выступление А. И. Стреляного на конференции "СССР - кризис системы", состоявшейся в конце ноября 1989 года в Париже. Запись выступления сделана нашим корреспондентом Н. Маковой.

О действительной важности и остроте обсуждающихся проблем в Советском Союзе можно судить по тому, как откликается на них официальная пропаганда. Наиболее болезненно официальная пропаганда откликается сейчас на две темы. Первая - разговоры о Ленине. Очень нервничают высшие официальные лица и официальные пропагандисты, когда замечают, что народ слишком свободно начал рассуждать на эту тему.

Второй предмет, вызывающий болезненный официальный отклик, - это судьба колхозов и совхозов, судьба коллективизации. Тоже понятно почему: коллективизация делалась во спасение советской власти, или того, что называлось этими словами, делалась во спасение социализма, или того, что называлось "социализмом", - с моей точки зрения, совершенно справедливо называлось.

Стало быть, если разговор заходит о ликвидации, разборке, демонтаже того, что делалось во спасение социализма, значит речь идет о демонтаже этого самого социализма. Это и вызывает такую болезненную реакцию.

Вообще сейчас время возобновления многих старых разногласий, в том числе, естественно, и разговора о формах сельского хозяйства. Этот тот самый разговор, за участие в котором был расстрелян наш ученый Чаянов - один из наиболее серьезных противников коллективизации. К тому времени уже было ясно, - мировой опыт по-

казал, — что из всех форм кооперации наименее эффективной является производственная кооперация. Именно та самая, которую в Советском Союзе и решили осуществить, идя, как будто специально, от противного.

Чаянов объяснял, что производственная кооперация в сельском хозяйстве заведомо обречена на неэффективность. Известны его слова:

“Воля хозяина в капиталистическом предприятии и главы семьи в трудовой крестьянской семье обеспечивает нам единство организационного плана и неуклонное проведение его в жизнь. Коллективная же воля прежде всего слаба как воля организующая и предпринимательская, а во-вторых, слаба она и как воля принуждающая”.

На этом он не ставил точку, он говорил, что, конечно же, среди будущих колхозов будут хорошие предприятия, замечательные во всех отношениях предприятия, но своим существованием они будут обязаны выдающимся личностям. А этих выдающихся личностей не может быть — по самой природе человека — слишком много, их всегда мало. Кроме того, конечно, деятельность и поведение этих выдающихся людей не будут и пахнуть демократией.

Судьбе было угодно распорядиться таким образом, чтобы сейчас именно лучшие люди, выдающиеся председатели колхозов и директора совхозов возглавили, вместе с советской бюрократией, борьбу за сохранение колхозов и совхозов, то есть за сохранение государственных сельскохозяйственных предприятий — громоздких, неуправляемых, не способных накормить народ. Ситуация для литератора очень любопытна, в ней много драматизма, юмора, всего, что вообще составляет хлеб литератора.

Любопытны доводы этих наших зубров в пользу сохранения колхозов и совхозов. Хотя, в сущности, ведь никто не требует ликвидировать колхозы и совхозы: требуют просто оставить их в покое, освободить их от бюрократической регламентации, а тогда они, естественно, исчезнут сами собой. Понимая это, “зубры” и борются за их сохранение. Фактически, это борьба не за сохранение колхозов и совхозов, а за сохранение нетоварного хозяйства.

Среди доводов в пользу сохранения колхозов и совхозов, например, такой: дело, мол, не в самих колхозах и совхозах, а в том, что их долго давили и продолжают давить. Вот если их перестанут давить, тогда они покажут всему миру, на что они способны. При этом люди не задают себе вопроса: а почему вообще их давили и давят? Как мало люди спрашивают себя: почему, собственно, семьдесят лет подряд эта власть не обходилась без насилия? Людям не допускают простого ответа, что если бы она обходилась без насилия, то этот социализм просто не мог бы внедриться, он бы не существовал. Точно так же, если бы колхозы и совхозы не давила власть, колхозы и совхозы не существовали бы: они просто не могут существовать без насилия.

Второй довод: спросите, мол, самих людей — они так легко не расстанутся с теми социальными благами, которые им дает колхозная жизнь. Не понимают, что социальные блага только тогда прочны, когда они — результат торга между теми, кто нуждается в этих благах, и теми, кто может на них раскошелиться.

Мне приходилось этим летом слышать требования лучших председателей колхозов: “Дайте нам рынок! Вот тогда мы себя покажем!” Тоже не понимают, что уж настоящий рынок очень быстро и успешно справится с демонстрацией этой системы.

Таким образом, все более наглядно выясняется, что без составления и осуществления серьезной, глубокой программы денационализации советского народного хозяйства, в том числе сельского хозяйства, не обойтись. А такая денационализация в первую очередь должна коснуться сельского хозяйства по двум причинам: 1) потому что с продуктами в стране очень плохо; 2) потому что эта отрасль, как известно, быстрее всего откликается на серьезные экономические реформы.

Вопрос о денационализации в сельском хозяйстве – вопрос о судьбе колхозов и совхозов. Опыт наших последних пяти лет показывает, что все-таки разборка, демонтаж этой системы – продуманный, плановый – не получается. Хотя многим людям известно, как эту разборку осуществлять. Известна, например, та программа, осуществленная которой Сталиным боялся в свое время Троцкий. Очень грамотная, между прочим, программа, я был поражен, когда впервые с ней познакомился. Троцкий писал так:

“Главной задачей Сталина, если бы он захотел демонтировать социализм, было бы восстановление частной собственности на средства производства. Прежде всего потребовалось бы создание условий для выделения из слабых колхозов крепких фермеров и для превращения сильных колхозов в производственные кооперативы буржуазного типа, в сельскохозяйственные акционерные компании”.

Грамотность товарного мышления Троцкого в данном случае особенно впечатляет, если учесть его идеологическое неприятие товарного хозяйства.

Так вот, такого спокойного мирного демонтажа системы, несмотря на то, что известно, как это делать, не получается. Все чаще приходится среди специалистов слышать эти слова. По всей видимости, эта система может быть разобрана и превращена в нормальную так же стихийно, как стихийно она создавалась. Ведь она в значительной степени создавалась стихийно, несмотря на наличие мудрого плана, особенно детализированного к 1921 году. Несмотря на это, система создавалась во многом стихийно; по всей видимости, и разрушаться она будет стихийно. Мы это, к сожалению, и наблюдаем.

Речь идет об очень серьезных вопросах: о втором величайшем в XX веке социальном перевороте. Первый был в 1917 году. К чему он привел, – мы все больше понимаем. Речь идет о втором перевороте такого же всемирно-исторического масштаба, нравится это кому-то или не нравится, понимаем мы это или не понимаем. А это такая вещь, которая по мудрому плану, составленному даже грамотными серьезными людьми, которые окружают наших высших начальников, все-таки, к сожалению, невозможна.

Хозяйствовать как следует не смогут ни правительство, ни Советы. Хозяйствовать по-настоящему может все-таки лишь такая неприятная литераторам личность, как делец, тот самый “буржуа”. Ему не очень важно, поклоняются ему, хвалят его или нет – плати и проваливай.

Вот этот процесс стихийного демонтажа системы и будет представлять то зрелище, которое вам покажется захватывающим. А что с нами, участниками этого процесса, будет, – вот вы тоже посмотрите. Это будет захватывающее зрелище. *(Аплодисменты.)*

"Все больше и больше приходится отдавать"

Интервью с редактором "Гласности" С. И. Григорянцем

- Сергей Иванович, приветствуя Вас в Париже от имени журнала "Посев", хочу задать Вам несколько вопросов. Прежде всего, что Вы считаете наиболее важным для нашей страны за годы перестройки? Что произошло наиболее важное?

- Для американского президента уже год назад было бы время подводить итоги. Горбачев, по-видимому, этого делать не собирается. Тем более что, скажем прямо, итоги эти неудовлетворительны. Задачей его, по-видимому, стало укрепление режима, стремление спасти все, что можно было спасти. И за эти годы выяснилось, что спасти можно очень мало, а может быть, просто ничего. Горбачеву все больше и больше приходится отдавать.

Сперва существенной уступкой Западу, скажем так, было уменьшение советского вмешательства в региональные конфликты. Конечно, для американцев имело очень большое значение, что в Никарагуа становится спокойнее, а для Европы имел большое значение Ближний Восток, а для Японии – Дальний Восток и т. д. Сейчас уже ощутимо меняется положение в Восточной Европе. Советские вполне официальные и полуофициальные лица при этом – в особенности в последние дни перед визитом Горбачева в Италию и встречей с президентом Соединенных Штатов – не устают напоминать: "Мы вам отдали так много, мы не вмешиваемся в дела Восточной Европы, а, может быть, стимулируем там процессы освобождения. Вы не идете нам навстречу так, как бы мы хотели!" И это, наверное, суть советской позиции сейчас: отдают то, что невозможно удержать, но сохраняют при этом основы режима и собственной власти. Сохраняют хотя бы в сужающихся, еще раз подчеркну, но все-таки еще достаточно обширных границах.

- Иными словами, Вы считаете, что главным после прихода Горбачева к власти было само сохранение его власти? Все, что делается при исходе гласности, – это сохранение власти прежде всего?

- Да, но не личной власти, точнее, не только личной власти Горбачева. Это приход к власти определенной группы, которая понимала, какой катастрофой чревато будущее, которая видела, как ослабляются экономические, политические и военные позиции Советского Союза, и стремилась к модернизации страны и к восстановлению этих позиций. Другое дело, что эти люди ошиблись. Ошиблись, правда не совсем так, как любят говорить об этом консерваторы: они ошиблись только в сроках.

Они искренне полагали, что у них гораздо больше времени для изменений в стране, изменений экономических, политических, какой-то ее сравнительной европеизации, с целью как бы освоить достижения современной цивилизации. Но с другой стороны, иллюзорной была сама их надежда, – а тут нужно сказать, что это действительно была их надежда, это не было только попыткой обмануть

окружающий мир. Они действительно полагали, что навсегда или на время, необходимое для модернизации, но в Советском Союзе можно создать режим, чем-то подобный венгерскому лет десять назад, такой социализм с получеловеческим лицом. Как относятся к этому получеловеческому лицу венгры, мы хорошо знаем: и уход Кадара и всего его руководства, и распад компартии, и переименование Венгерской Республики – наглядные тому доказательства.

Не менее важно совсем другое, не менее важно, что это был обман и самообман. Перед Россией стоят совсем иные проблемы. Во-первых, не надо забывать, что Венгрия стояла на первом месте по долларовым займам на душу населения, и из этой трясины выбраться не может до сих пор. Очевидно, что во всем мире денег не хватило бы на то, чтобы таким же образом снабжать Советский Союз, да никто его и не хочет снабжать. Конечно, вот этого Горбачев не получил и не мог получить от Буша. Кстати говоря, Венгрия получала существенную помощь и от Советского Союза – за счет очень льготных цен на топливо и сырье. И только это на самом деле и поддерживало ее относительное в социалистическом лагере процветание. А с другой стороны, Венгрия – маленькая, стабильная страна, с однородным населением, абсолютно не знавшая и не знающая никаких национальных и таких социальных проблем, которые просто раздирают Советский Союз. То есть создание режима по венгерскому образцу на самом деле было несбыточной иллюзией.

К сожалению, коммунистические руководители вообще склонны пытаться осуществлять именно иллюзорные планы, – как правило, за счет крови своих подданных. И это был также один из таких проектов.

Ну вот мы видим, что и времени отпущено гораздо меньше, чем казалось, и катастрофический распад экономики начался гораздо быстрее, чем этого ожидали. При росте национальных и демократических движений произошел просто как бы взрыв. Но даже в идеальном случае на самом деле это все равно было бы, еще раз повторяю, невозможно.

– Сергей Иванович, а вот если посмотреть с другой стороны: что приобрел народ за эти несколько лет перестройки и гласности? Тот факт, что мы сидим с Вами вместе в Париже за одним столом, ведь это тоже какое-то достижение?

– Поскольку Вы упомянули меня, то мне нужно сказать, как я к этому отношусь. Потом я буду говорить о каких-то более общих проблемах.

Понимаете, освобождение политзаключенных, по моему безусловному убеждению, являлось актом политической игры: советским руководством оно было сочтено выгодным в этих условиях. И если бы они сочли выгодным всех нас уничтожить, они так же спокойно это бы сделали. Уже одно то, что люди, с которыми я сидел в одних камерах – Валерий Смирнов, Михаил Казачков и многие другие, – еще в этих камерах находятся, уже одно то, что вот сейчас арестован сотрудник редакции "Гласности" (и получил три года) Сергей Кузнецов, доказывает, что советские руководители отнюдь не руководствовались принципами демократии и гуманизма, а только соображениями собственной выгоды. Скажу больше: если бы многим из

нас, в том числе мне, предложили на выбор остаться до конца срока в тюрьме или выйти на волю, точно зная, что за это время (это уже общие социальные проблемы), как бы в плату за наше освобождение, будут убиты сотни людей на улицах, как это произошло в Тбилиси и во многих других местах, что тысячи станут беженцами в силу этого процесса, — то вряд ли бы мы выбрали освобождение.

Таким образом, приходится говорить об очень грустных вещах, с которыми мы впервые встретились за эти годы. Это годы еще более тяжелых экономических испытаний. Мне не нужно рассказывать вам, вы сами обладаете прекрасной информацией о том, какое трудное положение с продовольствием, с товарами первой необходимости в стране, шахтеры бастуют, требуя, чтобы вместо одного куска мыла в месяц они получали два... Само по себе это уже не нуждается в комментариях. Страна еще не стоит на грани гражданской войны, разговоры об этом сейчас — это провокация советских руководителей. Не стоит просто потому, что на самом деле в стране нет сил, которые были бы способны противостоять армии, КГБ, МВД. На самом деле все силы находятся у властей и только у них. Но все, что происходит сейчас, — растущее озлобление в этих страшных условиях и откровенное преобладание слов над делами, — все это не может не заставлять смотреть в будущее с серьезными опасениями. В будущем, шаг к которому мы уже делаем. Будущее, которое как бы уже началось — и в этом смысл настоящего. Но и в будущее, которое, по моему глубокому убеждению, будет демократическим: потому что другого пути в современном обществе у великой страны и у великого народа нет.

Но тут-то возникает вопрос о том, как дорого мы за это будущее заплатим. Заплатим из-за в высшей степени неразумной политики советского руководства. Не только эгоистической, не только стремящейся сохранить собственное господство, но именно неразумной. Сейчас представляется, что цена эта будет очень высока.

— Вы упомянули трагические события в Тбилиси. Объяснение тому, что там произошло, просто трудно найти. Чем Вы объясняете тот факт, что вот в Тбилиси была употреблена сила, а в других местах, где фактически нужно было ее употребить, этого не было сделано? Считаете ли Вы это растерянностью власти?

— Нет. Я уверен в том, что это сознательный умысел, и смысл его мне представляется совершенно ясным. В Тбилиси была попытка создать предлог для введения военного положения в стране — то, о чем сейчас откровенно говорит сам Горбачев, уже открыто требует этого у Верховного Совета, пытается и сам, и через своих помощников убедить в необходимости этого и западных руководителей. Тогда это было чисто провокационным актом. Все обстоятельства этого чудовищного злодеяния на самом деле являются доказательствами такого утверждения. Достаточно сказать, что уже за несколько дней до 9 мая, по-моему, 5-го, в Тбилиси был заместитель министра обороны: так сказать, осматривал будущее поле боя. Были отданы распоряжения об освобождении мест в больницах. Была разоружена грузинская милиция. С другой стороны, Вы знаете, что само по себе избиение осуществлялось войсками, специально присланными в Тбилиси. Это были части особого назначения, они не подчинялись командующему Закавказским военным округом. Наконец, то, как это

происходило. Нормально, когда пытаются рассеять демонстрацию, митинг, — людей разгоняют. Здесь все происходило прямо противоположным образом. Несколько цепей солдат с лопатами, заранее заточенными, с разными видами отравляющих газов, окружили плотным кольцом эту толпу и сжимали ее. Единственный выход был отнюдь не в свободное пространство, чтобы люди разбегались, а в Дом правительства, где были спрятаны автоматчики и пулеметы. То же самое происходило на другой площади, около здания Грузинского радио и телевидения. Совершенно такая же схема. Их загоняли в это здание.

И смысл этого стал ясен, когда первый заместитель председателя Верховного Совета Лукьянов, приятель Горбачева еще по университету, давал объяснения на запрос в Верховном Совете. Он прочел три телеграммы Патиашвили, якобы полученные ЦК накануне и сразу же после этих событий. В первых двух телеграммах, полученных накануне, сообщалось, что все спокойно, все нормально, грузинское руководство вполне контролирует положение и не просит никакой помощи. Кстати говоря, командующий военным округом прямо лгал потом, когда говорил, что вся акция была осуществлена войсками Закавказского военного округа. На самом деле, как мы знаем, это было совсем не так. Но совершенно замечательной, и в этом смысле разоблачающей, явилась третья телеграмма, где Патиашвили, предвзвительно, кстати говоря, вывезший своих детей из Тбилиси, рассказывал о том, что совершенно очевидно планировалось, но не было осуществлено. Он рассказывал о том, что, вот, народ пытался захватить здание Дома правительства, здание телевидения и еще какой-то завод в Рустави, и что это была попытка захвата власти и попытка переворота, совершенная неформальными какими-то группами и радикалами-националистами. На самом же деле власти пытались имитировать это. Но это им не удалось, и только по одной причине: потому что более или менее понимавшие ситуацию и знавшие, что спрятаны эти самые автоматчики и пулеметчики в Доме правительства, безоружные грузинские милиционеры выстроились цепью и уговорили людей на площади не подходить близко к Дому правительства. И на самом деле, то, о чем сообщал Патиашвили, было ложью. Это были их планы, но этого они не смогли осуществить. Изобразить избиение посреди площади двадцати безоружных женщин попыткой захвата власти было невозможно.

Напомню еще ко всему остальному, что накануне, 8 апреля, был, как известно, подписан закон, заменяющий статьи 70 и 190¹ УК, в соответствии с которым можно было просто арестовать любого человека. Потом Верховный Совет, через три месяца, его не утвердил, но в тот момент это был действующий закон, и там было указано, что он вступает в действие со дня публикации. Там было сказано, что дискредитация органов власти или любого представителя власти ведет к осуждению на три года. То есть на самом деле власти готовились к массовым арестам.

Напомню еще одну подробность этого же дня. Танковые колонны прошли по улицам Риги, потом было еще объявлено, что это танковые учения на улицах городов Таллинна, Тарту. Войсками был заполнен Ташкент. То есть это была не изолированная акция. Это была попытка введения военного положения, в тот момент сорвавшаяся. Сейчас Горбачев сам настаивает на нем. Но в июне, когда я говорил об этом

на пресс-конференции, он поторопился опровергнуть это и заявил, что не собирался вводить военного положения, а министр обороны Язов устроил даже пресс-конференцию по этому поводу.

- В документе о событиях в Тбилиси в апреле 1989 года Совет НТС считает, что виновной за них является высшая власть, включая и Горбачева, и что он должен нести основную ответственность. Насколько, по-Вашему, справедливо это утверждение?

- Я уверен, что это на все сто процентов справедливо.

- Какое значение имеют сегодня неформальные объединения и группировки? И смогут ли они в дальнейшем играть политическую роль в России?

- Сейчас у нас очень много споров о том, что такое неформальные объединения. Скажем, с одной стороны, власти стремятся их ввести в рамки собственных структур. Успешно это происходит с наиболее послушными экологическими объединениями, с некоторыми народными фронтами в провинции. С другой стороны, трудно сказать: является формальным или неформальным данное объединение, допустим, Межрегиональная группа депутатов? С одной стороны, они-депутаты, с другой стороны, - никто не признает этой группы. По-видимому, сейчас надо уже говорить просто о демократическом движении, о движении, которое приобретает какие-то организованные формы. Оно остается раздробленным, оно остается очень разнообразным по своему характеру, каким, кстати говоря, и должно быть любое народное движение. Но тем не менее, оно играет все более и более заметную роль в стране и будет играть еще большую по мере ослабления, уменьшения возможностей центральной власти.

На местном уровне, в Москве, власти стремятся все больше и больше к диалогу, к заигрыванию, к обману этих демократических группировок. Но те приобретают реально все большую и большую силу. А в 1989 году уже появилась как мощная сила рабочее движение, забастовочные комитеты, которые, по сути дела, управляют и Новокузнецком, и Воркутой. Это - сила, которая просто способна заменить власть, способна поставить ее, власть, в такое положение, когда режим в стране может существенно измениться.

- Заканчивая нашу беседу, хотелось бы пожелать Вам успеха в Вашей борьбе. Зная Вашу энергию, Ваши способности, мы верим в успех. Хотелось бы также выразить пожелание, чтобы все демократические силы в России объединились, потому что залог победы может быть только во взаимном действии и в общем направлении действий. Надеемся, что каждый из нас это поймет, что скоро мы сможем найти общий путь и объединиться, и бороться вместе за освобождение всех наших народов.

- Благодарю Вас.

Интервью взял Б. Г. Миллер

"Как декретами создавали, так декретами и ликвидировать..."

А. М. Мигранян – политолог и публицист, чьи статьи и интервью в центральной советской прессе вызвали живой интерес читателей и много откликов. В ноябре 1989 г. А. Мигранян участвовал в международной конференции, устроенной в Париже под девизом "СССР – кризис системы". Интервью у А. Миграняна взял наш сотрудник Б. Миллер.

– Андроник Марсесович, приветствуя Вас в Париже от имени журнала "Посев", хочу задать Вам несколько вопросов. Вы писали о трудностях процесса демократизации в условиях имеющихся структур. Согласны ли Вы, что наиболее сложный вопрос в этом плане – национальный? Какие его аспекты вы считаете самыми главными? И как эту дилемму можно было бы урегулировать спокойно?

– Действительно, многие советологи правильно говорили: если у нас вдруг начнутся процессы демократизации, то СССР взорвется из-за национального вопроса и из-за центробежных тенденций. И эти тенденции проявили себя уже с самого начала перестройки.

Увы, к сожалению, эти процессы застали врасплох руководство, потому что оно думало, что сначала сможет провести демократизацию, а потом разрешит национальный вопрос. Получилось же наоборот: демократизацию мы не провели, а центробежная тенденция и национальные движения опередили процессы социальные и демократические. Руководство страны оказалось не в состоянии проявить свою позицию достаточно четко и, возможно, в какой-то степени из-за этого находится в парализованном состоянии. Национальные процессы получили свою собственную логику развития и стали во многом неуправляемыми. И если этот процесс будет продолжаться, то для того, чтобы его приостановить и сделать каким-то образом управляемым, центральной власти придется затратить гораздо больше усилий, а возможно, придется применить даже силу – то, чего при ранних этапах развития процесса можно было бы избежать. Сейчас же такие "силовые" мероприятия могут стоить судьбы перестройки.

Лидеры национальных движений, кажется, не представляют себе, что происходит. Они опережают события и переоценивают готовность страны так быстро трансформироваться. Они игнорируют политическую и психологическую неготовность к немедленному распаду сложившихся структур, хотя те и были во многом сконструированы только механически. Но все равно – их распад может сегодня привести к хаосу, к неуправляемым процессам и стихийным столкновениям. Эти факторы уже существуют в стране, но они грозят обрести еще больший размах, будут колоссальные жертвы и трагические последствия.

У меня есть своя концепция, изложенная в "Новом мире", в "Литературной газете" и других изданиях. Я считаю, что как от тоталитаризма нельзя перейти к демократии непосредственно, так нельзя перейти от сверхцентрализованного государства к конфедерации или же к полному распаду всех общественных систем. Потому что получится то, что произошло в 1917 году – а это был только хаос. В

ситуации, в которой мы находимся, было бы неплохо, если бы Горбачев, для того чтобы перехватить инициативу и управлять процессами, вместо того, чтобы идти за ними, собрал не партийных руководителей, как это обычно у нас делается, а лидеров народных фронтов и лидеров всех неформальных движений, которые пользуются популярностью, и объяснил им реальную ситуацию, в которой находится страна. Объяснил бы, что в любом другом случае в процессе социальных изменений и других явлений перехода к демократизации, — если в стране не подготовлены определенные общественные инфраструктуры, если не существует еще необходимая политическая и психологическая готовность, — то каждое внезапное изменение ситуации может закончиться плохо.

— Не думаете ли Вы, что стремление республик идти на какие-то попытки отделения связана с тем, что центральная власть стала слабее?

— Да, это несомненно. Я писал об этом в своих статьях как о явлении не ослабления власти, — она достаточно сильна и сохранила до сих пор силу всех своих структур, — но явлении новом: власть в СССР растеряна. У нее нет новых механизмов решения проблем, именно новых проблем. У нашей власти были старые механизмы решений — это главным образом применение силы.

А сегодня, в нынешнем положении, власть не хочет прибегать к силе. И в то же время сегодняшняя власть не может не опираться на согласие, на единодушие, такого консенсуса нет. Существует только конфликт! В настоящей, то есть устроенной, укорененной демократии тоже может появиться конфликт, но при обязательном наличии консенсуса. А мы в нашей стране переживаем конфликт при переходе к демократии от тоталитарной системы без такого консенсуса. А отсюда и вытекает такое двойственное и сложное положение для центральной власти.

— Вы говорите, что власть не применяет силу. Но вот в Тбилиси она ее применила, и кончилось это печально. Кто виноват в этом ?

— К сожалению, это трудно сказать. Если вы следили за Съездом, то знаете, что это был, конечно, курьез: в течение нескольких дней и в присутствии всех тех людей, кто принимал решения в этом конфликте, никак нельзя было найти того, кто в конечном счете отдал приказ. Но в данном случае это не имеет существенного значения — кто дал команду, кто применил силу... Я просто думаю, что власть опять же — вот это еще один парадокс сложившейся ситуации — растерялась. Она применила силу там, где не нужно было, а позднее там, где ее применить было нужно, она ее не применила. После трагедии в Тбилиси власть, тем не менее, начала что-то понимать — когда и что надо применять. Эти трагические факты, конечно, усложняют ситуацию и показывают, что власть не ведет. Ведь при любой революции сила, которая претендует на руководящую роль, должна вести за собой события, а не плестись в хвосте. Они плетутся в хвосте. К сожалению, это факт.

— Отсутствие решений в вопросе Армении и Азербайджана — тому пример?

- Прямой пример. Именно на этом примере власть себя делегитимизировала. Самоустранилась, она показала, что она практически лишняя, - раз она не смогла принять решения.

Ведь что такое государство? Следуя принципу и определению Вебера - не по Марксу, а по Веберу, - государство - это единственный орган, который на данной территории и в данном положении имеет единственное легитимное право использовать силу, чтобы удержать или восстановить порядок. Даже применить насилие. Но, если для того, чтобы защитить жизнь и имущество своих граждан, государство не вмешивается, то оно себя делегитимизирует - и тогда всем плевать на такое государство. Это трагично, и меня это, конечно, очень беспокоит. Хотелось бы, чтобы идущий сверху процесс был бы более целенаправлен. Но он, увы, идет слишком медленно, он непослователен и неадекватно реагирует на многие вещи, которые должны были бы быть уже решены. Многие должны были бы быть уже за нашими спинами.

- Как Вы оцениваете экономическую ситуацию?

- Я думаю, что наиболее острая проблема, я об этом писал в советской печати, это проблема популизма. У нас есть глубоко укоренившееся грубое, эгалитарное сознание в обществе. Например, при наличии одного процента национального дохода только от кооператоров появившаяся в обществе ненависть по отношению к ним, нерешенные вопросы собственности, и все трудности, связанные с внедрением закона о кооперации, и вся возможная дальнейшая дифференциация - это центральные проблемы нашего общества. Массовое сознание не готово к принятию дифференциации.

Тут я, конечно, не могу не вспомнить Токвиля, который в "Старом порядке и революции" говорил, что массы только уры в кам и проявляют свое отношение к свободе, но чего они всегда жаждут - это равенства, и поэтому они предпочитают "равенство в рабстве" "равенству в свободе". Эти идеи Токвиля были переняты Достоевским в его романе "Бесы", а потом и в "Великом инквизиторе". Это все исторические параллели. Консервативная мысль, которая пыталась осмыслить итоги Великой Французской революции - Токвиль, Шатобриан, - вся эта линия оказалась напрочь игнорированной марксизмом и всей социалистической мыслью. И сегодня появившийся антиэгалитаризм впервые сталкивается у нас с жутким эгалитаризмом, который был, с одной стороны, органичным, и с другой - доктринально закреплялся.

- Считаете ли Вы, что произошел крах идеологии?

- Я бы сказал, что крах марксистской идеологии произошел в общем-то давно, но в том ее ортодоксальном варианте, который у нас оказался закрепленным через сталинский "Краткий курс истории ВКП(б)". Сегодня мы просто получили возможность все это в более явной форме говорить, печатать и т. д. В принципе эта система потеряла свою легитимность, - половину, по крайней мере, своей легитимности, - когда сила перестала непосредственно вмешиваться и когда страх ушел. А допуск к средствам массовой информации еще больше подорвал ее легитимность, потому что социалистический идеал в той форме, в какой это было сформулировано у Маркса,

оказался очередной утопией. Как-то мне приходилось писать о Замятине, на "Круглом столе" в "Литературной газете", что антиутопия – это реализованная на практике утопия. И как раз реализация марксистской утопии, в том варианте, в каком она оказалась, дала нам "Чевенгура" Платонова, и это посильнее, чем любое другое произведение в этом смысле. Я могу его поставить в один ряд с Орвеллом, Хаксли, хотя в художественном отношении Платонов посильнее.

– Какой выход из создавшегося положения Вы видите?

– В какой-то форме я уже писал об этом в "Литературной газете". И в советской печати сейчас идет широкая дискуссия по этому поводу. Меня чуть ли не обвинили в сталинизме, в "нина-андреевщине" и прочем. В связи с тем, что идет дискредитация и кризис легитимности существующих структур, я еще после победы определенной части нашей интеллигенции на выборах на Съезде предложил с московской трибуны дать Горбачеву мандат на чрезвычайные полномочия по созданию Комитета национального спасения, который он должен сам сформировать. Это дало бы возможность убрать существующие, дискредитировавшие себя структуры – партийные, государственные и любые другие на высшем этапе власти. С одной стороны это была бы персонификация власти, а с другой – создание нового, не дискредитировавшего себя института, с новыми людьми, который мог бы получить кредит от народа.

И еще – что очень важно, – те консервативные круги в высших эшелонах были бы автоматически устранены от процесса принятия решений. И тогда можно было бы принять несколько кардинальных решений, чтобы расширить базу перестройки снизу. Например, Закон об общественных организациях, который позволит создать параллельные структуры. До сих пор эти неформальные структуры не легитимны, их можно завтра закрыть.

Править надо с помощью декретов. Вот как декретами отбирали землю, так декретами ее и отдавать, как декретами создавали этиатические реформы и огосударствливали всю собственность, так декретами и ликвидировать министерские системы. Такими радикальными средствами должен внедряться процесс деэтизации. Такие заявления вызывают, конечно, шок у нашей либеральной интеллигенции, у тех, кто решил, что это будет возвратом к сталинизму. Но они не увидели парадоксальности этого предложения: при концентрации очень большой силы наверху – принимать решения, чтобы раскрыть и расширить эту базу снизу. Ведь Дэн Сяопину в результате принятия только одного решения – отдать землю крестьянам – удалось больше половины населения сделать сторонниками реформ.

За пять лет мы так и не создали ту социальную опору внизу, которая может поддерживать перестройку. К сожалению, мы до сих пор должны думать, что вот этот лидер – единственная наша опора. Но либеральная интеллигенция не поняла того, что в парадоксальных ситуациях нужны парадоксальные решения, и сама либеральная интеллигенция оказалась в плену сталинского черно-белого мышления. Вот такое двухмерное сознание. Это уже однажды было.

Многие либеральные интеллигенты-радикалы сегодня проявляют себя – хотя сами не отдадут в этом отчета – очень парадоксальным образом. С одной стороны, они проявляют себя сторонниками сбор-

ника "Вехи", т. е. Бердяева, Булгакова, Струве, а с другой, - выступают в роли большевиков.

- Что Вы считаете главным тормозом развития демократизации? Партийный аппарат?

- Не только партийный аппарат. Я с такой трактовкой был бы не согласен. Сам партийный аппарат - не монолит, он неоднороден. Внутри партийного аппарата есть силы, заинтересованные в реформах этой структуры. Я бы сказал так: организационный принцип партии. Я неоднократно предлагал, даже в этой ситуации, не только закон о параллельных структурах в собственности, но - что я считаю гораздо более важным, - это изменение организационного принципа, хотя бы на уровне района и города. Прямые выборы первых секретарей из альтернативных кандидатов с различными программами - вот что взорвало бы номенклатуру в основных звеньях.

Однако на верхних этажах, я думаю, этого делать не надо: надо стабилизировать ситуацию, пока внизу различные конфликтные интересы не будут каким-то образом гармонизированы.

Здесь несколько ключевых элементов. Это - пока что действительно существующая организационная структура партии, пока что существующая организационная структура государственных органов власти. Фактически, мы все еще не имеем государства, мы имеем только Верховный Совет, этакий маломощный отросток государственности. На других этажах государство от партии не отчленено, и общество от государства - тоже. И конечно, центральной причиной нашего непродуктивного к демократии еще долго будет государственная, этактизированная сфера экономики. И переход будет очень сложным.

Почему я не считаю партию главным элементом? Вот в Польше "Солидарность" у власти, а экономика находится в государственных руках, и Польша еще долго не сможет выпутаться из этого. И не исключено появление диктатуры Валенсы или какой-либо правой диктатуры. Вот как Михник - под нашим влиянием, может быть, - написал, что нам нужен антикоммунистический диктатор, чтобы демонтировать то, что было вмонтировано. Поэтому деэтактизация - это требование очень болезненных решений. А болезненные решения требуют их проведения, если необходимо, с помощью силы. И конечно, должен быть сломлен менталитет, эгалитарный менталитет.

- Знакома ли Вам брошюра Владимира Солоухина "Читая Ленина"?

- Да, читал. Я знаю, что "Посев" первым ее опубликовал. Я думаю, что Солоухин написал о некоторых вещах, которые имели широкое хождение в интеллектуальных кругах в Москве, хотя он несколько заострил традиционную для русской партии антирусскую, антинародную направленность идеи, которую реализовывал Ленин. Есть определенные основания критиковать эту работу, потому что Солоухин абстрагируется от исторического контекста. Хотя во многом я согласен с тем, что Ленин был в русле мыслителей-утопистов, которые считали, что общество можно переструктурировать. И в этом отношении грехи рационализма распространились от Руссо через Маркса к Ленину: если действительность не соответствует идее, то действительность должна быть переструктурирована под идею. Вот в этом плане я могу с солоухинской работой согласиться...

О забастовке

Роман РЕДЛИХ

Что такое забастовка

В выпущенной Агентством печати "Новости" брошюрке под заглавием "СССР - 100 вопросов и ответов" сорок первый ответ посвящен вопросу "Почему в СССР запрещены забастовки?" Ответ этот гласит:

"Забастовки в СССР не запрещены, их нет потому, что они лишены смысла. В условиях социализма есть иные, куда менее болезненные пути, ведущие к удовлетворению справедливых требований рабочих и служащих. Уместно вспомнить, что по этому поводу писал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что "применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской властью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс, с другой. Ибо если суды и все прочие госорганы создаются на классовой основе, самими трудящимися, с исключением буржуазии из числа избирателей, то нормальным способом решения конфликтов между трудом и капиталом, между нанимаемыми и нанимателями должно все чаще становиться непосредственное обращение трудящихся к госорганам".

Дальше ответ сообщает читателю, что "главная задача государства у нас - в максимально полной мере удовлетворять материальные и духовные запросы трудящихся. Все предприятия принадлежат народу. Их администрация представляет единственного владельца - государство трудящихся. Заботиться об улучшении условий труда - ее прямая обязанность. И руководители предприятий выполняют ее под контролем профсоюзов, ежегодно заключающих с администрацией коллективные договоры от имени трудовых коллективов. Любое ущемление прав или интересов рабочих было бы нарушением и государственной политики, и трудового законодательства, и коллективного договора".

Брошюрка вышла в 1984 году, при Черненко, когда еще можно было лакировать действительность. Но преемник Черненко Горбачев запустил гласность с последующим ускоренным погромом унаследованных от Сталина мифов и фикций. И вскоре оказалось, что управляемое коммунистами государство не удовлетворяет ни материальных, ни духовных запросов трудящихся, что предприятия в нем принадлежат партии, а не народу, что администрация представляет партию, а не трудящихся, что забота об улучшении условий труда ею не выполняется, что казенные профсоюзы всего лишь "приводные ремни от партии к трудящимся массам", а забастовки против бюрократических извращений целесообразны и морально оправданы.

Но давайте подумаем немножко: а что такое, собственно говоря, забастовка?

Право принимать ту или иную работу или отказываться от нее относится, конечно, к числу неотчуждаемых прав всякого человека и гражданина. Неверно, однако, думать, будто право на забастовку – это право на произвольное прекращение работы в целях изменения условий, на которых она до сих пор производилась. Право на забастовку не сводится к праву договариваться об условиях работы и вознаграждении за нее. Договариваться можно и не бастуя. Забастовки исходят совсем из другого, они исходят из права пражданского неповиновения, из п р а в а п р о т е с т а, из права на восстание, которое ни у кого нельзя отнять по той простой причине, что это "последнее право" взять может всякий, но даровать не может никто.

В третьей преамбуле ко Всеобщей декларации прав человека ООН это право утверждено словами: "необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения".

Забастовка – это всегда маленькое восстание. Забастовка начинается тогда, когда чаша терпения переполнена, когда попытки договориться по-хорошему не дают результатов. Поэтому право на забастовку, даже там, где оно узаконено государством, есть о с о б о е п р а в о, а положение предприятия, на котором прекратилась работа, есть о с о б о е п о л о ж е н и е.

Забастовка – это крайнее средство, с помощью которого работающие по найму получают возможность настаивать на поставленных требованиях. Поэтому в государствах, в которых забастовка считается легальным средством борьбы и профессиональные союзы пользуются правами юридических лиц, решение о проведении или прекращении забастовки не может быть принято без одобрения большинства членов данного профессионального союза. Решение о начале или об окончании забастовки везде, где забастовка допускается законом, принимается на основе закрытого голосования всех членов профессиональной организации, намеревающейся забастовать или возобновить работу.

Соответственно этому легальные организованные забастовки могут быть разного рода. Это может быть бессрочная боевая забастовка, продолжающаяся до тех пор, пока одна из борющихся сторон – трудящиеся или работодатель – не уступит требованиям другой. Это может быть ограниченная по времени предупредительная забастовка, цель которой со стороны трудящихся – продемонстрировать свою готовность к бескомпромиссной забастовочной борьбе и предупредить об этом работодателя.

В практике современных трудовых конфликтов в свободных странах применяются также частичные забастовки, парализующие лишь отдельные звенья предприятия. На такие забастовки, поскольку они нарушают работу предприятия в целом, предприниматель может ответить локаутом. Применяются и забастовки солидарности, когда присоединяющиеся к стачке рабочие и служащие ничего не требуют для себя, но своей забастовкой оказывают поддержку справедливому, по их мнению, требованиям основных забастовщиков. Нередко заба-

ставки сопровождаются оккупацией бастующими территории предприятия с целью недопущения к работе тех, кто не желает бастовать и кого называют "штрейкбрехерами".

В состав выдвигаемых бастующими требований, особенно в странах, где забастовки не предусмотрены или запрещены законом (а до октября этого года так было в нашей стране), включаются и требования политического характера, касающиеся в первую очередь вопросов организации и оплаты труда, но лежащие за пределами компетенции руководителя предприятия или отрасли, в которой проводится забастовка. Поскольку эти вопросы связаны с устройством и с политикой государства в целом, такого рода забастовки становятся мощным средством политической борьбы.

Происходит это чаще всего в условиях экономического или политического кризиса, когда бастующие своим отказом от работы вынуждают уже не предпринимателя, а государственную власть уступить и пойти на неугодные ей мероприятия.

Как и демонстрации и митинги, политические забастовки служат внепарламентским выражением воли народа, особенно действенным там, где люди лишены возможностей демократического проявления своих желаний и настроений. События последнего времени в европейских соцстранах - да и у нас дома - показывают это достаточно ярко. Тут уже не борьба труда и капитала, тут - демонстративное противостояние тиранической власти, тут - обращение к власти имущим с призывом опомниться и посчитаться с волей народа, который, как в октябре в ГДР, а в ноябре в Чехословакии, просто отказался от подчинения коммунистам.

Высшая, наиболее мощная форма забастовки - это всеобщая забастовка, останавливающая производственную жизнь целой страны. Всеобщие забастовки, даже если они вызваны экономическим недожеством, неизбежно приобретают политический характер, так как по самой своей природе направляются не против отдельных предприятий или ведомств, но против существующего строя в целом. Удовлетворение выдвигаемых в ходе всеобщей забастовки требований неизбежно влечет за собой изменения в самом устройстве общества, а проведение всеобщей забастовки предполагает организацию митингов и демонстраций и распространение листовок, разъясняющих населению ее задачи и цели, критикующих существующий порядок вещей и требующих определенных общегосударственных мер.

Помимо забастовок, организуемых профсоюзами, возможны и случаются на практике и так называемые "дикие", самовольные забастовки. Они начинаются иногда и против воли профсоюзов, которые, когда доходит до дела, тем не менее вынуждены обычно поддерживать их. С точки зрения государственного закона, эти самовольные забастовки совершенно так же правомерны, как и организованные профессиональными союзами, а инициативу их проведения может взять на себя любой совершеннолетний и полноправный гражданин.

Значение забастовок огромно, потому что уже самая их возможность заставляет работодателя - будь он частное лицо, акционерное общество или государство - прислушиваться к требованиям трудящихся и посылать им навстречу.

Забастовки в развитом демократическом обществе, под руководством профессиональных союзов или без них, остаются последним средством, гарантирующим сохранение социальной справедливости.

Демократическое общество без права трудящихся на забастовку просто немыслимо, причем это право отнюдь не привилегия профессиональных союзов, но право самих трудящихся путем прекращения работы добиваться от предпринимателя исполнения своих требований.

Забастовка – радикальное средство против самовласти хозяина, будь этот хозяин частный предприниматель, акционерное общество или государство, а недопущение забастовок в социалистических странах есть несомненное свидетельство несвободы и недемократичности социалистического строя.

Значение забастовок огромно и в социалистическом обществе, в котором профсоюзы лишь "приводные ремни от партии к массам", а забастовки "лишены смысла, так как средства производства принадлежат трудящимся". Поскольку в этом якобы бесклассовом обществе монопольным работодателем является государство, всякая забастовка, даже если она сознательно ограничивается экономическими требованиями, не избежно становится также актом политического протеста против установленных этим государством условий труда и правил социального поведения.

Неудивительно поэтому, что во главе забастовок в социалистических странах оказываются не профсоюзы, а стихийно складывающиеся стачечные комитеты, защищающие не столько экономические интересы рабочего класса, сколько общетрудовые и общенациональные политические требования. Так случилось с "Солидарностью" в Польше. Но на этом пути стоит и зарегистрированный наконец "Союз рабочих Кузбасса" и незарегистрированные, но бастующие стачечные комитеты Воркуты. Не насилие, а священное право протеста против несправедливой власти – повивальная бабка нового типа народной организации, надклассовой и надпартийной, сила которой в солидарности, способной отнюдь не только на забастовку.

Забастовки в СССР до июля 1989 года

Забастовки в нашей стране до самого последнего времени носили стихийный и узко локальный характер, ограничиваясь протестами против тех или иных конкретных явлений на том или ином конкретном объекте. В силу этого администрация во многих случаях могла удовлетворять требования забастовщиков.

Имеющийся отрывочный материал о такого рода забастовках нигде не собран (кроме органов госбезопасности, разумеется) и никак не систематизирован. Ограничимся поэтому лишь несколькими примерами.

- В 1979 году в Гомеле состоялась забастовка на заводе Гомсельмаш, на котором работало около 15.000 человек. Причина забастовки – снижение расценок. Рабочие направили свои требования в Минск, в ЦК КП Белоруссии. Забастовка окончилась после того, как по распоряжению представителя обкома рабочим выплатили деньги по прежним расценкам. Когда КГБ попытался найти зачинщиков забастовки, их не выдали. Бастовавшие сказали, что они все так решили.

- В начале 1980 года в Минске произошла забастовка на радио-заводе. Рабочие протестовали против снижения производственных расценок и добились их восстановления. Однако через неделю рас-

ценки снова были понижены, а трое или четверо из организаторов стачки — арестованы.

— В первой половине мая 1980 г. из-за нехватки продуктов произошла забастовка на Горьковском автозаводе. Было распространено около 2000 листовок с призывом бросить работу, которому последовало несколько тысяч человек. К работе приступили лишь после того, как было подвезено мясо и другие продукты. В течение следующих дней снабжение завода продуктами было улучшено. Четыре человека были арестованы.

— В начале июня 1981 г. на Станкозаводе в Киеве после снижения расценок отказалась работать смена одного из цехов (около двухсот человек). На следующий день приехавшая из Москвы комиссия стала вызывать рабочих поодиночке и угрожать репрессиями. Забастовка не увенчалась успехом: рабочие приступили к работе, не добившись исполнения своих требований.

— В Москве на пошивочной фабрике "Салют" на ул. Палеха в апреле 1982 года все работницы категорически отказались участвовать в ленинском субботнике. Приезжал представитель из райкома, но уговорить работниц так и не удалось. Им в конце концов ничего не сделали.

Аналогичных примеров можно было бы привести еще много, причем во все возрастающем числе. С перестройкой небольшие забастовки стали почти что обычным явлением. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть хотя бы "Экспресс-Хронику" за последние несколько месяцев. Вот неполный список отмеченных в ней забастовок, начиная с апреля 1989 года.

— Конфликт горняков Норильска с администрацией начался еще в январе. В конце марта шахтеры рудников "Октябрьский", "Комсомольский" и "Маяк" объявили, что начнут забастовку, если кандидатом в депутаты не будет зарегистрирован директор рудника "Заполярный" Николайчук, программу которого они поддерживают. Кроме того, шахтеры добиваются повышения зарплаты и улучшений условий труда.

29 марта забастовку начали шахтеры нескольких смен на руднике "Таймырский". 5 апреля бастовало уже более 1300 рабочих рудников "Октябрьский", "Таймырский", "Маяк" и "Комсомольский". 8 апреля, после того как была достигнута договоренность с прибывшей на место правительственной комиссией, горняки возобновили работу. Бастующие провели под землей четверо суток.

— 5 апреля в Одессе произошла четырехчасовая забастовка рабочих малярно-комплектного цеха завода сельхозмашиностроения им. Октябрьской революции с требованием улучшений условий труда и оплаты на вредном производстве. Дирекция обещала частично удовлетворить требования рабочих.

— 9 апреля в знак солидарности с грузинским народом бастовали чуть ли не все предприятия в Сухуми и железная дорога Сухуми — Гагра. Эта забастовка была кульминационным пунктом забастовки студентов, начатой 3 апреля в знак протеста против намерения отторгнуть Абхазию от Грузии и продолжавшейся до середины мая, когда был снят министр внутренних дел Грузии.

— В Красноярске 7 апреля объявили забастовку линотиписты типографии газеты "Красноярский рабочий", требуя повышения заработной платы.

- 12 апреля в Томске забастовка рабочих городского парка № 2 требованиями повышения зарплаты, предоставления рабочим жилья и увеличения мест в детских садах. В середине дня представителям горисполкома и Автотранса удалось убедить бастующих возобновить работу, пообещав удовлетворить их требования. Рабочие создали инициативную группу для дальнейших переговоров с начальством.

- В Ереване 27 апреля прошла забастовка на трикотажном объединении "Ануш". Бастующие требовали гласного расследования смерти 30-летней Ахавни Матевосян, отравившейся при работе с пражей из Сумгаита, и наказания виновных.

- 28 апреля прошли полные или частичные забастовки и митинги на ряде предприятий Риги. По сообщению ТВ, всего бастовало около 500 человек; по сообщению корреспондента "Экспресс-Хроники", около тысячи - на заводе "Коммунар", 13 - в порту, 70 - на заводе робототехники, одночасовые забастовки прошли на судомеханическом и 42-м ремонтном заводах, 8-часовая - в Рижском управлении вентиляционных и сантехнических работ; на заводе ВЭФ во избежание забастовки работа окончилась на два часа раньше.

- Степанакерт, 3 мая. Началась всеобщая забастовка с требованиями: устранение Комитета особого управления НКАО, восстановление областных органов власти, приезд Горбачева или Рыжкова в Нагорный Карабах для "конкретного решения вопроса о воссоединении с Арменией".

5 мая к забастовке присоединились предприятия Аскеранского, Мартунинского, Мардакертского и Гайрутского районов НКАО, а затем и некоторые колхозы и совхозы.

- В Ленинграде 15-17 мая прошла забастовка работников котельной одной из автобаз Красногвардейского района из-за несогласия кочегаров с графиком работы. Забастовка закончилась в результате взаимных уступок обеих сторон.

- В Ярославле 9 июня прошла предупредительная забастовка в цехе № 2 Шинного завода с требованием повысить зарплату в связи с повышением норм выработки.

- В середине июня в Нагорном Карабахе всеобщая забастовка продолжается.

- 20-21 июня в одном из цехов Нижне-Тагильского металлургического комбината в четырех сменах прошла одночасовая предупредительная забастовка, в которой участвовало около 800 человек.

Это началось 10 июля

Мы привели здесь выписку из заведомо неполных данных нашего неполного комплекта "Экспресс-хроники" за апрель - май - июнь 1989 года. Но и этой выписки достаточно, чтобы ясно увидеть перелом от сложившейся уже при Брежневе практики разрозненных локальных забастовок к мощному забастовочному движению, родившемуся 10 июля 1989 года в Кузнецком угольном бассейне. Моя статья в № 8 "Посева" так и озаглавлена: *"Это началось 10 июля"*.

"В понедельник утром 77 горняков шахты им. Шевякова после ночной смены, как всегда поднялись на-гора, но отказались пойти в ламповую и сдать аккумуляторы с шахтерскими светильниками.

Вскоре к ним присоединились 180 рабочих первой смены, отказавшись приступить к работе. Так началась забастовка горняков,

которую возглавили горные мастера 5-го участка коммунист В. Кокорин и его беспартийный коллега А. Ковалев. Затем локальный конфликт перерос в общегородскую шахтерскую забастовку".

Так начинается опубликованная 13 июля в газете "Правда" первая корреспонденция из Кемерово А. Богачука под заглавием "Пусто в забоях", за которой суждено было последовать целому ряду других. Ибо на другой же день к забастовщикам присоединились шахты Распадская, им. Ленина, Успенская, Томская, Усинская и другие предприятия и организации; конфликт сходу перерос общегородские масштабы, и в пятницу 14 июля шахтеры бастовали уже в девяти городах Кузбасса. Стачка шахтеров Междуреченска послужила сигналом к мощной волне забастовок. Между 11 и 21 июля в одном только Кузбассе бастовало около двухсот тысяч шахтеров. В течение всего лишь недели забастовочное движение перекинулось в Донбасс, Воркуту и Караганду.

Рабочий класс нашел наконец средство воздействия на свой самозванный авангард и стал сам создавать стачечные комитеты, не оглядываясь на партийные и профсоюзные организации. Хозяевам советской промышленности приходится отныне иметь дело уже не с отдельными вспышками недовольства рабочих, а с организованным стачечным движением, выставляющим давно наболевшие требования и возглавляемым собственными комитетами, независимыми ни от казенных профсоюзов, ни от партийных организаций на местах и налаживающими связь между собой.

Спасибо гласности. Поначалу из первой корреспонденции Богачука мы узнали только, что среди требований бастующих были "скажем прямо, совершенно бесспорные", как, например, требование "ежемесячно 800 г мыла и 1 полотенца за счет предприятия". Однако тут же оказалось, что дело не только в мыле и полотенце. В редакции газеты "Известия" во второй половине дня 14 июля было получено сообщение ТАСС о том, что "стаечный комитет Междуреченска дополнил выдвинутые раньше социально-экономические требования новыми и выдвинул политические лозунги", в том числе "немедленно вынести на всенародное обсуждение новую Конституцию СССР и принять ее не позднее 7 ноября 1990 года".

Отметим, что с самого начала забастовки стачечные комитеты сами стали заботиться об охране общественного порядка. Спецкор "Известий" А. Соловьев в корреспонденции от 14 июля отметил, что, "взяв в городе власть в свои руки, шахтеры поддерживают строгий порядок, не давая ничем себя спровоцировать". И дальше: "люди на площадях - а их десятки тысяч - не толпа. Порядок начинается с трибуны. Перед ней лежат, сидят и стоят шахтеры. Выступить с этой трибуны допускают не всякого". Так, по уже знакомой нам корреспонденции Богачука от 13 июля, "на митинге возле здания горкома партии бастующие потребовали отставки городского совета народных депутатов, не пожелали дать микрофон тому же секретарю горкома С. Щербакову".

Цепная реакция

Не будем спрашивать, почему именно забастовка 257 горняков междуреченской шахты им. Шевякова в Кузбассе 10 июля 1989 года

оказалась начальным звеном цепной реакции, о размахе которой можно судить по сводке (возможно, еще не полной), опубликованной в "Русской мысли" в Париже уже 28 июля по данным "Экспресс-хроники" от 23 июля и депеш "Ежедневной гласности" от 19-26 июля. Ограничимся лишь важнейшими элементами из нее.

Донецкий бассейн

К 20 июля в Донбассе бастовало около ста шахт, многотысячные митинги проходили в ряде шахтерских городов.

В Донецке шахтеры обсуждали необходимость создания независимой организации, которая охватила бы все угольные шахты страны и защищала бы интересы горняков...

В Макеевке бастовали все 30 шахт, на каждой работает по 5000 человек.

В Павлограде, Первомайске, Терновке (Днепропетровская обл.) 19 июля началась забастовка шахтеров объединения "Павлоградуголь" (все 11 шахт). Выдвинуты 42 требования как социально-экономические, так и политические...

Кроме шахт, к забастовке присоединилось шахтостроительное управление. Забастовка вначале была объявлена на 24 часа, но 20 июля вечером шахтеры решили продолжать ее, пока не получат ответа на свои требования из Москвы... 25 июля в Павлограде продолжало бастовать 8 шахт.

Львовская область

20 июля в Червонограде началась забастовка на шахтах № 3, 4, 6. Кроме социально-экономических требований, подобных требованиям кузбасских и донецких горняков, выдвинуты также требования политического характера, в их числе - провести досрочные демократические выборы в местные советы... создать независимый профсоюз "Солидарность".

Затем забастовка распространилась на все 12 шахт Червонограда. В городе работали 12 шахтных забастовочных комитетов, по три представителя от каждого входило в городской комитет.

Волинская область

Из Новолинска 22 июля пришло сообщение, что и тут началась шахтерская забастовка. Из 8 шахт бастуют 4. Выдвигают социально-экономические требования.

Печорский бассейн (Воркута)

17 июля объявили забастовку рабочие шахты "Халмер-Ю". 19 июля к ним присоединились шахты "Воргашорская" и "Комсомольская". К 21 июля в забастовку включились 11 или 12 шахт. Избран межшахтный стачечный комитет. Выдвинутые им требования начинаются с политических:

- отмена выборов народных депутатов от общественных организаций;
- прямые выборы председателя президиума ВС СССР, председателей местных советов, начальников городских, районных отделов МВД;

- отмена статьи 6 Конституции СССР;
- отмена практики лишения слова депутатов на съезде.

В Инте 22 июля в 17 часов состоялся митинг... По инициативе забастовочного комитета принято решение присоединиться к забастовке. В городе 6 шахт, 20.000 шахтеров. Забастовку решено начать с полночи 23 июля.

25 июля бастующие шахтеры Воркуты блокировали редакцию газеты "Заполярье", требуя уничтожить тираж, в котором сообщалось, что они закончили забастовку.

Карагандинский бассейн

20 июля начали забастовку 16 шахт Караганды и Карагандинской области...

Значение забастовок

Значение июльских забастовок хорошо понято в стране. Высказывания членов Межрегиональной группы народных депутатов Ельцина и Козырева приведены в специальном выпуске "Посева" 1989 г., а оценку А. Д. Сахарова, данную в интервью газете "Социалистическая индустрия" (10. 10. 1989), мы позволим себе процитировать здесь:

"...прошедшие недавно забастовки носили не экономический характер в традиционном понимании слова. Это был конфликт между трудящимися и административно-хозяйственной системой в целом. То есть, хотя ряд требований шахтеров имел экономический характер, но в целом это были реальные политические забастовки. Придется признать, что политические забастовки неизбежны в эпоху перестройки. Перестройка это революционный процесс, а забастовки - его реальность. С учетом этого и должно строиться все законодательство... Да, забастовка возникает, когда нет реального диалога власти и народа. К сожалению, мы пока находимся в этой ситуации".

Дальновидных и верных оценок можно привести еще сколько угодно. Но сказанного достаточно. Подчеркнем только напоследок еще раз политический характер больших забастовок, как он выражен в следующем документе, вышедшем в ноябре 1989 года:

"Рабочим-шахтерам шахты "Воргашорская" Сессии Верховного Совета СССР

Трудящиеся предприятий юга Кузбасса - городов Новокузнецка, Междуреченска, Осинникова, Прокопьевска выражают свою солидарность бастующим шахтерам г. Воркуты и Печорского бассейна и выражают свою поддержку девяти пунктов политических требований:

1. Убрать 6-ю статью Конституции СССР.
2. Назначить прямые выборы на пост председателя ВС, председателя КГБ, прокуратуры, судов.
3. Предоставить слово депутатам от бастующих регионов.
4. Отменить выборы от общественных организаций.

5. Поэтапный переход к двухпалатной системе Верховного Совета с ограничением сроков их действия.

6. Не совмещать должности генерального секретаря и председателя ВС в одном лице.

7. Утвердить статус рабочих комитетов как постоянно действующей организации.

8. Не препятствовать созданию свободных профсоюзов.

9. Иметь свою газету."

Разумеется, документ солидарности, посланный из Кузбасса в Воркуту, имеет в первую очередь символическое, итоговое значение. Это согласие с выводом, сделанным Воркутинским городским рабочим стачечным комитетом 22 октября после трех месяцев упорной борьбы за выполнение хотя бы части обещаний, щедро розданных властью шахтерам: "Практика экономических забастовок показывает, что без решительного слома действующей тоталитарно-бюрократической системы выдвижение экономических требований бессмысленно". Нужно ли в доказательство оповещать, что в Кузбассе после забастовки и в самом деле выделили по 50 граммов чая на человека, а по разовым талонам – по две банки сгущенки и по 270 граммов мясных консервов, не говоря о консервах с щупальцами кальмаров цвета черной ночи?

Забастовка – политическое оружие в условиях социализма

Забастовка – сильнейшее политическое оружие. Это бесспорно. Именно в забастовке в полном объеме встает вопрос о подчинении или неподчинении власти, роковой вопрос революции. Псевдореволюционной горбачевской перестройкой на прежнем фундаменте этот вопрос не обойдешь. Предельно ясно, что решающей – коли уж дело дошло до политики – является всеобщая забастовка, забастовка, направленная уже не против хозяев предприятия, а против хозяев страны, требующая пересмотра не данного трудового договора, а пересмотра социальных отношений, в которых заключаются договоры.

(Так, в Польше 24 августа 1980 года, перед лицом захватившего всю страну забастовочного движения, на пленуме ЦК ПОРП было смещено руководство партии и правительства, и рожденная из союза рабочих и оппозиционной интеллигенции "Солидарность" превратилась в неотменимую политическую силу (подробно см. об этом в нашей брошюре "Солидарность", изд. "Посев", 1980-1982 гг.). А в 1989 году отказ от применения этой силы (то есть от поддержки забастовочного движения) и согласие лидеров "Солидарности" на коалицию с коммунистами позволили ПОРП сохранить за собой ключевые позиции в управлении страной.

Так, в Чехословакии, уже после отказа КПЧ от "руководящей роли партии", под реальной угрозой назначенной на 11 ноября 1989 г. всеобщей предупредительной забастовки Л. Адамец отказался от сформированного им коалиционного правительства с перевесом коммунистов и уступил выставленным уже 3 декабря требованиям "Гражданского форума".)

Было бы безответственно по имеющимся у нас заведомо неполным сведениям пытаться изложить историю взаимоотношений между родившимися в июле стачечными комитетами и структурами партийной власти на местах и в центре. Не будем оценивать и подписанный Горбачевым 9 октября закон "О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)". Закон этот уже неудержимо нарушается. - например, на шахте "Воргашорская" - и может служить руководством разве что для деятельности казенных профсоюзов. Воспользуемся вместо этого наблюдениями и размышлениями хорошо известного экономиста и публициста В. И. Селюкина, которыми он, разумно оценив все "за" и "против", поделился с интервьюером радиостанции "Свобода" Владимиром Тольцем. Вот отрывки из этого интервью:

"- Василий Илларионович, вы недавно вернулись из глубинки, из Кузбасса, и я попрошу вас сейчас поделиться путевыми впечатлениями и мыслями, которые вызвала эта поездка.

- Я попробую. Я был там две недели, по преимуществу в Ново-кузнецке - это самый большой город Кузбасса. Вы знаете, я оттуда прилетел буквально окрыленный. Создается какая-то организация, которая может стать такой альтернативной силой, альтернативной структурой, и если мы такую структуру получим где-то к весне-лету, то она могла бы, может быть, взять в свои руки руководство страной. Не представляю, чтобы теперешняя партийная структура владела положением в стране долго. Тогда понадобится такая структура, которой народ еще может верить.

Ничего нам хорошего в ближайшие годы не предстоит. Поэтому, по моему разумению, понадобится правительство национального доверия. Это правительство сказало бы так: "Да, мы не можем предложить ничего, кроме роста цен и понижения уровня жизни, но другого выхода все равно нет. Вот такая-то и такая-то наша программа, и с этими неприятностями придется мириться в течение двух-трех лет".

Если так, как теперь - нынешнее правительство в сущности ведь объявляет то же самое, 15 месяцев просит, но не получит оно никаких пятнадцати месяцев - никто не поверит. А если бы удалось быстро создать такую альтернативную структуру, то им мандат доверия еще могли бы дать. Почему я вижу именно зарождение этой альтернативной структуры в Кузбассе? Прежде всего рабочие комитеты (это бывшие забастовочные комитеты) - сегодня это реальная власть в Кузбассе, и власть более крепкая, более авторитетная, чем, допустим, партийная власть, советская власть. Люди идут со своими нуждами и делами, идут в рабочие комитеты - и там, так или иначе, эти дела решают. Прекрасно организована охрана порядка с участием рабочих. Во время забастовки не было никаких эксцессов, не было пьянства... Это - рабочие комитеты, бывшие забастовочные. Сейчас по закону о забастовках рабочие комитета распускаются, но никто их там не собирается распускать.

Министр угольной промышленности 16 октября издал приказ с запретом выплачивать заработную плату членам этих комитетов. Это вызвало буквально взрыв. Во-первых, министру не должно быть до этого дела, раз рабочие постановили платить этим людям из фонда оплаты труда. Во-вторых, ясно, что это нацелено на то, чтобы ликвидировать рабочее движение. В ответ на это областной Совет

рабочих комитетов потребовал отставки Щадова, они это требование провели в Верховный Совет. Не знаю, чем там дело кончится, но пока позиции сторон непримиримы – "пусть уходит в отставку".

Эти рабочие комитеты теперь ускользают из-под действия закона о забастовках, потому что создается Союз рабочих Кузбасса, это общественно-политическая организация. Это уже не рабочие комитеты, бывшие забастовочные, а организация, которая зарегистрирована и не подлежит действию этого закона. Как раз при мне 14 октября прошла организационная конференция будущего Союза рабочих Кузбасса.

Вот передо мною проект устава; программы еще нет, но проект устава есть, и в нем уже содержатся некоторые программные положения. Например, о том, что надо способствовать созданию правового государства, навсегда исключающего диктатуру как отдельной личности, так и какой-либо организации; ясно, что это не уставные, а программные требования, и ясно, о какой организации идет речь. Нужно исключить позорную статью 6-ую "о руководящей роли партии". Дальше такой, например, пункт – "Содержание внедрения многообразных форм собственности". Это типично программное требование, и ясно направление мысли...

...Больше всего вдохновила меня тяга к союзу здравомыслящей интеллигенции. Это ведь то, что произошло в Польше. С чего там началось? Забастовка в Гданьске на судовой верфи. Кто знал тогда Леха Валенсу? В очередной раз постреляли бы в рабочих, как то уж там было, поставили бы им памятник. Интеллигенция сама по себе тоже ничего б не сделала; поворчали бы, листочки какие-то там, самиздат. И на том бы дело кончилось. Но когда польские рабочие объединились со здравомыслящей интеллигенцией, они создали в течение ведь буквально двух-трех месяцев структуру, которая охватила всю Польшу. Это знаменитая «Солидарность»...

Отметим: внимание Селюнина сосредоточено прежде всего на том, что возникает в результате забастовки в условиях монопольного социалистического хозяйства, на рождении организации, противостоящей коммунистической монополии. Время покажет, прав или неправ был Валенса, согласившись сесть за круглый стол и поискать пути сосуществования и сотрудничества с коммунистами. Но что "Солидарность" с самых первых ее шагов оказалась вовсе не профессиональным объединением, а политической организацией нового типа, "альтернативной структурой", способной при определенных условиях принять бремя государственной власти, видит не один Селюнин. И, конечно, он прав, говоря, что "Союз рабочих Кузбасса" это общественно-политическая организация. Это уже не рабочие комитеты, бывшие забастовочные..."

Добавим: это организация, родившаяся из забастовочного протеста против очевидной несправедливости, а создавшие ее люди с правом сохраняют за собой возможность и впредь пользоваться забастовкой как средством нажима на тех, кто продолжает совершать несправедливость.

А вопрос организационного использования забастовок, как и других форм гражданского неповиновения и протеста, – это уже другая тема, к которой автор надеется еще вернуться.

Диалектика реформ

Гавриил ПОПОВ

Выступление главного редактора журнала "Вопросы экономики", сопредседателя Межрегиональной депутатской группы народных депутатов Г. Х. Попова состоялось на заседании Межрегиональной депутатской группы 24 сентября 1989 г. Мы перепечатаем его из издания МДГ "Позиция" № 2. В прошлом, специальном выпуске "Посева" мы уже указывали, что руководство КПСС отказалось финансировать издание постоянной газеты "Народный депутат" и наложило арест на банковский счет МДГ. Это продолжается и два месяца спустя. "Позиция" — неофициальное издание, со всеми вытекающими отсюда трудностями в финансировании, тиражировании и распространении. "Позиция" до некоторой степени собрат "Посева": продается полуподпольно, а зачастую и в буквальном смысле подпольно — в подземных московских переходах. Ну, а в остальных городах и селах необъятной России? Убедительный пример выборочной и дозированной гласности.

Причиной тому видится не только радикальность предложений представителей МДГ. Не менее радикальны высказывания ряда ведущих экономистов и на страницах официальной прессы. Сошлемся, к примеру, на опубликованные в последние месяцы интервью академиков С. Шаталина и П. Бунича "Огоньку", статью О. Лациса в "Московских новостях" (№ 48), а особенно на предельно откровенную и глубоко аргументированную статью Василия Селюнина в "Новом мире" (№ 10, 1989). Дело тут, видимо, в другом. Власть боится и не желает консолидации общественного мнения вокруг печатного органа фактически оформившейся оппозиции.

★

Ситуация, сложившаяся в стране, вынуждает нас предлагать программу чрезвычайных мер. Мы выступаем за конкурентный рынок. Но придти к нему сможем, видимо, лишь если будет введена

1. Карточная система

Конечно, никто в стране не верит, что наша страна производит 64 кг мяса на душу населения. Нет и 50 кг. Но все же 24 кг есть, и, следовательно, по крайней мере 2 кг мы можем продавать по твердым ценам по карточкам каждому советскому человеку. Он должен иметь гарантию, что хотя бы один тюбик зубной пасты у него обязательно будет и причем по госцене, по карточкам.

Все, что произведут предприятия и сельскохозяйственные производители сверх этого минимума, должно пойти на свободный рынок по договорным ценам. В этом случае возникнет стимул для увеличения производства, для выхода из ситуации тотального дефицита.

Напротив, если мы просто введем карточную систему и не введем рынок и право продавать все, что произведем, то тем самым просто оказываемся в тупике, без каких-либо перспектив.

Этот механизм особенно результативен при условии, что

2. Земля отдана крестьянам

Мы призываем вернуть землю трудящимся. Мы хотим, чтобы ее распределение между различными формами землепользования произошло в ходе конкуренции, т. е. претенденты работали бы в равных условиях и тот, кто сработает лучше, тому земля и достанется. Это был бы правильный, экономический механизм передачи земли новым хозяевам.

Но для этого

3. Необходимо: использовать административные меры

Подобно тому, как в свое время административно раздавили крестьянство и создавали совхозы и колхозы, так и сейчас должны административно оградить нарождающееся крестьянское хозяйство. Без этого сдвига не будет.

Земля должна достаться крестьянам бесплатно. Говорят, на продаже земли можно заработать, поправить финансы. Теоретически, когда-нибудь в перспективе, да! Но сейчас нет у людей денег, чтобы купить землю. Можно брать плату за землю под дачные участки, под участки для строительства жилья. Но землю тем, кто хочет на ней производить сельскохозяйственную продукцию, надо сегодня отдавать даром.

На мой взгляд, нужно также принять важное принципиальное решение – прекратить полностью государственную помощь совхозам и колхозам. Это, кстати, позволит ликвидировать дефицит госбюджета. Если же кому-то и оказывать помощь – то крестьянским семейным хозяйствам.

Нам надо полностью отказать в праве вмешиваться в вопросы землепользования местным Советам. Сейчас это полностью подконтрольные руководству колхозов и совхозов организации.

Нам говорят, что мы должны считаться с теми трудовыми коллективами, которые там сейчас есть. Я не раз бывал в этих коллективах и глубоко убежден, что многие из них работать на земле не хотят в любых формах и не умеют. Не нужно открывать Америк. Надо сделать то, что сделал незабвенный Столыпин. Надо ввести систему отрубов и хуторов. Надо ломать феодальную общину, которую ломал Столыпин. Она у нас сохранилась только в форме колхозов и совхозов. Короче, нужно реализовать программу форсированного становления крестьянского хозяйства.

Нам надо также решить:

4. Вопрос о займах

которые мы могли бы взять у капиталистических государств. Но при каких условиях? Сейчас наблюдается мощное давление местных органов на правительствo, все требуют взять займы. Для чего? Чтобы закупить потребительские товары (не производственные!) – зубную пасту, чтобы избиратель мог бы чаще чистить зубы; лезвия-

чтобы побрить избирателя; мыло – чтобы его помыть и, наконец, повести его к избирательным урнам, чтобы он проголосовал за этих "добрых дядей" еще на 5 лет!

Есть только один разумный подход в этом вопросе – предоставить займы тем формам хозяйства, которые доказали свою эффективность.

5. Конвертируемый рубль

Этот вопрос предельно запутан нашими правительствами, его финансовыми органами. Они всячески изображают, что проблема совершенно неразрешима. Поверить в это очень трудно. В 1921-22 гг. в совершенно нищей стране, где наблюдались невероятные темпы инфляции, удалось в течение одного года выйти на золотой червонец и наладить настоящую хозяйственную рыночную систему.

Почему в современных условиях мы не можем повторить этот опыт? Дело в том, что рубль у нас вообще-то конвертируемый, но только для правительства. Конвертируемые миллиарды валюты – это важнейший резерв нынешней административно-командной системы. С его помощью она себя спасает последние 20 лет, закупая хлеб и затыкая им прорехи и дыры. Вырвать эту конвертируемую валюту из рук административно-командной системы – значит поставить ее в принципиально иную ситуацию.

Будет конвертируемый рубль – исчезнет нажим покупателей на магазины. Какой смысл хранить дома излишние вещи, если можно хранить нормальные деньги, на которые можно в любой момент эти вещи купить? Сбережения дают доход в виде процентов, а вещи только портятся.

Возвращусь к тому же 1922 году. Вначале сделан был продналог. Каждый крестьянин получал разнарядку (хлеба столько-то сдать, мяса – столько-то и т. д.). Как только появился золотой конвертируемый червонец, – продналог стал не нужен. Крестьянин платил конвертируемой валютой, а государство закупало хлеб на рынке. Перейти к конвертируемой валюте – значит отказаться от госзаказа, от Госснаба и всех наших гигантских административных систем. Разбить путы на наших ногах.

Мы вводим сейчас отчисления от доходов предприятий местным органам власти. Но что они с этими рублями-бумажками будут делать? Опять ходить по заводам и вымалывать на них кирпич, асфальт, машины и т. д.? Если же эти отчисления они получают в конвертируемой валюте – совсем другое дело.

Конвертируемость рубля волнует все республики. Кому требуется национальная валюта, если рубль будет конвертируемым?

И наконец, конвертируемый рубль – фундамент свободы гражданина. Сколько бы мы ни провозглашали человека свободным, как бы мы ни гарантировали его право выезжать за границу, пока его накопления не будут представлены в этой мобильной форме – настоящей свободы не будет.

Таким образом, мы обязаны потребовать от министра финансов программу скорейшего обеспечения конвертируемости рубля. Хочу подчеркнуть, что эта задача относительно проста. Если будем иметь свободного крестьянина, то, по крайней мере, 8-10 млрд. инвалютных рублей сразу сэкономят на импорте продовольствия. Если мы прекратим помощь другим государствам, получим еще сум-

мы. Эта задача разрешима. Народ живет тяжело. Поэтому совершенно очевидно, что нам необходимо разработать

6. Программу жесточайшей государственной экономии

Такой программы я в наметках плана и не увидел. Надо идти на все. Полностью закрыть все отрасли капитального строительства, если они не выпускают что-то, что можно продать за живые деньги. Лучше уж человеку платить 200–300 рублей в виде пособия по безработице, чем выплачивать ему 300 рублей зарплаты, да еще 1000 рублей материальных ресурсов растрачивать на то, от чего неизвестно когда будет отдача.

На этом я заканчиваю краткий перечень чрезвычайных экономических мер, которые нам необходимо провести в жизнь, и перехожу к вопросу, касающемуся нашего

7. Национального и государственного устройства

И здесь мы оказываемся перед противоречием. Мы ставим своей целью самоопределение народов, но если попытаемся это практически реализовать – кончим межнациональной резней. Мы ставим задачей обеспечить на практике право выхода республик из Советского Союза в любой момент по первому требованию народа. Но немедленная реализация этого права приведет к гибели перестройки в России, на Украине и, в целом, в Советском Союзе. Поэтому, мне кажется, что здесь нам надо на уровне декларации провозгласить все, что мы считаем правильным, т. е. право самоопределения вплоть до права республики в любой момент выйти из состава Союза. И в то же время призвать здоровые демократические силы всех народов снять с повестки дня вопрос о выходе из Советского Союза, по крайней мере на 2–3 года, пока мы сообща не разберемся со своими общими проблемами. А дальше – каждый народ волен решать этот вопрос по своему усмотрению.

Крайне важны также

8. Политические условия и политика преобразований

Здесь налицо следующее противоречие: чтобы добиться реальных преобразований, надо ввести самую широкую демократию. Перестройка может победить, если на улицу выйдет народ. Но в то же время мы понимаем: когда на улицу выходят люди, не связанные новыми экономическими отношениями, то действуют они часто не в пользу перестройки. Если на улицу выходит семейный крестьянский хозяин, который думает о своем хозяйстве, о своих детях, он знает, кого выбирать и как действовать. А если на улицу выходит человек, ничем не связанный, являющийся продуктом разложения старой системы, он способен лишь выдвигать анархические требования. И здесь нам опять приходится искать компромиссные пути. В этой же связи стоит вопрос об

9. Усилении исполнительной власти

Демократическое правовое государство предполагает три сильные власти: сильную законодательную власть, сильную исполнительную

власть и сильную судебную власть. Что касается законодательной власти – мы этот блок правовой системы создаем. Одновременно мы ощущаем полную беспомощность и развал исполнительной власти. Но если исполнительная власть сильной не будет, то кто будет исполнять все наши законы?

У меня на полке стоят 10 томов декретов Советской власти, принятые за 1917 и 1918 гг. Я их читаю с огромным удовольствием. Это блестящие литературные произведения. Но это не инструменты действия. Мне кажется, надо внимательно присмотреться к опыту США, к их демократии. Там действительно полномочные Конгресс, Сенат. Но там есть и выбранный всем народом Президент. Есть выбранный всем населением штата губернатор. Выбранные всеми жителями городов мэры. Я думаю, что нам нужно уже сейчас, на этих выборах, не откладывая, избрать Президентов республик, губернаторов наших территорий, мэров наших городов. Тогда мы будем иметь нормальное демократическое сочетание: выбранный местный Совет и выбранного руководителя исполнительной власти, который в состоянии будет вести дела. Это мой ответ на многочисленные нелепые предложения о введении в нашей стране режима "железной руки". Эти предложения в основном исходят от растерявшихся интеллигентов или перепуганных обывателей. Нам это совершенно не подходит. Выборная законодательная власть и выборная исполнительная власть – вот тот нормальный, правильный путь, по которому нам надо идти.

Наша ретроспектива

Публикуемые ниже "Кардинальные проблемы народного хозяйства" – часть "Открытого письма", составленного Социально-экономической комиссией Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Оно было адресовано "всем работникам народного хозяйства СССР: теоретикам, от студентов до заслуженных профессоров и академиков; практикам, от рабочих и крестьян до руководителей предприятий и объединений". Этот документ опубликован в "Посеве" № 1 за 1988 год, то есть 22 года назад. Предоставляем читателю сравнить его содержание с нынешними открытиями ведущих экономистов страны, с призывами известных "прорабов перестройки", включая самого Горбачева. И задуматься над вопросом: что бы было, если бы "развитие трех независимых и равноправных секторов народного хозяйства" началось – как предлагал НТС – хотя бы на 22 года раньше? Однако организация, которая задолго до горбачевской "революционной перестройки" фактически провозглашала ее, перестройки, социально-экономические лозунги и политические альтернативы, и по сей день остается враждебной верхушке КПСС. Членов этой организации в стране преследуют, а ее издания не имеют свободного доступа к российскому читателю. Не является ли это характерным примером неискренности партийной номенклатуры в ее отношении к экономической и политической перестройке?

Кардинальные проблемы народного хозяйства

Границы и пределы государственной компетентности в области экономики

Система, при которой государство (в лице своих центральных и местных, периферийных органов и отдельных учреждений) является монопольным владельцем всей национальной экономики, приводит к бюрократизации, расточительству, низкой эффективности труда и производства, пренебрежению интересами человека – и как производителя, и как потребителя жизненно необходимых благ. То, что за государственным аппаратом скрывается партийный аппарат, по существу ничего не меняет, а только усугубляет эти отрицательные явления, создавая добавочные паразитические звенья и усиливая безответственность и бесхозяйственность.

Кардинальным решением является развитие трех независимых и равноправных секторов народного хозяйства: государственного, общественного и частного. Последний может быть в форме как индивидуального, так и разных видов группового предпринимательства.

Это принципиальное решение требует конкретизации. Следует выявить наиболее оптимальное, – с точки зрения как эффективности, так и удовлетворения насущных потребностей населения, – распределение различных отраслей народного хозяйства по секторам. Надо решить вопрос о смешанных формах предприятий, выработать правовые нормы деятельности во всех трех секторах, базирующихся на принципах ответственного предпринимательства, функциональной (ответственной) собственности и договорных отношений.

Суррогаты частного сектора, которые в настоящее время допускаются в виде микроскопических приусадебных участков или бесправных трудовых артелей, ни в какой степени не могут удовлетворить потребности страны и обеспечить нормализацию ее народного хозяйства.

Восстановление нормальных рыночных отношений и ограничение планирующих функций государства

Естественно, что переход к трехсекторному народному хозяйству должен сопровождаться переходом от системы распределения к системе рыночных отношений. Это ставит ряд существенных задач.

Прежде всего – исследование процесса ценообразования в рыночных условиях, решение проблемы регулирующего и направляющего воздействия на конъюнктуру путем создания государственных резервов, системы минимальных и максимальных цен, налоговых льгот, распределения государственных заказов и закупок.

Социально-экономические и социально-политические проблемы, связанные с перестройкой народного хозяйства

Восстановление независимости профессиональных и трудовых союзов как общественных организаций, защищающих права трудящихся и представляющих их интересы перед руководством предприятий, в том числе и государственных.

Обеспечение возможности создания профсоюзов, базирующихся на различных принципах.

Заработная плата и рост уровня благосостояния с учетом необходимости равновесия между противоположными требованиями: кратковременного максимума и длительного роста. Проблемы полной занятости и повышения квалификации.

Социальное страхование и социальное обеспечение в новых условиях; роль государства, профессиональных союзов и личного участия трудящихся в этом деле.

Государственный бюджет и налоговая система

Главная проблема – увязывание приходной и расходной частей бюджета не только между собой, но и с национальным доходом. В связи с этим отказ от монополистической сверхприбыли, являющейся (под видом теперешнего "налога с оборота") основной статьей в приходной части бюджета. Введение открытого прямого и косвенного налогового обложения, что даст возможность гражданам ориентироваться в общегосударственных расходах.

Влияние систем налогового обложения на конъюнктуру народного хозяйства, на структуру цен, на процессы концентрации и рационализации и на размещение отдельных отраслей народного хозяйства.

Центральный Эмиссионный банк и пределы его автономии во взаимоотношениях его с финансовыми органами государства. Создание специальных банков, обществ взаимного кредита, местных сберегательных касс.

Природные ресурсы

Охрана природных ресурсов как от государственного, так и от индивидуального хищничества. Роль экономических и правовых факторов в этой охране. Участие общественности и воспитательные меры, исходя из принципиального подхода к проблеме природы и ее ресурсов.

Обязательства по отношению к будущим поколениям.

Определение права на владение частью ресурсов (например, земель) или на пользование ими (например, охота, рыбная ловля). Проблема эксплуатации лесов и их восстановления.

Внешняя торговля

Постепенный переход от государственной монополии к системе лицензирования и затем к свободному внешнеторговому обмену. Проблема равновесия внешнеторгового баланса и устойчивой валюты, обменный паритет. Влияние так называемого невидимого экспорта и импорта (туристика, лицензии и патенты, непосредственный трансферт денег). Отделение вопросов валютных от вопросов политических: свободный выезд и визы (паспорта) при любых формах валютного обеспечения. Система таможенных тарифов и соглашений и их влияние на размеры внешней торговли. Беспешный обмен – личные посылки, литература и т. п.

Научно-исследовательская работа

Правильный принцип распределения исследовательских научных учреждений между тремя секторами. Органическое сочетание конкуренции и координации. Доля народного дохода, идущая на научные исследования. Организация международного и внутреннего обмена информацией. Снятие тормозов в практическом использовании результатов. Разработка новых основ патентного права и защиты авторских интересов.

Государство и партия

Отделение партии от государственной администрации и партийных расходов всех видов (содержание освобожденного партаппарата, сверху донизу, содержание пропагандных институтов и издательств) от госбюджета и баланса предприятий.

* * *

На этом мы заканчиваем изложение проблем, связанных с перестройкой экономики страны. Отмечая неполноту этого изложения, мы обращаемся ко всем лицам и организациям, заинтересованным в *нахождении путей наиболее легкой и эффективной перестройки экономики* (курсив наш. – Ред.), с предложением включиться в разработку как намеченных здесь проблем, так и тех, которые будут дополнительно подняты и выявлены.

Очень важно популяризовать эти проблемы в широкой общественности и, в частности, на предстоящем экономическом совещании. Однако не менее важно вести систематический обмен мнениями и опытом, ставить на свободную и открытую дискуссию спорные или сложные вопросы. Это, несомненно, поможет в будущем более быстро и менее болезненно решить практические задачи переходного периода и перестроить экономику на новых началах.

*Социально-экономическая комиссия
Совета Народно-Трудового Союза
(российских солидаристов)*

Иван Васильевич не меняет профессии

Ниже мы публикуем весьма интересный документ: доклад и ответы на вопросы присутствовавших начальника УКГБ по Иркутской области полковника Ивана Васильевича Федосеева. Стенограмма вечера передана нам для публикации иркутским журналистом (он разрешил указать фамилию, но по "инерции" мы от этого воздерживаемся). Печатается с сокращениями.

Как видно из ответов начальника Иркутского УКГБ, следовать совету экранизаторов классика (фильм "Иван Васильевич меняет профессию", по Булгакову) он явно не собирается. Наоборот, диапазон интересов КГБ увеличивается. В то же время нельзя не отметить, что тон руководителей ГБ изменился – как в Москве, так и в провинции. Отрадно также, что изменилось и поведение людей: даже в глубокой провинции они стали гораздо смелей и напористей. Особенно это заметно по коротким выступлениям участников вечера. Большой объем стенограммы не позволил нам опубликовать эти выступления, возможно, мы напечатаем их в следующем номере журнала.

С чего бы я хотел начать свой разговор в этой аудитории? Прежде всего с того, как воспринимаю я (иногда я говорю больше от своего имени, потому что не все, о чем я буду говорить, это позиция Комитета государственной безопасности, а когда речь пойдет о каких-то официальных позициях, тогда я буду это каким-то образом подчеркивать) сегодняшний день страны и те социальные процессы, которые происходят. На фоне этих процессов, на фоне того, что мы имеем сегодня в результате четырех лет перестройки в стране, как мы понимаем и роль органов государственной безопасности, и их место, задачи и практику, которой, по существу, мы занимаемся?

Складывается впечатление, что те социальные процессы, которые происходят в стране, приобретают характер не просто острый, а порой и драматический. И естественно, те цели, те надежды, с которыми мы входили в новый период истории в апреле 1985 года, наверное, сводились не к тому, что мы сегодня получили. И в этой связи, я думаю, что хотя мы находимся в российской глубинке, может быть, нас все это еще так и не задело, но не чувствовать ту боль, которая коснулась жизни многих наших сограждан в других регионах страны, наверное, и мы, сибиряки, не можем. Сейчас нет у нас в стране гражданской войны, и тем не менее в этих мирных условиях у нас сотни тысяч беженцев, людей, лишенных крова и дома, людей, не знающих, как в конечном счете сложится их жизнь. И в этой связи не только сотни тысяч беженцев, но и сотни погибших. Межнациональные конфликты зашли в такую стадию, что и сегодня, хотя,

как вы знаете, сегодня и вчера, вернее, вчера и позавчера работал пленум ЦК партии, в области внимания которого были эти вопросы, в любом случае выход из этого сложнейшего состояния тоже легким и простым не предусматривается.

И вот в этой связи мне бы и хотелось с вами посоветоваться в какой-то мере о том, какую роль, на ваш взгляд, должны играть органы государственной безопасности с учетом тех обстоятельств, которые я назвал. Я знаю позицию некоторых ваших товарищей о том, что деятельность органов государственной безопасности должна быть регламентирована такими границами – разведка и контрразведка. Ничего не имею против ни разведки, ни контрразведки. Но вы помните сессию Верховного Совета страны, когда на Комитет государственной безопасности, в частности на его председателя, сыпался град вопросов, почему допустили события в Фергане, почему есть жертвы в Азербайджане, Грузии и других регионах. И в принципе эти обвинения, видимо, справедливы. Поскольку реальна угроза социалистическому обществу, в частности, и в нашей стране тоже. И в этой связи, наверное, правы были те народные депутаты, которые ответственность за эти события с органов госбезопасности не снимают. И наверное, прежде всего этими обстоятельствами и продиктовано последнее решение правительства о том, чтобы создать в органах госбезопасности управление по защите советского конституционного строя. И такое управление создано, и созданы соответствующие органы на местах. В свое время были в системе подразделения, которые занимались организацией борьбы с идеологической диверсией, направленной на советское общество. Эти подразделения распущены, и в какой-то мере на базе этих подразделений созданы новые, которые в своем названии четко сориентированы на защиту советского конституционного строя.

Возникает вопрос: органы госбезопасности, кроме разведки и контрразведки, будут заниматься вопросами внутривнутриполитическими. Каковы эти вопросы, каков их спектр? Прежде всего, задачи, которые ставятся перед вновь сформированными подразделениями, предостереж такое развитие процесса, когда западные антисоветские центры, спецслужбы противника могут блокироваться с антисоциалистическими силами внутри страны для того, чтобы их использовать для подавления социалистического развития нашего общества. То, что эта задача не надумана, я могу проиллюстрировать таким фактом. В ноябре 1988 года в Гонолулу на Гавайских островах состоялась конференция советологов, где эти задачи сформулированы довольно четко, то есть не просто следить за тем, как развиваются те или иные неформальные объединения в нашей стране, но и высказывать такую свою роль, которая бы способствовала конфронтации неформальных объединений с коммунистической партией и органами советской власти.

Вторая задача, которая ставится перед этими подразделениями, и я тоже хотел бы, чтобы вы об этом знали, – это пресечение антисоциалистической, антиконституционной деятельности на территории страны. Кроме того, пресечение террористической деятельности, массовых беспорядков, экстремизма и участие в борьбе с организованной преступностью.

Я считаю, что с учетом того, что органы государственной безопасности становятся все более и более открытой организацией, все, о чем я вам сказал, скорее всего будет изложено в печати для то-

го, чтобы советские люди знали и эту функцию органов государственной безопасности.

Может возникнуть вопрос: тогда что же это – наступление на демократию, наступление на перестройку в нашей стране вот этими мерами? Совсем не так. Это – меры по защите демократии, по защите перестройки. Потому что те антисоциалистические силы, которые сегодня действуют и внутри страны, они, безусловно, уже отказались просто от, что ли, дискуссии и таких методов работы, которые направлены на завоевание, симпатий тех или иных людей. Речь идет уже о том, чтобы применять силу, в том числе и вооруженную.

Для того, чтобы не быть голословным, я попрошу вас обратить свои взоры хотя бы на события в закавказских республиках. Практически достичь какого-либо согласия, понимания, соглашения не удастся. В 1983 году Грузия праздновала 200-летие Георгия Саакадзе. Может быть, кто-то из вас был в это время в Грузии, мне довелось. И я помню те сердечные встречи, которые были в городах и селах, это было совершенно искренне. Сегодня тех же жителей тех же городов и сел уже не узнать. Скажите, кого-нибудь из вас возмутило то, что в городе Саранске создан Мордовский университет, что в Махачкале создан Дагестанский университет? В Сухуми создали Абхазский университет, и это взорвало Грузию. Я понимаю: причина не в университете, но это был повод для того, чтобы националистам, в частности, так называемой "Партии национальной независимости Грузии" еще раз возбудить настроение своих сограждан против жителей Абхазии, против азербайджанцев, которые многие годы проживали на территории Грузии. Причем это не просто словесные баталии, не просто, может быть, акты гражданского неприятия: ими захвачены тысячи складов огнестрельного оружия. Это подготовка к гражданской войне! И безусловно в этих условиях, органам государственной безопасности, которые с первых дней своего образования были органами защиты социалистической революции, защиты социалистического общества, стоять в стороне от решения этих задач нельзя и не придется.

Я хотел бы сказать по поводу новых задач, которые в какой-то мере продиктованы развитием перестроечных процессов в нашей стране. Если говорить про Иркутск и область, то у нас в области антисоциалистических сил нет. Если не считать небольшую группу дээсовцев, которые стоят на антисоциалистических позициях, других антисоциалистических сил нет. Но мы все-таки, в общем-то, люди, которые живут и чувствуют не только область, но страну в целом, конечно, не можем стоять в стороне от событий, которые происходят в других регионах страны. Что нового принесла дополнительно перестройка в деятельность органов госбезопасности? Я уже сказал, что мы сейчас принимаем непосредственное участие в борьбе с организованной преступностью тоже. Были такие надежды, что, мол, давайте всю мощь органов госбезопасности направим на борьбу с организованной преступностью и таким образом с ней справимся. Я хотел бы, чтобы вы нашу мощь реально представляли. А порядок примерно такой: где у нас счет на единицы, у милиции счет на сотни. Поэтому в любом случае самая большая тяжесть работы по преодолению в том числе и организованной преступности ложится на органы внутренних дел. Мы будем им, безусловно, в этом активно содей-

ствовать и сейчас содействуем. Естественно, там, где организованная преступность имеет выход за рубеж, там тем более мы принимаем непосредственное участие.

Изменение внешнеэкономической деятельности нашей страны привело к появлению еще такой функции органов госбезопасности, как защита коммерческих тайн. То, что мы стоим на защите государственных тайн, особого комментария не требует, понятно, и этим мы будем заниматься и впредь. А вот защита коммерческих тайн – вещь тоже совершенно необходимая, причем стоят некоторые вопросы достаточно парадоксально. Например, мы должны защищать коммерческие тайны не только своих организаций, но и иностранных фирм, которые создают с нашими предприятиями те или иные совместные коллективы предприятий. Если мы не будем защищать их тайны, никакая фирма на серьезное сотрудничество с нашими предприятиями не пойдет в условиях конкурентной борьбы на внешнем рынке.

В этой связи с чем еще приходится сталкиваться на канале внешнеэкономических связей? Все-таки достаточно нестойки многие советские люди, когда дело непосредственно касается контакта с зарубежными фирмами. Легко принимают дорогие подарки, – для нас дорогие, для фирмы дешевые, за них выдают секреты, которые дорого стране обходятся. Заключают сделки, которые идут порой в ущерб стране.

Что меня в этом плане удивляет? Поведение такое, как будто человек из Иркутска в Сочи вырвался, от семьи, и считает, что его никто не видит, можно согрешить, жена не узнает. Но за рубежом советский человек виднее, чем в Иркутске, чем в стране. И виднее не только тем спецслужбам, которые работают по советским гражданам, но, честно говоря, и нам тоже. Поэтому диву даешься, что люди над такими вещами задуматься не хотят. Хотя страшно не это, страшно другое, что потенциально способных на преступления людей достаточно много. Сейчас создан при Комитете, в том числе и исполнительном, такой внештатный орган, как временный комитет по борьбе с преступностью. В числе его важнейших задач – создать такую обстановку в нашем обществе, чтобы был моральный террор по преступникам, чтобы преступность искоренялась начисто. Потому что легче поддеть преступность на низком уровне, чем, допустим, потом пытаться ее выкорчевать, когда она достигнет размеров мафии.

И традиционно, естественно, мы занимаемся, – а в наших условиях это тоже становится задачей более острой, – предупреждением шпионажа и разведывательной деятельности тех спецслужб, которые приезжают сюда. В частности, если иметь в виду последние годы, то в 1988 году, прекращая органами госбезопасности инициативный шпионаж жителей города Ангарска, и в 1989 году – инициативный шпионаж жителей Усть-Кута. Мы остаемся верны принципу, что преступление лучше предупредить, чем потом человека судить за шпионаж. И ущерба для страны меньше, и удастся в какой-то мере уберечь человека от более жестких последствий. Вот, пожалуй, если кратко, обзорно, что я хотел сказать, а в принципе давайте, товарищи, я лучше буду отвечать на ваши вопросы.

– Можно первый вопрос: кратко вашу биографию.

– Это очень существенно? (*Голоса: "Конечно, конечно!"*) Ну, что ж. Родился я в Мордовии в 1941 году, в Москве закончил техни-

кум, работал на Урале, потом в Ангарске, там стал партийным работником, секретарем городского комитета партии. По решению бюро областного комитета партии с 1977 года в органах госбезопасности. Окончил соответствующие курсы и с 1979 года работаю в городе Иркутске. Начальник управления третий год.

- Ваше личное отношение к выступлению Юры Власова на сессии народных депутатов?

- На мой взгляд, это выступление человека очень, видимо, задетого органами госбезопасности, возможно, когда-то и озлобленного. Объективным это выступление не назовешь.

- Ваше отношение к появлению в газете "Правда" перепечатки статьи из итальянской газеты о пребывании Ельцина в США?

- Я не верю этой итальянской газете, и на месте Афанасьева я бы ее игнорировал. (*Аплодисменты*).

- И в сегодняшней "Правде" как раз извинения (*голос из зала*)...

- Простите, этого я не видел.

- Товарищи, может быть, не все знают: в сегодняшней "Правде" извинения перед Ельциным.

- Здесь дело так: конечно, когда тебе пощечину дадут, потом можно и погладить, но от этого синяк не пройдет.

- Почему опять начали глушить "Голос Америки"?

- Его не глушат. (*Голос из зала: "Но плохо слышно!"*) Возможно, это условия какие-то, прохождение радиоволн. Какой смысл глушить "Голос Америки", если их "Свободу" не глушат?

- В эпоху застоя небольшие группы населения сосредоточили в своих руках огромные финансовые ресурсы, что ставит под угрозу политическую стабильность и безопасность советского государства. Встречается два с половиной миллиона долларов и двадцать миллионов рублей. Какое максимальное состояние зарегистрировано на настоящий момент? Есть ли миллиардные состояния?

- К сожалению, я, наверное, не компетентен ответить на этот вопрос. Не располагаю информацией, ни сколько у нас миллионеров, ни кто самый богатый. Давайте пошлем вопрос в "Аргументы и факты".

- Имеются ли на местах опорные пункты КГБ наподобие милицеских?

- У нас есть группа на авиационном заводе, поскольку там много секретов, которые стремится захватить противник, а так больше групп других таких нет. Есть у нас в ряде городов и районов отдел или отделение. В связи с перестройкой мы немного сокра-

щаемся, во всяком случае, в этом году уже два отделения сократили.

- Штат сотрудников ГБ по Иркутской области?

- Вот как только опубликуют штат сотрудников Комитета, я вам тут же скажу и по Управлению.

- Что вам известно о концлагере в зоне в Лесихе (голос из зала: микрорайон города Иркутска), Малой и Большой Разводной?

- Речь, очевидно, идет о местах захоронений. Я, пользуясь этой запиской, хотел бы сказать о тяжелом наследстве, в том числе, и органов госбезопасности. И о той работе по реабилитации, которую мы сейчас проводим. Мы здесь очень тесно, и я выражаю большое удовлетворение этим сотрудничеством, сотрудничаем с обществом "Мемориал". Мы попытались, прежде всего, выявить всех тех свидетелей, которые сегодня живы и могли бы пролить свет на места захоронений того времени.

С другой стороны, мы документально в архивах посмотрели все те места, которые были отведены органам НКВД того времени. Кое-что нашли. На какие районы, благодаря свидетельским показаниям и этим документам, вышли? Наиболее массовые захоронения были в районе Пивоварихи, в лесу. Потом год или несколько спустя проводились работы по маскировке этих мест захоронений. Мы со свидетелями несколько раз туда выезжали, но к сожалению, возраст их таков (за 80 лет всем), что уверенно сказать, показать место они не могут... По свидетельским же показаниям проходит и захоронение в районе Лесихи, которое сегодня находится на дне Иркутского водохранилища.

- Если КГБ не в состоянии установить места захоронений, жертв 30-50-х годов, то иногда удивляешься: как вы ловите тогда шпионов? Это одно. Второе: по стране я не слышал, чтобы по инициативе КГБ установили место захоронения, все почему-то общественность роет... Почему? (Голос из зала: "КГБ тщательно охраняет свои архивы.") Я хочу, чтобы Иван Васильевич ответил, а не вы.

- Это скорее не вопрос, а реплика. Тут хотели узнать информацию об архивах, о масштабах репрессий в Иркутской области. По количеству реабилитированных лиц за все эти годы, с 1956 года - цифра доходит до 20 тысяч. Работа по реабилитации пока не закончена. Прятать эти данные от народа мы не собираемся и не будем. Что касается того, что по инициативе КГБ не нашли ни одного места захоронения, то я думаю, что это не так. Наверное, такие примеры есть...

- Есть ли сейчас доброжелатели КГБ и люди, неофициально работающие на вас среди народа?

- Видимо, тех ответов, которые дал наш Председатель на сессии Верховного Совета, недостаточно, и этот вопрос - дежурный на всех встречах. Мы, опираясь на конституцию СССР, работаем, безусловно опираясь и на поддержку людей, которые нам помогают, в том числе

и негласно, в раскрытии тех или иных государственных преступлений.

- Происходит ли подслушивание телефонных разговоров?

- Если вы считаете, что ваш телефон прослушивается, давайте проверим, уверен, что нет. *(Голоса из зала: "Да или нет?")* Очевидно, речь идет о том, чтобы я прочитал вам курс советской контрразведки, да? Кого эти детали интересуют, прошу в нашу школу, вам там все расскажут. Я не собираюсь говорить о том, что, может быть, в какой-то мере действительно составляет тайну, говоря о наших методах работы.

- Что имеется в виду под государственной безопасностью?

- Очень хороший вопрос. Сейчас разрабатывается закон о государственной безопасности, где толкование будет дано достаточно полное. Он будет принят, мы надеемся, в 1990 году и опубликован в печати.

- Отсутствует ли прямое подчинение областного КГБ областному совету народных депутатов?

- Да, такого подчинения у нас в Управлении комитета государственной безопасности нет. Надо ли подчинить органы госбезопасности непосредственно местным органам советской власти?.. Возможно, это и нецелесообразно, но это компетенция Верховного Совета, как решит, так и будет. Пока не подчиняемся. И обкому партии тоже.

- КГБ и КПСС - некоторые говорят, что это сиамские близнецы. Непонятно, можно ли считать КГБ частью КПСС или КПСС частью КГБ, и может ли быть беспартийным начальник отдела вашего управления? *(Голос из зала: "Вообще, может быть работник КГБ беспартийным?")* Вы член бюро обкома партии. Является ли ваша должность начальника управления КГБ автоматически членом бюро обкома партии? Это ваши заслуги по партийной работе или ваша должность?

- Я бы все-таки не хотел такого тона, когда речь идет о взаимоотношениях с КПСС. Мы действительно, поскольку живем в стране социалистической, работаем под руководством коммунистической партии и выполняем в конечном счете те политические задачи, которые формулируются в основных программных документах партии. Может ли беспартийный быть руководителем органа госбезопасности такого уровня, как областной, - я таких фактов не знаю. Что касается штатной должности бюро областного комитета партии, я полагаю, что здесь надо решать так: независимо от того, начальник я управления КГБ или нет, если коммунисты областной партийной организации находят меня приемлемым для бюро областного комитета партии, спасибо им за это...

То же самое можно отнести, наверное, и к Политбюро ЦК КПСС. Не всегда председатель комитета госбезопасности член Политбюро, поэтому будем считать, что все-таки играют важную роль личные качества, и авторитет в партии, и позиция Владимира Александровича Крюкова в вопросах перестройки.

- Заполнено ли штатное расписание вашего ведомства и считаете ли вы его достаточным?

- Да, пока у нас вакансий нет, и мы, товарищи, под новые задачи дополнительных сил не просим, потому что понимаем, что просто взять их негде, будем обходиться теми, которые есть. К тому же, как я сказал, некоторые подразделения мы сокращаем.

- Какие действия подпадают под контроль подразделений защиты советского конституционного строя? Какими документами они регламентированы? В какой мере, по вашей оценке, судьба людей, попавших в зону влияния КГБ, зависит от субъективных качеств его сотрудников?

- Сейчас принято соответствующее постановление Совета министров, разрабатывается и уже принято практически решение коллегии КГБ СССР, которое на днях будет опубликовано в печати (недели через три), и там не только задачи, но и права и обязанности этого подразделения будут расписаны и в подробном изложении доведены. Поэтому давайте немного наберемся терпения и подождем. Естественно, встает вопрос: антисоветская агитация и пропаганда - возможна или невозможна? Или теперь она будет пресекаться? Выступления против советской власти, даже самые острые, как сказал председатель Крючков, если они являются выражением мировоззрения человека, преступными не являются. Преступной является антиконституционная деятельность, направленная на свержение строя. Я хотел бы знать, как вы можете свергнуть, не применяя, скажем, насилия? В этой связи я хотел бы продолжить с вами диалог.

Давайте вернемся на 9 лет назад в Польшу. "Солидарность" говорила что-нибудь о том, что они стремятся взять политическую власть? Нет. Прошло 9 лет, у кого реально политическая власть? А теперь вернемся к Народному фронту в Литве. Два года назад они говорили о партнерстве и общих целях, перед ними и коммунистами. Сейчас они говорят совершенно иначе... Зависит ли от субъективных качеств его сотрудников? В какой-то мере зависит, хотя контроль за соблюдением социалистической законности в органах КГБ поставлен чрезвычайно жестко. Контролирует, во-первых, инспекция нашего Комитета, во-вторых, органы прокуратуры.

- Ваше отношение к статье 6-й Конституции?

- Я скажу о своем отношении к руководящей роли партии в нашем обществе. Я считаю, что, поскольку мы общество социалистическое, и, наверное, мы не ищем в нашей сегодняшней истории пути назад, то по пути строительства социалистического общества, безусловно, руководящая роль принадлежит коммунистической партии. Вот мое отношение.

- Может ли руководящая роль какой-либо группировки или партии закрепляться конституционно?

Что значит "может"? Это не только может, это же ведь факт. (Смех в зале. Голос: "Это же насилие!") Если смотреть на это с позиций лиц, которые не заинтересованы в социалистическом развитии нашей страны, конечно, это нежелательно. Но если стоять на

позициях социализма, то я здесь никаких противоречий не вижу. (Голос: "Что такое социализм? Никто в стране не знает!")

- Что вы знаете об Озерлаге, или Тайшетлаге? О Колыме я могу много рассказать, а вот о Тайшете...

- Видимо, о Тайшетлаге, или как его называют, Озерлаге, практически из прессы знают все. Архивы этого лагеря находятся в архивах управления внутренних дел, и поэтому какую-то более подробную справку я вам дать не смогу.

- КГБ, как вы сказали, охраняет конституционный строй. В таком случае, КГБ является объективно консервативной силой, то есть противником общественного прогресса. Сейчас, как известно, идет процесс пересмотра устаревшей конституции, ныне действующей. Что же вы защищаете, чьи интересы?

- Очень интересный вопрос. Кстати, товарищи, здесь действительно есть идеологическое противоречие. Ну, не может же прогрессивная идея сразу прийти в голову всех здесь сидящих! Вот она, допустим, осенила вас, а мы все еще воспринять ее не можем и обрушились на вас, и большинством задавили вашу прогрессивную идею. Может такое быть? Поэтому, если говорить о тех, может быть, печальных, что ли, страницах нашей жизни, которые были в 60-е, 70-е годы... Кстати, я хотел вам открыть одну уходящую от взгляда общественности деталь: во времена хрущевской оттепели к ответственности по политическим мотивам было привлечено на порядок больше, чем во времена застоя, хотя считается, что то оттепель, а то суровые времена. Поэтому, конечно, органы госбезопасности должны быть подконтрольны и Советам и, в частности, комиссии Верховного Совета СССР для того, чтобы они избавились от своих, что ли, консервативных свойств. Доля истины в этом вопросе есть.

- Есть ли экономический отдел КГБ и занимается ли он анализом экономических преступлений?

- Такого отдела в органах госбезопасности нет, но мы, товарищи, ведем работу по организованной преступной деятельности в сфере экономики. Понятна моя мысль? То есть, когда группа преступников паразитирует на нашей экономике и присваивает себе колоссальные средства, вот здесь и есть предмет нашей компетенции.

- Взаимоотношения армии и КГБ? Контролирует ли КГБ армию или наоборот? Возможен ли в нашей стране военный переворот?

- Органы госбезопасности в армии работу ведут, то есть у нас существует военная контрразведка, существует контрразведка и территориальная. Это не значит, что мы контролируем их, но там, где речь идет о предательстве государственных военных интересов, там они имеют дело с нами. А армией, естественно, органы госбезопасности не контролируются. Мне думается, что никаких исходных данных ни у кого - ни у здесь присутствующих, ни у здесь не присутствующих - говорить о возможности военного переворота в нашей стране пока нет.

- Выходит, что КГБ знал о том, что Родионов будет вводить войска на площадь и рубить лопатками?

- Как развивались события на этой площади? Поскольку никакие призывы к благоразумию действия не возымели, было принято решение использовать внутренние войска и милицию, чтобы площадь очистить и восстановить нормальную жизнь в столице Грузии. Если в предыдущие ночи там оставалось на ночь буквально несколько сот человек, то после официального предупреждения там осталось несколько тысяч, под десять тысяч. Вот те силы, которые должны были выполнить задачу, они с ней просто не справились. И тогда, к сожалению, без ведома Родионова были привлечены те ребята, которые выполняли задачу по охране отдельных объектов Грузии. Они не были подготовлены к выполнению этой операции. Но тем не менее послали их, поскольку не смогли те небольшие силы военных внутренних войск справиться с разъяренной толпой...

- В сфере ли это КГБ, когда член Политбюро, допустим известный Егор Кузьмич, объявляет о нерушимости колхозно-совхозного строя в СССР, нанося тем самым совершенно фантастический вред нашему движению вперед. Ваша ли это сфера?

- Нет, это сфера не наша. Это сфера партийная.

- Насколько часто КГБ добывает информацию из зарубежных газет? Анализируется ли эта информация?

- Анализируется.

- Мы вот говорим о защите идеалов социализма. Сейчас на другую тему. Вы знаете наверняка об организации НТС. Он не борется за идеалы социализма, и вам его надо приписать к антисоциалистическим, вы его так и числите. Сейчас по московской программе была передача "Без грима" об этой организации, об НТС. Впервые была дана возможность Сендерову, одному из открытых членов НТС в Советском Союзе, выступить по телевидению с кратким изложением своего текста. И далее начали комментировать выступление. В связи с этим вопрос: откуда вы черпаете факты о деятелях НТС?

- Я отвечаю на этот вопрос. Что такое Народно-Трудовой Союз, говорить не надо, да? Маленько? Возник в 1930 году, в основном, объединил белых эмигрантов, вначале на содержании был у фашистов, начиная с 1933 года, потом, когда проиграли фашисты войну, перешел на содержание к лондонской английской спецслужбе, потом передали на содержание ЦРУ, в какой-то мере.

В принципе, этот Народно-Трудовой Союз, называют они себя солидаристами, решает задачу реставрации буржуазного строя в нашей стране. Это генеральная цель. Для этого он использует, с одной стороны, подготовку литературы, которую они направляют в Советский Союз. Мы эту литературу тоже читаем, поэтому информация к нам и таким путем тоже доходит; кроме того, они пытаются создавать опорные группы на территории страны. Вот Сендеров говорит об этом открыто, есть такие, которые открыто об этом не

говорят, но тем не менее причисляют себя к Народно-Трудовому Союзу. Одна из задач - создать оппозицию коммунистической партии и антисоветское подполье в нашей стране. За эти пятьдесят лет, пятьдесят девять, они этой задачи пока не решили. Поскольку это организация антисоветская, мы проявляем к ней интерес и на территории страны, и за рубежом тоже.

- Вы говорите - профашистская организация?

- Нет, я так не сказал. Я сказал: была на содержании у фашистов с 1933 года.

- Но это ложь, я могу об этом открыто заявить вам. И в этой передаче давалась характеристика членам НТС. Это ложь, я сам читал эти документы, когда говорили про одного из членов, мне показывали документы: имелась информация, где он находился в это время; о другом тоже я имел такую информацию. Я сейчас это вам не могу доказать, просто я говорю, что вы даже по телевизору лжете, это уже не вопрос, это моя реплика, я это не вам говорю, а в адрес отдела вашего. Эту организацию даже свои эмигранты считали просоветской, а не то что фашистской. И никакой речи не могло идти о связи с фашистами...

- Мне бы не хотелось расставаться с вами... (*Хохот в зале голос: "И без вашей фамилии!"*) Дайте мне с товарищем закончить разговор! Мне бы не хотелось расходиться с вами в утверждении, что лжете вы, а вы говорите, что лгу я. Так что давайте вот те документы, о которых вы говорите, вместе...

- Вы говорили без документов, и я тоже...

- Публикации наши преподносят нам иногда такие факты грязных методов КГБ, что потом появляются интервью с председателем КГБ Семичастным, с покаянием полковника КГБ Карповича... У них, как у Пушкина, младенцы перед глазами, таковы эти методы. Считаете ли вы, лично, дело Черных и дело Боровского законным и правильным? Подлежат ли они реабилитации?

- Я не буду комментировать ни интервью Семичастного, ни интервью Карповича. Что касается дела Черных и Боровского, я думаю, что здесь все-таки реабилитация возможна.

- По чьей инициативе она должна быть? Если общественности, мы можем собрать подписи. Или по инициативе КГБ, который считает, что неправильно было дело передавать в суд?

- Речь ведь идет об изменении тех обстоятельств, которые в жизни нашего общества произошли. Если иметь в виду те законы, которые действовали в 1983 году, то все, что было сделано, было сделано в соответствии с тем законом. Сейчас другие законы, сейчас изменились обстоятельства и время, поэтому с учетом изменения этих обстоятельств можно будет к этому делу вернуться, а по чьей инициативе...

- Комментарий на эту тему можно? Я просто лично хорошо знаю Боровского, мы с ним соратники по партии Демократический союз, и он уже обращался неоднократно в самые высокие инстанции, вплоть до прокуратуры РСФСР о пересмотре его дела, буквально вот в уже изменившихся обстоятельствах 87-88 годов. Однако в реабилитации ему отказали.

В своем вступительном слове вы говорили, что одной из задач вашей организации КГБ остается по-прежнему борьба с антисоциалистическими элементами, организациями, и среди таких антисоциалистических организаций в Иркутске вы назвали нашу партию Демократический союз. Вот, прежде всего, по каким признакам вы квалифицируете антисоциалистические организации, потому что, сколько я читаю газеты, центральные советские, "Аргументы и факты", "Известия" и т. д., даже в этих газетах уже говорится, что в Америке или в Швеции гораздо больше социализма, чем у нас в стране? Вот вы говорили, что против нас будете борьбу продолжать. Какими конкретными методами вы будете против нас бороться? Так же как раньше боролись - фабрикацией дел (смех в зале, шум), как, допустим, с Боровским, или у вас сейчас что-то новенькое появилось?

- Тут стоит вопрос, как я понимаю социализм и его ценности. Сейчас мы очень часто идеализируем жизнь на Западе по тем признакам, что там свобода приобрести что-то во много раз выше, чем в нашей стране. Не только поэтому, да? Ну, в какой-то мере все-таки балдеть-то наши люди за границей начинают от магазинов, прежде всего. Но если иметь в виду задачу материального обеспечения, то она, конечно, в условиях буржуазной действительности и особенно в условиях международного распределения труда, решается успешнее, чем у нас. Когда мы говорим о том, что хотели бы жизни иной и иного общества, то мы имели в виду иное: такое общество, в котором человек может наиболее полно реализовать свои потенциальные возможности, свои желания (смех в зале). Создать такие условия, конечно, если они не входят в противоречие с интересами остальных членов общества...

- Тогда мне, наверное, лучше знать мои потребности, чем вам - мои (смех в зале).

- Конечно. Но наша задача создать такие условия, чтобы вы, зная свои потребности, могли их успешно реализовать в нашем обществе (женский голос: "Но почему же это не получается?!").

- Тогда я к вам буду обращаться за помощью, когда мои потребности не удовлетворяются.

- Обращайтесь. Я что, на какой-то вопрос не ответил?

- Да. Какими методами будете бороться с нами, так же как с Боровским?

- Мы будем бороться с вами методами, которые предусмотрены советским законом. Я сказал, что будет закон о государственной безопасности, есть уголовный закон, статья 7, статья 11... Вот то, что является основой...

- Значит, насколько я понимаю, набор методов борьбы остался прежним?..

- Почему прежний? Содержание закона изменилось. Как бы плохо вы к советской власти ни относились, мы будем терпеливо вас слушать до тех пор, пока вы не начнете бороться с ней антиконституционными методами. Методами, направленными на свержение советской власти, в том числе и насильственным путем. *(Голоса в зале: "в том числе"? Он сказал "В том числе!")*

- Вы сказали, что идеалы социализма вы поддерживаете потому, что это позволяет наилучшим образом реализовать все способности человека. Вот рядом с вами сидит Юрий Георгиевич Шевелев...

- Все, дальше можете не продолжать... Да, я прежде всего люблю наше общество за наши идеалы... Что касается Юрия Георгиевича Шевелева, то я с ним сегодня вижусь в первый раз и проблем его не знаю *(шум в зале)*. Он не работал в управлении КГБ, откуда мне знать его проблемы? Но я знаю другое. В нашем управлении внутренних дел пирамида беззакония существовала. Какое место в этой пирамиде занимал Шевелев, я не знаю. В чем это беззаконие? Это опять-таки укрытие преступлений от регистрации и расследования, хищение средств, отпущенных на оперативную деятельность, использование таких методов, так называемых "пресс-хат", когда выбивали показания из лиц порой невиновных, причем были осуждены за убийства те, которые убийств не совершали. Это провокационные методы ведения уголовного розыска и следствия. Эта пирамида действительно была разрушена, и ни один из тех, кто был за эти вещи в свое время уволен из органов, никто не реабилитирован ни одной из комиссий, хотя их было много.

- Вот мы здесь в клубе всегда говорим о привилегиях аппарата КПСС. Есть ли привилегии у работников КГБ? Кроме приличной оплаты, это - доплата за звание, которую вы получаете, специальные поликлиники, специальные больницы, специальные дома отдыха, специальные курорты, специальные магазины, спецстоловая и проч. Так я думаю, что КГБ выше партии у нас. Мы-то привилегии у партии выбиваем, а у КГБ-то мы не выбьем!

- Товарищи, кому завтра негде будет поесть, приглашаю в нашу спецстоловую *(в зале шум, крики. Голос: "Давайте терпение проявим, выдержку!")*.

- Какими льготами пользуются сотрудники КГБ? Какова средняя зарплата? Сколько получаете вы?

- Содержание начальника управления КГБ государству обходится в 700 рублей в месяц. Это все вместе. А сотрудники наши получают разную сумму, начиная от 250, и потолок - начальник управления. Есть у военнослужащих определенные льготы, этими льготами пользуются и сотрудники комитета госбезопасности. Это и обмундирование военное, и продовольственные пайки, они положены военнослужащим, которые служат в регионах Сибири и Дальнего Востока... Так что если кого-то эти льготы привлекают, мы будем рады...

- Как вы оцениваете деятельность КГБ по отношению к верующим в недавнее время? Нет ли перегибов, вины?

- Я думаю, перегибы есть. Как раз с учетом того, что зарубежные клерикальные центры активно использовали в антисоветских целях, в том числе и те религиозные конфессии, которые есть на территории области, территории Союза, то и внимание к этим конфессиям было. Мне думается, внимание в какой-то мере чрезмерное. С другой стороны, мы сейчас активно содействуем тому, чтобы был процесс выхода из подполья этих религиозных конфессий, чтобы вышли из подполья иеговисты, баптисты-раскольники, адвентисты, и тогда, наверное, предмета, чтобы ими занимались органы КГБ, не будет.

- Называете ли вы сталинский режим социалистическим строем¹?

- Тут немного подмена понятий идет. Режим никогда нельзя назвать строем, верно? Есть режим власти и есть общественный строй. Общественный строй был, безусловно, у нас построен на принципах социалистических. Другой разговор, что сейчас мы устраняем те деформации, которые были допущены в те времена. В принципе, если посмотреть, что дала советскому народу Октябрьская революция, то, наверное, легко можно начать загибать пальцы, чего не имели народы других стран (*Голос: "Да что она дала-то? Нищету сплошную!"*).

- Известно, что в свое время органы НКВД или некоторые сотрудники противились развязыванию репрессий. В частности, застрелился начальник горьковского НКВД Погребинский, остались за границей Орлов, по-моему, Берман, не стал дожидаться ареста Люшко, начальник пограничных войск Дальнего Востока, когда его Мехлис приехал арестовывать. То есть было противодействие создаваемому аппарату репрессий. Можем ли мы сейчас рассчитывать, что воспитанные партией органы КГБ будут противиться, если такая кампания будет сверху спускаться?

- Такие примеры, конечно, были в практике НКВД в Иркутской области. В частности, я мог бы назвать Николая Николаевича Шорохова. Кроме того, в архивах комитета есть письмо от иркутских чекистов, которые протестовали против физических методов ведения следствия. Работая по реабилитации, наши товарищи получили такой нравственный урок, который просто нельзя никогда будет забыть. Поэтому я считаю, что наши кадры проще уничтожить, чем столкнуть на путь репрессий.

- Дай-то Бог, чтоб так было.

1 сентября 1989 г. Иркутск

"Россия - могила братская"

(Из стихотворения В. Солоухина "Друзьям")

М. СЛАВИНСКИЙ

Среди многочисленных предпосылок, категорически требуемых для восстановления нормальной жизни в России, публичное разоблачение преступной деятельности органов государственной безопасности – одна из самых важных. Под какими бы буквенными сокращениями, от ЧК до КГБ, госбезопасность ни зверствовала, на ее совести десятки миллионов загубленных жизней. За них эта кровавая организация должна нести ответ перед народом и перед историей. Никакими словесными перестройками или успокаивающими заявлениями, как это недавно сделал по телевидению новый председатель КГБ Крючков, от ответственности не уйдешь. Нацистских преступников судили в Нюрнберге и на многочисленных последующих процессах. Публично судить нужно и советские карательные органы, преступления которых теперь все чаще вскрываются со все большими подробностями.

Могины, могины, могины...

Трудно сказать, при каких обстоятельствах впервые публично заговорили о массовых захоронениях советских граждан, уничтоженных органами госбезопасности. С самого начала советской эры эта тема была "табу". В 1988 году в разных малотиражных газетах появились информации о нахождении в Куропатах под Минском, в Быковнянском лесу под Киевом, на Калитниковском кладбище в Москве и в других местах огромных братских могил. Трупы людей, мужчин и женщин, лежали навалом, кое-где штабелями, разделенными тонкими прослойками земли. Где-то тела расстрелянных сбрасывались в ямы абсолютно голыми. В других случаях – полностью одетыми. Не успели даже отобрать личных вещей. В каких-то местах, благодаря составу почвы, останки оказались буквально мумифицированными. В других – сохранились лишь кости. Но всюду одна общая характерная подробность: в черепе два отверстия – входное и выходное. Опознать людей в большинстве случаев невозможно.

Ну, а кто же палачи? Кто выносил приговоры и приводил их в исполнение? Представители прокуратуры и КГБ утверждают, что никаких следов больше не осталось. Хотя на всех архивных делах подобного рода стоит пометка "хранить вечно".

Какого-нибудь полиция времен немецкой оккупации, скрывающегося где-то в Австралии или на Огненной земле, бдительный и всеведущий КГБ находит без затруднения. И предаст позору, а если сможет, – то и многолетнему заключению, и расстрелу. А вот авторов массовых убийств, совершенных в самом сердце Советского Союза, найти не могут...

За последние полтора-два года к первым информациям о захоронениях прибавились десятки других, "от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей": Пивовариха (Иркутская область),

Золотая гора под Челябинском, Колпашево (на Оби), Левашово и Морская под Ленинградом, Донецк, Свердловск, Воронеж, Катынь, Либаву (Талсинский район в Латвии) и множество других.

Совершенно справедливо писал по этому поводу в газете "Аргументы и факты" (№ 30, 1989) читатель А. Исаев:

"Сейчас на территории СССР местные жители, общественность, но не КГБ, по своей личной инициативе находят места расстрелов и захоронения (не захоронений) ни в чем не повинных жертв сталинского произвола. Степень, масштабы, организация этих злодеяний органов НКВД против лучшей части своего народа идентичны фашистским злодеяниям".

А дальше?

Неопровержимые улики

Как подчеркивает "Советская молодежь" от 22 сентября 1988, слово "Куропаты" будоражит сердца людей не только в Белоруссии.

Участок леса в 10-15 гектаров, огороженный плотным трехметровым забором. С 1937 по 1940 гг. "черные вороны" ежедневно утром, днем и вечером доставляли туда связанных людей. Вскоре после прихода машин раздавались выстрелы. Люди падали - штабелем на штабель - в глубокие ямы. Их присыпали слоем песка до 30 см. Некоторые еще дышали. Выявлено более ста свидетелей тех злодеяний: "Иногда по несколько машин заезжало за ограду. Как начнут стрелять, - крик доносится, плач, проклятья".

На сегодняшний день обнаружено 510 захоронений, каждое из которых стало могилой для сотен, а то и тысяч человек. По предварительным подсчетам, в лесном массиве Куропаты расстреляно около 250.000 человек. Имеются сотни свидетелей, но дело закрыто из-за "отсутствия документальных данных". Никаких следов преступников КГБ найти, увы, не смог...

Другой случай. Летом 1936 года в районе поселка Быковня деревняным забором была огорожена территория площадью около четырех гектаров - "для специальных нужд НКВД". Сюда, начиная с весны 1937 года и вплоть до оккупации территории немцами, свозились тела репрессированных людей. Приблизительная цифра захороненных здесь жертв - 6300 человек. Из семнадцати ям извлечены перемешанные кости и черепа со следами одиночных выстрелов в затылок.

В 1944, 1971 и 1987 годах были произведены перезахоронения - перестройки по-гебистски. Они позволили чекистам скрыть значительную часть своих злодеяний. По странному совпадению, тут тоже никаких следов в архивах НКВД-МГБ-КГБ найти не удалось.

Много анонимных захоронений в Сибири. Например, массовые захоронения были совершенно случайно обнаружены в самом центре города Колпашево, на реке Обь (бюллетень "Молодость Сибири" № 5, 1989). Первыми натолкнулись на трупы местные мальчишки. Черепа они закидывали в реку, носились с ними, надев на палки, по городу. Город переполошился: откуда это?!

А произошел (это было десять лет назад) очередной обвал берега в реку Обь. И открылась страшная картина: из обрыва, начиная с двухметровой глубины, торчали человеческие останки: руки, ноги, головы. Милиция появилась только часа через два. Шурф обнесли забором, за ним в полной тайне начались работы по ликвидации

захоронения. Было решено размыть берег. Подошел кормой мощный буксир, затем второй, на полных оборотах заработали винты, вода ударила под обрыв... Некоторые трупы сохранились хорошо. Они были расположены послойно, их разделяли доски и прослойки окаменелой извести. Многие тела всплывали, и река несла их на виду у всего города. На Оби дежурили катера, чтобы перехватывать трупы. Но их даже не вылавливали, а просто топили, привязывая труполокой к ногам или к поясу кирпичи. Высохшие трупы крошили веслами. Некоторые всплывали, и река несла их сотни километров вниз по течению. Два мумифицированных трупа были доставлены в морг. Однако произвести вскрытие не разрешили: представители "правоохранительных органов", то есть из КГБ, увезли их с собой.

Таково было отношение к жертвам ленинско-сталинской тирании 10 лет назад. Таким оно, по сути дела, осталось и сегодня.

Свидетели

Вопреки лицемерным утверждениям органов КГБ и прокуратуры о том, что никаких следов лиц, творивших массовые репрессии, найти невозможно, в действительности находятся десятки, а иногда и сотни свидетелей.

Вот что вспоминает Зинаида Михайловна Филиппова, медицинский работник, проживавшая в Москве неподалеку от Калитниковского кладбища ("Семья" № 40, 1988):

"Вместе с подружками из окрестных домов я каждое лето в 1934, 1935, 1936 и 1937 годах пробиралась во второй половине дня на Калитниковское кладбище после игр и отдыха на близлежащем пруду и многократно наблюдала, как в закрытых машинах привозили и сбрасывали в кладбищенский овраг трупы расстрелянных мужчин и женщин. Их наспех присыпали землей работники в форме НКВД".

Как сообщила "Литературная газета" (30 ноября 1988 г.), в Быковне, поблизости от тех мест, где были сброшены в ямы трупы 6329 человек, проживают еще десятки людей, которые могут в подробностях поведать о том, что и кем делалось за зеленым забором в конце 30-х годов. В отношении Быковни, к началу 1989 году имелось 7 криминалистических экспертиз, 250 протоколов допросов свидетелей, проведено 15 воспроизведений обстановки и обстоятельств событий.

Вот, например, что рассказывает Д. А. Макаренко:

"Когда я ночью ехал из Броваров, во втором часу случилось видать: идет колонна машин, крытых брезентом. От трех до шести грузовиков /.../ Все знали: в машинах этих везут трупы убитых. В лес, за зеленый забор. Лет пятнадцать назад военные в масках черепа собрали и сложили в большие ящики. Так эти ящики в лесу простояли все это время /.../ Только не немцы это стреляли - наши".

Над захоронениями в быковнянском лесу 6 мая 1988 был установлен гранитный памятник с надписью: "Вечная память. Тут похоронено 6329 советских воинов, партизан, подпольщиков, мирных граждан, замученных фашистскими оккупантами в 1941-1943 гг."

Недавно эта кощунственная надпись была стерта. Таким образом КГБ тоже пытается замаскировать преступления своих предшественников. К счастью, это не всегда удается. Слишком много осталось улик. А бывают еще и кающиеся палачи.

В программе "Взгляд" (12 мая 1989 года) Центральное телевидение огласило такое письмо:

"Товарищи, прочтите, что я вам пишу. Я сам, Мовчан Иван Ефимович, родился 21 января 1905 года в городе Белая Церковь, окончил 4 класса средней школы и работал до 1928 года на фабрике. В 1923 году поступил в комсомол, в 1928 году служил в отделе Киевского УНКВД рядовым бойцом охраны. Жили в казарме на Советской, 5.

Я трижды принимал участие в расстрелах. Впервые это произошло в апреле 1934 года. Нас было 9 бойцов. Командир наш был Григорьевич, как звали не помню. Мы привезли на машине 8 человек для расстрела. Доехали до Соломенского кладбища. А дальше ехать было невозможно: жуткая грязь. Дальше пошли пешком к Батыевке. Там был большой ров, очень глубокий. Мы спустились вниз и там тех врагов расстреляли. А потом похоронили.

У одного из них был кожаный пиджак. Григорьевич сказал, чтобы я взял его себе, поэтому я стрелял в голову, чтобы не испортить пиджак [...]

Второй раз я принимал участие в расстрелах в июле 1938 года дважды. Первый раз мы расстреляли 29 человек, из них четыре женщины. А второй раз - 39 человек. Оба раза стреляли мы в Бабьем Яру, немного ниже и правее, чем стоит памятник. Я также стрелял по ним из винтовки, а у некоторых моих товарищей были и наганы.

Тогда товарищи мне рассказывали, что на этом месте лежат много расстрелянных НКВД. Я и тогда убил четверых. Мы их присыпали землей и поехали в город.

Я очень гордился тогда, что делаю это за партию нашу и за товарища Сталина. Теперь мне скоро уже умирать, поэтому я хочу, чтобы все знали, где лежат расстрелянные люди. Я знаю, что расстрелянных там очень много, более двухсот человек.

Я свой адрес не пишу, чтобы спокойно дожить в своей хате. И пусть судит меня Господь наш Бог. Никого у меня уже нет. Жена умерла в 1979 году. Сына убили злые люди. Внуки куда-то разъехались по свету. Теперь все каются. Покаюсь и я. И простите меня, люди добрые".

Масштабы уничтожения мирных граждан, начавшегося при Ленине и продолжавшегося при Сталине, не поддаются точному определению. Причем, речь тут идет не о тех миллионах безвестных зек, кто погиб в заключении, в лагерях, но о тех, кто находился под следствием в бесчисленных тюрьмах и был приговорен к расстрелу или просто ликвидирован без суда. О тех, кого еще в 1920 году описывал Зазубрин в повести "Щепка". Масштабы эти и не хотят осознать. Не только многие места захоронений все еще неизвестны, но и уже выявленные уничтожаются с легкой руки КГБ.

Так, например, в Иркутске на месте огромного захоронения забетонирована посадочная площадка аэродрома. В казахстанском городке Малиновка на могилах ликвидированных заключенных построена птицефабрика. В Куропатах множество могил исчезло, когда строили проходящую через лес кольцевую дорогу. Затем были вырубки, трелевания и новые посадки. Под Ленинградом у платформы "Морская" и в Левашеве захоронения были так искусно спрятаны, что их местонахождения удалось определить лишь благодаря ненормальной концентрации белка в почве. В пробуренных скважинах оказались человеческие волосы. И - специфический запах...

Кое-где применялся прием уничтожения трупов, хорошо разработанный в гитлеровской Германии – кремация. Как сообщает Александр Мильчаков в еженедельнике "Семья" (№ 36, 1988), казненных в московских тюрьмах ликвидировали в кремационных печах на Донском кладбище. Живы еще некоторые профессиональные сжигатели трупов, "крематоры", работавшие под контролем НКВД. Пепел они сбрасывали в общую могилу, существующую и поныне под номером 1 с надписью: "Захоронение невестребованных прахов с 1930–1942 включ."

В статье "Колокола памяти" ("Известия", 15.9.1989) Э. Максимова писала:

"Людей хоронят через пятьдесят лет после смерти. А тогда их просто сбрасывали в шахты, как людской мусор. Мусором же и прикрывали. Это, можно сказать, закономерность – именно свалки и помойки чаще всего устраивались на местах массовых расстрелов".

Так что, так и останутся свалки на местах массовых расстрелов? Или их забетонируют под посадочные площадки?

Палачи

Информации о массовых захоронениях жертв ленинско-сталинского террора не всегда воспринимаются с волнением или гневом. Газеты нередко получают письма совсем иного содержания. Журналисты, мол, нагнетают страсти, охмуряют народ, лапшу на мозги вешают. При Сталине жилось прекрасно, а о расстрелах никто не слышал...

В те времена, пишет некая Гуревич ("Семья" № 47, 1988), "мы пели самые патриотические песни, смотрели самые патриотические фильмы. Мы были полны энтузиазма. У нас были большие мечты, надежды... С 1944–1945 года мне довелось работать секретарем судебных заседаний в Военном трибунале войск МВД СССР... Я не помню такого случая, чтобы кого-то осудили несправедливо. Бывало и оправдывали".

Подобные "обеляющие" высказывания – и в заметке корреспондента целиноградской газеты "Ленинская смена". Он признает, что концлагерь в Малиновке "функционировал" в сталинские времена, но "заклученные, трудившиеся добросовестно, не могут жаловаться на произвол. Они все пережили и забыли, не тая на сердце обид, никого не обвиняя, считая, что это случилось не по вине людей".

А кого, зверей, что ли? Или, наоборот, птиц, потому что на месте захоронения погибших построена птицефабрика? Заместитель директора ее заявил корреспонденту "Известий":

"Кто-то тут спекулирует, дескать птицефабрика построена на человеческих костях. Что ж, теперь сносить ее? А если здесь похоронены не жертвы, а мародеры?"

Еще более откровенен Е. Демидов, бывший шофер гаража управления СМЕРШ. О захороненных "как собаками" на Рогожском кладбище в Москве он пишет ("Семья" № 13, 1989):

"Вы их на весь Союз в герои волокете, а ведь там диверсанты, мародеры, сигнальщики-ракетчики, провокаторы, "слухачи" (слухи распускали панические), воры, бандиты и прочие гады, которые в то время Москву-матушку, как вши наводнили... Тяжело нам было тогда, а тут еще эта сволочня... Другую ночь, бывало, десятка по три прямо на месте расстреливали, а поутру, если полная машина набилась, я в Рогожки в овраг отвозил... Ну, а что в ров сбрасывали крюками, так это верно. Об эту нечисть рук марать не хотели".

Это, наверное, и есть то, что теперь называют "социалистическим гуманизмом"? Воспитание таких "гуманистов" – а их по стране десятки и сотни тысяч, – пожалуй, не меньший груз на совести КПСС, чем рвы, заполненные костями и истлевшими трупами.

КГБ уверяет, что следов преступников, проводивших массовые репрессии, найти невозможно, посему закрывает судебные дела. Но – и это мы видим то из одной публикации, то из другой – многие из них живы, здравствуют и даже очень неплохо, обеспечены персональными пенсиями, прекрасными квартирами, дополнительными привилегиями. Александр Мильчаков приводит в еженедельнике "Семья" (№ 36, 1988) рассказ Л. Гурвича, прошедшего свыше 17 лет в сталинских лагерях:

"Стою я как-то под праздник в очереди в продовольственном магазине на Кузнецком: нам, ветеранам партии, полагаются праздничные заказы. Впереди меня получает праздничный заказ крепкий, приземистый человек, еще не очень старый на вид. Я невольно обратил внимание, что вся грудь у него в наградах. Среди них – орден Красной Звезды, вручаемый за исключительное мужество и храбрость. Один мой знакомый, стоящий позади, тихо спросил меня: "Знаете, кто этот человек? Это шофер машины, увозившей расстрелянных из тюрем после приведения приговора в исполнение". Мне стало не по себе, и я вышел из очереди".

Преступления должны быть наказаны!

Вскрытие захоронений расстрелянных в тридцатые годы и ранее стало привычно массовым делом. В каждом городе, где были тюрьмы, шло планомерное уничтожение народа. Выжившие должны были превратиться в рабов, на костях своих сестер и братьев продолжавших строить по приказам и призывным лозунгам "светлое будущее".

Народная совесть постепенно пробуждается. Абстрактная память обретает плоть. Возмущение и гнев сжимают сердца, укрепляя решимость сопротивляться беззаконию. Палач в 1920–1940-е годы был один: ЧК–ГПУ–НКВД–МГБ. Его прямой наследник – КГБ, который теперь всячески пытается утаить, замазать преступления своего предшественника. И становится тем самым его активным сообщником, на прямую примыкает к нему.

Пока существует коммунистическая власть, законность, демократизация и гласность остаются пустыми словами. Реальная возможность возобновления широкомасштабных политических репрессий не исчезла. Наоборот, в последнее время она даже возросла. Есть силы, которые ждут с нетерпением "сильной руки", чтобы решить на свой лад острые жизненные проблемы страны. Простреленные черепа, не это ли они хотят повторить?

Но трагедия геноцида больше повторяться не должна. Преступников всех рангов необходимо найти и предать суду – суду общественной гласности, суду своей совести. Только при таком условии может быть речь о реальном оздоровлении общества.

Набрала ли силу "третья власть"?

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

"Третья власть" - так называют судебную систему. Наряду с исполнительной и законодательной властями она имеет большое значение в правовом государстве. Советская же судебная система никогда не была самостоятельной властью. Она продемонстрировала лишь свою унижительную зависимость от власти партийной, которая всегда выступала против реализации в нашей стране учения о разделении властей. В результате такой политики СССР стал полицейским государством, а суд, проявив невиданную жестокость по отношению к людям, стал одной из его структур.

Придя к власти, Горбачев пообещал народу вывести законодательство из числа одного из самых жестоких в мире. Пообещал создать правовое государство, одним из аспектов которого должна быть взаимная ответственность государства и общества. Люди, как говорил французский просветитель П. А. Гольбах, должны уверовать в то, что "законы созданы для них, а не они для законов".

Прошли четыре года перестройки. Набрала ли силу "третья власть", проведена ли реформа правосудия в нашей стране?

Верховный Совет СССР в последний день своей летней сессии принял два нормативных акта: Закон о статусе судей СССР и постановление о решительном усилении борьбы с преступностью.

Первый документ декларирует: отныне судьи независимы, неподведомственны никакому исполнительному органу. Конечно, объективное, независимое, справедливое правосудие - краеугольный камень демократического государства. А сколько получают судьи? (В районе - на уровне двухсот рублей.) От кого зависит прибавка? А кто ремонтирует 4,5 тысячи судебных зданий? Кто производит селекцию кандидатов в судьи? Кто выгоняет судей с работы? Увы, все эти вопросы - по-прежнему в компетенции партийных и советских органов. Значит, на практике весь пафос этого документа сведен к нулю.

В соответствии со вторым документом судьи, наряду с работниками КГБ, МВД, прокуратуры и юстиции, включаются в состав "временных комитетов по борьбе с преступностью" и подчиняются председателям исполкомов. Где же здесь разделение властей?

На осенней сессии Верховный Совет принял целый пакет законов, которые якобы должны укрепить независимость суда. Принят Закон об ответственности за неуважение к суду, приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве. Они предусматривают допуск адвоката к участию в деле с момента предъявления обвинения или задержания подозреваемого.

По делам об особо тяжких преступлениях вопрос о виновности подсудимого может теперь решаться судом присяжных.

Конечно, плюралистическая основа правового государства требует иного следствия, иного суда – суда присяжных. Советский процессуальный закон больше всего нуждается в совершенствовании. В альтернативном документе "Основы перехода к правовому государству", составленном группой специалистов по поручению Совета НТС ("Посев", №№ 5 и 6, 1984), есть раздел "Примеры реформ, возможных при нынешнем режиме". Там сказано: "несмотря на то, что в Советском Союзе отсутствуют независимые учреждения контроля над властью партийно-государственного аппарата (за исключением возникающих спонтанно в независимом общественном движении), даже при существующей системе имеются возможности укрепления законности – в общечеловеческом ее понимании – и сокращения произвола. Эти возможности можно найти, в первую очередь, в области уголовно-процессуального права".

В этом документе шла речь о выведении следствия из ведомственного подчинения КГБ, МВД, прокуратуры. Об этом, кстати, было сказано в наказе первого съезда: "вывести следствие из сферы какого бы то ни было ведомственного влияния". Однако воз и ныне там: следственные органы страны продолжают работать по накатанной сталинской схеме. А независимое следствие так и не создано.

Об адвокатуре. Проводя свою политику преступных репрессий, Сталин и Вышинский прежде всего постарались уничтожить институт адвокатуры и заменить его послушным институтом "советских защитников", т. е. по существу они стремились уничтожить плюрализм мнений при рассмотрении дел в судах. Вышинский говорил: "Адвокатура, являясь буржуазным институтом, разделяет судьбу буржуазии". Во многом советская адвокатура продолжает работать по схеме Вышинского. Коллегии адвокатов вписаны в систему административных органов партии и советской юстиции. Советским защитникам запрещено входить в конфликт с КПСС и ее органами.

В ст. 14 недавно принятых Основ предусмотрено, что подозреваемому, обвиняемому и подсудимому право на защиту обеспечивается путем участия защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Провозгласив юридическую норму, государство не регламентировало элементарные практические вопросы. Ведь ясно, что допуск адвоката с момента задержания должен повлечь изменение закона, регулирующего предварительное следствие.

Сейчас, к примеру, разрешается встреча адвоката с обвиняемым, если он несовершеннолетний. Но адвокаты избегают участия в стадии следствия. Почему? Да потому, что процессом командует следователь. А он, как правило, не разрешает защитнику даже вставить слово во время допроса или очной ставки.

Или так называемая "следственная тайна". Она по рукам и ногам связывает адвоката. И он зачастую просто побаивается допуска на предварительное следствие. Ведь законом не гарантируется адвокатская неприкосновенность. Следователи и прокуроры только и ищут повода, чтобы допросить адвоката как свидетеля, а то и привлечь его к уголовной ответственности. Таких дел, когда за-

суживают смелых адвокатов, немало. Как же можно рассуждать о состязательности сторон?

Верховный Совет высказался за суд с присяжными заседателями. Тут мы наблюдаем возврат к великим реформам правосудия в России, которые произошли в 1864 году. Наибольшим достижением реформы справедливо считали тогда введение суда присяжных заседателей при рассмотрении тяжких уголовных преступлений в окружных судах. Эту реформу тогда ждали и приветствовали в не меньшей степени, чем мы сейчас. Кажется, что это о нашей судебной системе писал С. И. Аксаков: "волос встает дыбом, мороз дерет по коже при одном воспоминании о дореформенном суде".

Новый порядок (ст. 11 Основ) предусмотрен лишь по небольшой категории дел, в частности, по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет.

На последней сессии Верховного Совета депутаты жаловались, что они столкнулись с одним и тем же явлением: сотни тысяч жалоб, слезных молений, обид, исковерканных человеческих судеб. Только в центральные органы партийной власти приходит не менее 6 миллионов жалоб в год. Если учесть жалобы в местные органы, то окажется, что недовольством теми или иными действиями партийных и советских функционеров охвачено не менее 40-50 миллионов семей. Кто может помочь? Только суд.

Вот-вот на суды обрушится вал работы. Это потребует мужества и высокого профессионализма, которыми, увы не отличаются судьи советской выучки. А статус судей в обществе? Опрос показал, что люди не считают эту профессию престижной. Вот что по этому поводу говорит новый министр юстиции СССР В. Яковлев: "Если это почитаемая профессия, если это уважаемая профессия, если это профессия, которая высоко оценивается государством, то, следовательно, должны быть соответствующие материальные и прочие условия. Когда наши зарубежные коллеги спрашивают об уровне оплаты судей, то хочется провалиться сквозь землю" ("Известия", 30. 11. 1989).

Суд присяжных, распространенный во всех странах с парламентским режимом, конечно, - органическая часть разделения властей. Но в условиях советского полицейского государства это еще не гарантия подлинной независимости судей. Выход только один - реальная выборность судей, а также пожизненное избрание или назначение высших судебных работников. Нужна конкурсно-избирательная система, необходим набор требований для замещения должности судьи. Все эти демократические принципы однако не могут быть реализованы в нашей стране, где выборы народных судей отнюдь не гарантируют ни уровень квалификации судей, ни независимость от партийных органов.

Для того, чтобы "третья власть" набрала силу, необходимо, чтобы следственные, прокурорские и судебные инстанции подчинялись исключительно закону, а не парализующему его "директивному праву" КПСС. Необходимо, чтобы ведомства юстиции могли устанавливать истину по делу, невзирая ни на пристрастия начальства, ни на отношение подозреваемого к власти (принадлежит ли он к правящему слою, к "простым" людям или к инакомыслящим).

Политика, опрокинутая в географию

А. АРТЕМОВ

Известный марксистский историк М. Н. Покровский писал, что история – это "политика, опрокинутая в прошлое". Из-за такого подхода советская история утратила научную ценность, приняла характер трагикомического чтива, переполнила "спецхран" противоречивыми изысканиями, а теперь даже изъята из комплекса школьных знаний, так что выпускники больше не в состоянии судить, какие исторические деятели были "прогрессивными для того времени", а какие "тормозили развитие".

В шестидесятых годах, после низвержения "субъективиста и волюнтариста" Хрущева, была предпринята попытка издать "Историю СССР" в 12 томах и "Историю КПСС" в 6 томах. С трудом, но к 1980 году вышли 11 томов первого издания и 5 томов второго – и дело застряло на десять лет. Застряло, конечно, на описании последнего периода деяний партии и жизни страны. В ответ на запросы зарубежных подписчиков внешнеторговая фирма "Международная книга" отвечает, что срока завершения изданий сообщить не может, а просит "запасться терпением".

Но теперь в таком же трагикомическом положении оказался другой основоположный школьный предмет – география. Та же партийная "опрокинутая политика" залила карту страны, запутала почту и транспорт, затруднила жизнеописания именитых личностей, да и самую необходимую документацию простых граждан (кто где родился, учился, работал, жил и скончался). Бесконечные переименования привели к хаосу, вызвали и вызывают непомерные и бессмысленные расходы, к тому же полны юмористики и абсурдов.

При Фонде культуры создан, наконец, специальный Совет по топонимии, который занялся "чистой" этих дебрей коммунистического вандализма. Началась ожесточенная критическая кампания в прессе, в ходе которой неизбежно выявляются глубинные пороки партийно-государственного режима с его бескультурьем и бюрократизмом, с его цепляньем за полы истории, разрушающим саму историю, поскольку "в исторических именах – связь времен" (как пишет журнал "Русская речь" № 6, 1989).

Когда в 1924 году, после смерти Ленина, город Петроград, творение Петра Великого, переименовали в Ленинград, то в обществе острили: "Наверно, скоро Сочинения Пушкина переименуют в Сочинения Демьяна Бедного". Список географических наименований, связанных с именем Ленина, не поддается исчислению. Сталина – тоже; но если не считать колхозов и мелких селений, то в прошлом были (из важнейших, в хронологическом порядке): Сталино (Юзово, Донбасс), Сталинград (Царицын), Сталинабад (Душанбе, столица Таджикистана), Сталинск (Новокузнецк), Сталинири (Цхинвали, Южная Осетия), Сталиногорск (Бобрики, Московской области, центр угольной и химической промышленности). А за пределами СССР в Болгарии Варна, в Румынии Брашов звались Сталин, в Польше город Катовице называли Сталиногруд, в Венгрии строили Сталинварош, в ГДР – Сталинштадт. Выжил лишь городок Сталин в Албании.

В СССР 150 наименований образованы от фамилии Киров, более 100 – от фамилии Калинин, 40 – от фамилии Куйбышев... Это просто скучно.

Но многое веселит. Так, вдова Н. И. Бухарина (дочь Ю. З. Ларина) рассказала недавно, как ее отец, проезжая мимо селения Кобылья лужа, сказал председателю сельсовета, что это название звучит некрасиво; местные власти учли замечание, и при следующем его проезде село называлось Советская лужа. Это – на низах, а вот – на картах советского "Атласа мира": город Парижская коммуна на Украине, городок Вождь пролетариата (то есть Ленин) в Московской области. Советский гражданин может родиться в Парижской коммуне и быть захороненным в Вожде пролетариата!

В качестве путеводителя по этим дебрям каждый очередной официальный справочник "СССР. Административно-территориальное деление" заканчивается разделами "Переименования": "Алфавит вновь присвоенных наименований" и "Алфавит прежних наименований". В справочнике 1983 года, например, алфавит новых наименований занимает 24 страницы и содержит около 1200 названий!

Из огромного числа переименований выберем кое-что беглым просмотром.

Беднодемьяновск – город, бывший Спасск, Пензенской области, назван в честь "пролетарского поэта" Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова) еще в 1925 году, вслед за "Ленинградом", что невольно напоминает упомянутую остроту о сочинениях Пушкина.

Брежнев – город Набережные Челны, на Каме; в ноябре 1982 года переименовали, а в декабре 1987 года вернули прежнее название.

Вадинск – город Керенск у впадения реки Керенки в реку Вад, в Пензенской области; причина переименования ясна.

Волгоград – до 1961 года Сталинград, до 1925 – Царицын (исторически – от реки Сарысу).

Ворошиловград – до 1935 года Луганск и в 1958–1970 гг. опять Луганск, это из-за амплитуды политической карьеры Клим Ворошилова.

Гатчина – сгоряча в начале 20-х годов переименована в Троцк (по некоторым документам даже просто Троцкий), в 1929–44 гг. Красногвардейск, потом опять Гатчина.

Георгиу-Деж – это Лиски, Готвальд – Змиев, Димитровград – Мелекес, Горез – Чистяково, Тольятти – Ставрополь Куйбышевской области; все в честь иностранных коммунистических вождей.

Горький – до 1932 года Нижний Новгород.

Дзержинск – три значительных города; плюс Днепродзержинск – до 1936 года Каменское на Днепре, крупный промышленный центр.

Жданов – до 1948 года Мариуполь, теперь это имя возвращено.

Загорск – до 1930 года Сергиев или Сергиев Посад (основан св. Сергием Радонежским, известен с 1340 года); назван в честь В. Загорского, секретаря Московского комитета партии, в 1919 г. "убитого контрреволюционерами". Кстати, Троице-Сергиева лавра перед войной называлась Птицерадом (там размещался птицеводческий техникум).

Ивано-Франковск – до 1962 года Станислав, областной город Украины, назван в честь украинского писателя Ивана Франко. По этой манере можно было бы назвать Таганрог Антоно-Чеховском.

Калинин, как уже сказано, – свыше ста топонимов, отметим два: областной город Тверь до 1931 года (указ о переименовании подпи-

сал... Калинин) и нынешний областной Калининград, то есть до 1946 года немецкий Кёнигсберг в Восточной Пруссии, так что великий философ Иммануил Кант родился в Калининграде. Кстати, свидание и заключение мира между царем Александром I и Наполеоном в 1807 году имели место в городе Советске (бывшем Тильзите).

В Карачаево-Черкесской автономной области город Карачаевск звался с 1929 по 1944 гг. Микоян-Шахар, потом до 1957 г. Клухори, затем поныне Карачаевск. Город Черкесск был Баталпашинском, потом (по мере восхождения и падения партийно-государственных руководителей) Сулимовым, Ежово-Черкесском, пока не стал с 1939 года просто Черкесском.

Киров – это в первую очередь Вятка; Кировоград – до 1924 года Елизаветград (на Украине), потом до 1934 года Зиновьевск; Кировабад в Азербайджане – до 1935 года Гянджа, родина средневекового поэта и мыслителя Низами Гянджеви, основан в VII веке.

Куйбышев – до 1935 года Самара.

Маркс, до 1920 года Екатериненштадт, и Энгельс, до 1931 года Покровск, – два сравнительно небольших города только и отведены основоположникам коммунизма (на территории бывшей волго-немецкой автономной республики).

Орджоникидзе, столица Северной Осетии, – до 1931 года Владикавказ, в 1931–1944 Орджоникидзе, в 1944–1954 Дзауджикау, с 1954 опять Орджоникидзе. В журнале "Коммунист" (№ 15) приводятся цитаты из местных осетинских газет, где трудящиеся при каждом переименовании "с глубокой радостью, удовлетворением" отмечали, что это "отвечает их воле и чаяниям".

Столица Киргизии Пишпек в 1926 году переименована во Фрунзе (у киргизов нет звука "ф", и они называют город "Рунзе"). Это – единственная союзно-республиканская столица, утратившая свое историческое имя (надолго ли?).

В малом "Атласе мира" 1959 года на Днепре близ Кременчуга появился городок Хрущев, но потом он бесследно исчез: ни на картах, ни в справочниках его не найдешь. В 1957 году был издан указ, запрещающий давать названия в честь здравствующих людей, а Хрущев был низвергнут здравствующим, так что в географию не попал.

Андропов, Устинов, Черненко недолго пробыли на городах, которые вернули теперь свои исторические имена – Рыбинск, Ижевск, Шарыпово.

Город Комсомольск-на-Амуре изображается как комсомольская "новостройка"; в действительности там уже существовало село Пермское, основанное столыпинскими переселенцами из Пермской губернии.

Появилась еще манера переименовывать, при юбилеях, места рождения юбиляров. Отсюда: Есенин родился в селе Есенино, Маяковский – в городе Маяковский, маршал Жуков – в селе Жуково (а Лев Толстой умер на станции Лев Толстой, б. Астапово). Как-то вот Франкфурт-на-Майне не переименован в Гёте, Зальцбург – в Моцарт, во Франции не найдешь Гюго, в Англии Шекспира, но имена памятные без того.

В СССР политика добралась и до физической географии. На Памире Пик Сталина (7495 м) в 1962 году переименован в Пик Коммунизма, Пик Молотова – в Пик Россия (6852 м). В Карском море Острова Сергея Каменева (командарм, в 1936 году умерший и захоро-

ненный в Кремлевской стене, а после процесса Тухачевского выкинутый оттуда) переименованы в Острова Сергея Кирова.

★

Всё ли нужно теперь возвращать к старому? Вряд ли. Но нужно всё компетентно пересмотреть, осмыслить, разумно обосновать и по возможности упростить и выразить в духе и стиле русского языка. Новые имена давать лишь новостройкам и новым открытиям, новым поселениям, улицам и площадям. Упразднить названия колхозов (которые останутся), если они охватывают селение.

Очистить названия предприятий, институтов, вузов от лишних нагромождений типа "имени" да "ордена". Зачем писать "Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени М. В. Ломоносова", когда достаточно: Московский университет?

Что касается городов, то самой острой проблемой оказывается наименование "творения Петрова". В свое время люди писали в анкетах: "родился в Петербурге, учился в Петрограде, работал в Ленинграде"; это забавляло. Теперь одни обходятся просторечным "Питер", другие обращаются к метонимии "город на Неве".

Царь Петр назвал свой город Санкт-Петербургом, то есть городом святого Петра, в честь своего святого, дабы не сочли, что в свою честь. Такова была его воля. Но милая и добрая дочь его, царица Елизавета, думается, зря не воспользовалась пятидесятилетием города и в общей ее борьбе с "немецтиной" из правления ее кузины не отдала должное отцу-строителю, не перекрестила столицу в русский Петроград. Этого пришлось ждать до нападения Германии на Россию в 1914 году.

А что этого давно хотели русские люди, видно хотя бы у Пушкина, который, в частности, так начинает повествование в "Медном Всаднике": "Над омраченным Петроградом / Дышал ноябрь осенним хладом..."

Можно надеяться, что скоро октябрьско-ноябрьский холод мертвого ленинского имени перестанет омрачать главный порт страны, парадный ход отчего дома.

Совет по топонимии занимается чрезвычайно важным делом, которое входит в программу Фонда культуры. Речь идет прежде всего об исторических наименованиях. Мы, в частности, ощущаем огромный интерес людей к делу возвращения старых наименований – не только в Москве и Ленинграде, но и во многих других местах. И имен самих городов! Но дело не только в том, чтобы восстановить исторические наименования городов и деревень, улиц и районов. Нужно наконец раз и навсегда отказаться от практики произвольных, ничем не обоснованных с культурно-исторической точки зрения переименований разнообразных объектов... От этого нужно отказаться – и решительно! Но чтобы всего этого добиться, нужно разработать строго научные принципы охраны и возвращения исторических названий. (Акад. Д. С. Лихачев. "Имя нашего дома". Журнал "Наше наследие" № 1, 1989 г.)

Русская Православная Церковь в 1989 году

Прот. К. ФОТИЕВ

11 октября 1989 г. закончился двухдневный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (РПЦ), созданный по случаю четырехсотлетнего юбилея установления в Русской Церкви патриаршества. По инициативе царя Бориса Годунова и его ближайшего окружения РПЦ стала автокефальной (самоуправляющейся), и патриарх Московский и всея Руси занял в диптихах пятое место – сразу же за четырьмя восточными патриархами.

Архиерейский Собор торжественно причислил к лику святых первого патриарха РПЦ Иова и патриарха-исповедника Тихона (Белавина). На ближайшее время намечены дальнейшие канонизации – расстрелянных митрополитов Владимира Киевского и Вениамина Петроградского, убитого в возрасте 83 лет митрополита Серафима (Чичагова) и скончавшегося в 1908 году молитвенника и чудотворца о. Иоанна Кронштадтского.

Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир в своем докладе Собору представил следующие статистические данные о жизни РПЦ. Если за 1985 год было открыто всего три прихода, за 1986 – десять, за 1987 – шестнадцать, а за 1988 – восемьдесят, то за период с 1 января по 1 октября 1989 г. число вновь открытых храмов составило 2185. В качестве примера приводятся Омская и Тюменская епархии, где за последнее время число открытых для богослужения храмов увеличилось с 13 до 42.

Митрополит Владимир привел в своем докладе следующие данные за последние два года, дающие представление о жизни и деятельности РПЦ:

	1988 г.	1989 г.
Число открытых храмов	6893	9734
Число священников	6674	8100
Число чтецов (псаломщиков)	нет данных	2443
Число дьяконов	724	нет данных
Число епархий	67	70
Число духовных школ	5	19
Число учащихся духовных школ	1999	3948
Число монастырей	21	35

Следует принять во внимание, что в число епархий входят и те, что находятся за пределами Советского Союза. То же самое следует сказать и о монастырях. В статистике объединены духовные учебные заведения различных уровней – Духовные училища недавно были от-

крыты новые в Жировицком монастыре в Белоруссии, в Смоленске, Чернигове и Ставрополе), Духовные семинарии (снова открыты в Киеве, в Жировицком монастыре и в Тобольске) и Духовные академии Москвы и Ленинграда.

В течение долгих лет церковная общественность ничего не знала о финансовом положении Московской Патриархии – ни о поступлениях, ни о расходах. Первое сообщение об этой стороне жизни Церкви мы находим в отчете митрополита Владимира Архиерейскому Собору. За первые девять месяцев 1989 года в церковный центр поступли следующие суммы:

суммы	Поступления	% от общей поступлений
От епархий	2.591.300 руб.	34%
От мастерских Хозяй- ственного отдела	более 4 млн руб.	примерно 50%
От храмов Москвы		9%
От издательского Отдела		6,4%
Общая сумма поступлений	7.834.000 руб.*	

На 1 октября 1989 г. дефицит Московской Патриархии составил сумму в 1.090.000 рублей. Невзирая на это, запланированы новые существенные расходы: на постройку 150 квартир для работников Патриархии понадобится около 2 миллионов рублей, 4 миллиона пойдут на нужды духовных училищ. Митрополит Владимир заявил, что в будущем епархиальные архиереи будут ответственны за расходы по своим епархиям – очевидно, это нужно понимать в том смысле, что церковный центр не может обещать епархиям финансовую помощь. Архиепископ Смоленский и Калининградский Кирилл сообщил Собору, что в будущем Синод должен отчитываться в финансовых делах перед Архиерейским Собором.

Собор обсудил деятельность учрежденной в начале 1989 года комиссии, задача которой – составить списки духовенства и мирян, погибших во время сталинских гонений. Лишь архиепископ Кирилл представил Синоду список погибших в его епархии, другие архиереи пока не уделили этому вопросу должного внимания.

*

На своем заседании, состоявшемся в середине ноября, Синод РПЦ освободил митрополита Минского и Гродненского Филарета (Вахrameева) от обязанностей председателя Отдела внешних сношений Московской Патриархии и назначил на эту должность архиепископа Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева) – это назначе-

* Данные из отчета митрополита Владимира Архиерейскому Собору заимствованы из бюллетеня Лондонского Кестон колледжа от 30 ноября 1989 г. № 339.

ние делает архиепископа Кирилла, одного из самых молодых иерархов РПЦ, членом Священного Синода. Митрополит Филарет, назначенный 6 июля Экзархом Белоруссии (вместо одной епархии на этой территории теперь будет четыре), ходатайствовал об освобождении от обязанностей председателя ОВС ввиду того, что он перегружен работой по управлению своим Экзархатом. Он остается членом Синода – с вхождением в состав постоянных членов Синода архиепископа Кирилла их число увеличилось с пяти до шести. Примерно столько же епархиальных архиереев вызываются для участия в сессиях Синода.

Архиепископ Кирилл родился в 1946 году в семье принявшего священство ленинградского научного работника. Его старший брат – прот. Николай Гундяев – профессор Ленинградской Духовной Академии. Будущего архиепископа рано отметил митрополит Никодим (Ротов), всячески покровительствовавший своему ученику и единомышленнику. Известно, что митрополит Никодим, умерший от инфаркта в возрасте 49 лет, в свою бытность Председателем ОВС налаживал контакты РПЦ с Ватиканом и Всемирным Советом Церквей в Женеве (в период жестоких хрущевских гонений на Церковь митрополит Никодим говорил доверенным лицам: "Чем больше нас будут знать на Западе, тем труднее будет придумать нас дома"). Архиерейская хиротония архимандрита Кирилла была совершена в 1976 году, и тогда же он стал ректором Ленинградской Духовной Академии. Он много сделал для своей родной школы. В частности, при нем возросло число студентов, ранее получивших высшее светское образование. С 1975 года архиепископ Кирилл входит в состав Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей. Переведенный в 1984 году на Смоленскую кафедру, он смог создать в этом городе одно из первых духовных училищ. После того как ему удалось открыть первый православный храм в Калининграде (бывшем Кенигсберге), Синод изменил его титул на "Смоленского и Калининградского".

*

С наступлением эпохи "гласности" обнажились некоторые трудные вопросы в жизни Украинского Экзархата РПЦ. После того как на Львовском Соборе в 1946 году было объявлено о "самороспуске" греко-католической (униатской) Церкви в Галиции и ее вхождении в состав РПЦ, члены этой Церкви, оставшиеся верными Риму, были вынуждены уйти в подполье. Многие епископы, священники и миряне были репрессированы. Ватикан не признал решений Львовского Собора. Теперешний глава украинских греко-католиков – митрополит-кардинал Иван Мирослав Любачивский – живет в Риме. Греко-католики на Западе, особенно многочисленные в США и Канаде, все эти годы оказывали греко-католическому подполью в СССР широкую поддержку. Сейчас они шумно добиваются легализации греко-католической Церкви в западной Украине и возвращения ей всего имущества, которое, после Львовского Собора 1946 года, было передано Украинскому Экзархату РПЦ.

По этому сложному и болезненному вопросу существуют две противоположные установки. В своей крайности обе эти позиции, по

моему убеждению, неверны. Епископат Украинского Экзархата РПЦ, во главе с митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Денисенко), настаивает на том, что "самороспуск" греко-католической Церкви в 1946 году есть явление окончательное и принятое большинством верующего народа западной Украины. Никакой "униатской проблемы" вообще не существует: ее искусственно создают демагоги и политиканы. Эту точку зрения митрополит Филарет подтвердил и на Архиерейском Соборе в октябре 1989 г.

Сторонники немедленной легализации греко-католической Церкви в западной Украине считают греко-католиками все население этой части СССР. Отсюда часто появляющееся в западной печати утверждение, что греко-католическое подполье насчитывает от трех до пяти миллионов человек. Согласно этой точке зрения даже те верующие, которые молятся в настоящее время в православных храмах, "в душе" остаются греко-католиками: они якобы посещают православные церкви лишь потому, что униатских храмов нет.

Против крайности первой точки зрения свидетельствуют многочисленные демонстрации греко-католиков на улицах западноукраинских городов, в частности, во Львове и в Ивано-Франковске. Кроме того, на страницах журнала "Огонек" появилось сообщение о том, что работники госбезопасности "курировали" Львовский Собор 1946 года, выполняя распоряжение Сталина о ликвидации греко-католической Церкви. Но неверно утверждение, что все население западной Украины мечтает вернуться в унию — какая-то часть этого населения, несомненно, останется православной.

По нашему убеждению, следовало бы немедленно согласовать с Ватиканом вопрос о создании на территории западной Украины католической епископской кафедры, в подчинении которой находились бы все католики данного региона как латинского, так и восточного обрядов, которым дано будет право на регистрацию их общин. А как быть с церковным имуществом, с храмом, половина прихожан которого захочет остаться православной, а другая половина заявить о своем желании вернуться в греко-католическую Церковь? Безусловное требование — немедленно вернуть все церковное имущество, принадлежавшее до 1946 года греко-католикам, его прежним владельцам, неосуществимо и способно породить лишь острые столкновения.

Беседуя с итальянским журналистом накануне встречи Горбачева с Папой Иоанном-Павлом Вторым, кардинал Любачивский высказался в пользу того, чтобы право пользоваться храмами было предоставлено как греко-католикам, так и православным. Вопрос о церковном имуществе не должен, по мнению кардинала, препятствовать легализации греко-католиков западной Украины.

8 декабря находившийся в Вашингтоне митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий дал интервью сотруднику "Голоса Америки", посвященное вопросу легализации греко-католиков. По словам митрополита, Папа Иоанн-Павел Второй принял предложение РПЦ безотлагательно начать диалог-изучение вопроса о греко-католиках. Первая такая встреча, очевидно, состоится в ближайшем будущем в Москве.

Вместе с этим митрополит указал на постановление Всеправославного совещания 1986 года, согласно которому прозелитизм и уния составляют непреодолимое препятствие для диалога между пра-

вославної и католической Церкви. Порочность унии признавал, по словам митрополита, и верующий народ – в Белоруссии, Литве, Волыни и Подолии уния прекратила свое существование в 1839 году, а в 1875 году вернулись в православие униаты Холмщины. С того времени Брестская уния оставалась только в Галиции, бывшей сперва австрийской, а потом польской. Сейчас в этой части Украины необходимо найти путь для установления мира церковного. Положение, когда есть люди, желающие совершать богослужения, но лишённые регистрации, по словам митрополита Ювеналия, нельзя считать нормальным.

★

Все эти вопросы было бы легче решить при помощи обещанного и долгожданного закона о свободе совести. Замминистра иностранных дел СССР Адамишин сказал в беседе с иностранными журналистами, что этот закон будет принят "через пять или шесть месяцев" и что принятие этого закона принесет легализацию греко-католикам. Очевидно, это же повторил М. С. Горбачев в своей беседе с Папой Иоанном-Павлом Вторым. Пока подобный закон был принят (3 ноября) лишь Верховным Советом Литовской ССР. Вот новый текст 50 статьи Конституции (Основного закона) ЛССР:

"В Литовской ССР гарантируются свободы мысли, совести, веры и свобода неверия. Равное право отдельно или сообща с другими исповедовать и мирными способами проявлять и распространять свои убеждения и взгляды. Никто не может принуждать другое лицо или сам быть принуждаем говорить, поступать или действовать против своей совести и убеждений. Государственные институты, учреждения и учебные заведения являются светскими. Эти учреждения сотрудничают с Церковью и другими религиозными организациями в деле нравственного воспитания общества в соответствии с порядком, предусмотренным законом. За Церковью и другими религиозными организациями признается статус юридического лица и гарантируется право самостоятельного решения вопросов внутренней жизни".

Комментируя этот закон, архиепископ Каунасский кардинал Винцентас Сладкявичюс заявил: "Это – победа демократии в нашей республике: наконец-то Церковь вышла из состояния духовной ссылки, отлученности от народа".

★

1 декабря Папа Иоанн-Павел Второй принял Горбачева в Ватикане, а 7 декабря член Политбюро Яковлев пригласил к себе членов Синода РПЦ, чтобы информировать их о содержании состоявшейся беседы. Согласно существующей практике, никаких официальных сообщений о содержании беседы между Папой и Горбачевым опубликовано не было.

Из неофициальных источников стало известно, что было достигнуто соглашение об установлении двусторонних отношений между Ватиканом и советским правительством. Первоначально это, вероятно,

не будет носить характера полных дипломатических связей. Напомним, что дореволюционное русское правительство имело при Ватикане свою постоянную дипломатическую миссию. Закон о свободе совести, по словам Горбачева, будет принят в СССР "в начале будущего года". Но уже сейчас, как заверил Горбачев Папу, греко-католикам предоставлена возможность регистрации "на приходском уровне". Горбачев просил Папу оказать моральную поддержку советскому правительству в его борьбе с преступностью, наркоманией и алкоголизмом и пригласил Иоанна-Павла Второго посетить Советский Союз. Как известно, Папа согласен принять подобное приглашение только в случае полной легализации украинской греко-католической Церкви. В своей беседе с Горбачевым Иоанн-Павел Второй выразил свою радость по поводу того, что в Польше и Венгрии Церкви сейчас предоставлено значительно больше свободы, чем раньше: он надеется, что в этом направлении будут развиваться процессы и в других частях Европы.

Эйфории, вызванной "перестройкой", гораздо больше на Западе, чем в Советском Союзе. О подлинном положении Церкви, о дрящемся бесправии верующих, о попытках советских властей разложить Церковь изнутри с большой откровенностью и горечью пишут на страницах газеты "Московские новости" (от 3 декабря 1989 г.) два русских православных священника — о. Сергей Попов и о. Михаил Ардов.

Отец Сергей указывает на то, что у Церкви до сих пор нет статуса юридического лица — всякие фонды милосердия фактически незаконны. До сих пор всяческая дискриминация верующих считается нормальным делом. Власти согласны терпеть верующих уборщиц и сторожей. А что будет с ректором университета или даже директором прачечной, если они открыто проявят себя как верующие люди? — спрашивает отец Сергей. И отвечает: "Их тихо снимут или громко выгонят".

Священник Михаил Ардов с горечью пишет о декларации 1927 года, в которой тогдашний глава РПЦ митрополит Сергей (Страгородский) был вынужден заявить, что интересы откровенно богоборческого в те времена советского государства и Церкви тождественны: "Ваши радости — наши радости". В 70-е и 80-е годы, — пишет о. Михаил далее, — была предпринята другая попытка советской власти "поднять" под себя Церковь. Это было стремление создать некий феномен "советского попа" — священнослужителя, который христианские убеждения соединял бы с марксистскими. "Эксперимент этот потерпел полное фиаско, — пишет отец Михаил, — создать подобный феномен оказалось невозможно, зато сравнительно легко было вырастить значительное число беспринципных священнослужителей".

Православный богослов и историк Церкви, умерший в 1951 году в эмиграции, Г. П. Федотов назвал религиозную свободу, невмешательство властей в духовную жизнь граждан "поздним и хрупким цветком культуры". Как медленно прорастает этот цветок в ленинской державе, как хрупок он!

Причина общей беды

Александр МАЗУРИН

Запущенная Горбачевым перестройка открыла возможность бороться за свои права не только героям, но и "простому" человеку. Однако слишком долго и упорно выкорчевывалось гражданское сознание в нашей стране, и общественная активность лишь медленно набирает силу. Даже в столицах освободительное движение находится в стадии становления, а в провинции подчас и до этого еще не дошло.

По-иному обстоят дела, однако, в странах Прибалтики, где уже виден расцвет демократических сил.

Эстония, Латвия, Литва идут в авангарде демократических преобразований. И это не случайно. За неполные 50 лет коммунистической оккупации не успели погибнуть в этих странах демократические традиции. Живы еще люди, которые могут рассказать о прежних условиях. К тому же сказалась близость к "загнивающей" Европе с ее "буржуазными" понятиями свободы и демократии. Поэтому идеи национального возрождения и государственной независимости легко и быстро стали скрепляющей силой политической оппозиции в этих странах.

Возможна ли победа над тоталитаризмом только в одной части нашей страны? Ответ на этот вопрос, как и анализ возможных ошибок, помогут дальнейшей разработке стратегии и тактики общей освободительной борьбы.

Успехи освободительной борьбы в прибалтийских странах – бесспорны. Читая о них в независимых изданиях, слушая по западному радио, мы поражались быстрому развитию освободительного процесса. Летом 1989 года Народные фронты Эстонии, Латвии, Литвы открыто признали свою главную и конечную цель: полная политическая независимость от Союза советских социалистических республик (ранее скрываемую за требованиями экономической автономии). Даже умеренные либералы не побоялись стать на эту позицию. Центральная власть вынуждена была признать существование "секретного протокола" – плод позорной сделки между Сталиным и Гитлером (факт, известный всему миру и лишь в СССР до сих пор скрываемый). А события, которыми в этих трех странах отмечалась 23 августа годовщина этой сделки, можно считать триумфом всего движения. Эстония, Латвия, Литва – если еще и не стали свободными, то уже перестали быть советскими...

Казалось бы, успехи прибалтийских народов на пути к демократии должны радовать нас всех. Тем не менее, отношение русского человека к этим успехам далеко не всегда однозначно. Сказываются разные причины, чаще всего – эмоциональные: будь то обида за свою собственную судьбу, будь то гнев против виновников своего тяжелого положения, будь то недостаточно прозревшее политическое сознание. (Меньше всего тут слепого великодержавия.)

Существует, например, такое мнение: жили, мол, прибалтийские народы хорошо, жили лучше нас – а теперь еще и отделиться хотят...

Есть и другое мнение. В первые годы своего существования держалась, мол, советская власть на штыках латышских стрелков, в карательных отрядах власти преобладали латыши, эстонцы, поляки, евреи... И что же? Насадив у нас социализм, сами отделились и устроили у себя капиталистические порядки. А нас в это время в сталинских лагерях гноили...

И получается, что вроде поделом их захватили и отпускать их нельзя?

Но отошлем в идейный лагерь КПСС тех, кто склонен ненавидеть целые народы только за то, что среди них были отдельные мерзавцы (число таких мерзавцев роли не играет, так как подобная позиция – принципиальная). Подробнее останавливаться на этих воззрениях смысла не имеет – кто не хочет понять, тот все равно не поймет... Тем более, что есть проблемы куда более важные.

Что делать России в обстановке нарастающей национальной неприязни? Ведь действительно, русскому человеку обидно: кто только не хочет от нас отделиться. Вполне серьезно об этом говорят на Украине. Об отделении начинают говорить даже в Сибири... Тем более обидно, что далеко не все, кто сегодня так страстно стремится к отделению, в прежние времена об этом помышляли. И во всяком случае, такое стремление не имело столь массового характера, как сегодня. Так на ком же лежит вина – на русском человеке? На истории России?

Причина общей беды – "национальная политика" коммунистической власти, подавившая все народы бывшей российской империи, включая и русский. Это она насильно "объединила" их в свою национально-безликую советскую империю. Уж слишком свирепо сумели нахозыничать в нашей стране большевики, породив национальные конфликты там, где их ранее не было, восстанавливая народы и против русских, и друг против друга.

Но поставим и другой вопрос: может быть, отделение от России других республик (иными словами – распад советской империи) пойдет нам, то есть России, на пользу? За долгие десятилетия коммунистического владычества была разрушена национальная ткань бытия всех народов. Восстановление ее – нелегкая, но неизбежная задача. Историческая же память у каждого народа своя, а потому и восстановление ее не может проходить коллективно. Каждый народ должен пройти самостоятельно путь углубления в свое национальное сознание. Это относится и к нам, русским. Только пройдя путь осмысления своей истории, мы отделаемся от наносного, эмоционального и вернем потерянное здоровое отношение народов друг к другу. И тогда вполне естественно встает вопрос: разве возрождение национального самосознания неизбежно означает отторжение от России?

Конечно, всем народам принадлежит право и свобода выбора – быть с Россией или без нее. Но с теми народами, которые на свободном плебисците выразят желание быть с Россией, у нас будет исторически важная и нравственно объединяющая задача: совместно восстанавливать общероссийские ценности, загубленные в роковые десятилетия "пролетарского интернационализма".

Почему еще очень многие так боятся слова "национализм"? Ведь настоящий национализм – это прежде всего сознание ценности своей национальной культуры и истории. А если считать, что эти ценности духовного порядка, то из этого естественно следует уважение национальных ценностей других народов. И такой национализм ничего общего не имеет ни с антисемитизмом, ни с шовинизмом – русским или любого другого народа. Но даже в журнале "Посев" слово "национализм" употребляется подчас в отрицательном контексте. А ведь НТС – глубоко национальная организация! Что же касается советской пропаганды, то она опорочивает национализм не зря: власть прекрасно понимает, что здоровый национализм – единственная альтернатива коммунистическому интернационализму, и что только национальная идея способна поднять народ на освобождение от тоталитарного владычества компартии. Неудивительно поэтому, что власть, клеймя национальные движения народов, навешивает на них ярлык национализма с большим рвением, чем клеймо антисоветизма.

Настойчивыми усилиями большевиков национальный вопрос стал для России самым болезненным и кровотоющим. Стоит кому-либо из народов поднять голову и выступить за свои национальные права, как тотчас власть бросает в этот очаг искру национальной розни, натравливая азербайджанцев на армян, абхазцев на грузин, русских на прибалтийские народы и наоборот. Натравливает, чтобы гнев измученных народов запылал именно этим пламенем, чтобы кровавые столкновения, подогреваемые национальной ненавистью, затемнили в их сознании идеи национальной независимости и культурного возрождения. И там, где существуют взаимные обвинения шовинистов, будь то русских, латышских, азербайджанских или других, в том, что одни помогали насаждать большевистский строй, а другие насаждали русский язык, мы со скорбью должны признать: да, интернациональный социализм своей цели добился!..

О том, как русский народ проявляет свою солидарность с другими поработенными народами, можно судить хотя бы по демонстрации в Москве 23 августа 1989 года, организованной Демократическим Союзом в 50-летнюю годовщину пакта Молотова – Риббентропа. Следует отметить, что мероприятия ДС в защиту других народов бывают самыми массовыми. А как проявляют свою солидарность другие народы? Что-то не приходилось слышать о том, чтобы кто-либо кроме русских отмечал трагичные для всех народов страны даты Октябрьского переворота или введения Красного террора. Становится как-то неловко от такой политической близорукости: с одной стороны, вызывает тревогу сопричастность русских к "чужой" трагедии, а с другой, – полное безразличие к трагедии общероссийской. К этому еще стоит добавить, что ряд народов виновником своих национальных бед считает Сталина. Согласны, прибалтийские народы пострадали от сталинизма. Но нельзя все же забывать, что общая национальная катастрофа – следствие ленинской политики.

Чтобы вырваться из заколдованного круга национальных конфликтов, взращенных социалистическим строем, поработенным коммунизмом народам надо обернуться лицом друг к другу и начать совместную борьбу за общее наше освобождение.

Сохранить государственное мышление

Круглый стол по национальному вопросу

По инициативе редакции журнала "Посев" в Мюнхене в октябре 1989 г. состоялась беседа на тему "Национальный вопрос в СССР сегодня". В ней приняли участие Г. Анищенко, Э. Оганесян, С. Солдатов. Ведущим и одновременно участником дискуссии был член редколлегии "Посева" М. Назаров. Кратко представляем участников.

Глеб Александрович *Анищенко*. Филолог, в 1979 году окончил филологический факультет МГУ. Преподавал литературу в школе, но вскоре ушел, поняв невозможность для себя следовать официальной программе преподавания. Работал сторожем. С начала 1980-х годов написал ряд литературоведческих статей, но все они, естественно, не могли увидеть свет на страницах официальных изданий. С 1986 года соиздатель и автор московского журнала русской христианской культуры "Выбор".

Михаил Викторович *Назаров (Пахомов)*. Назаров - журналистический псевдоним по фамилии деда-офицера, расстрелянного чекистами. Родился в Донбассе, вырос на Северном Кавказе, после техникума работал в Арктике. После окончания московского инъяза был послан на строительство завода в Алжир; там у него произошел конфликт с КГБ, в результате чего он в 1975 году бежал с семьей на Запад. В 1978-1987 гг. работал в издательстве "Посев", сейчас - независимый журналист. Член редколлегии "Посева" с 1978 года.

Эдуард Ваграмович *Оганесян*. В 1972 году остался на Западе. До этого был директором одного из учреждений Академии наук Армении, доктор технических наук, депутат горсовета. На Западе основал Институт армянских проблем и избран директором этого института. Главный редактор армянской редакции радио "Свобода". Автор многих статей в "Посеве".

Сергей Иванович *Солдатов*. В 1960 году окончил Политехнический институт в Ленинграде, работал инженером в Эстонии, потом преподавателем политехнического института. С 1969 года принимал участие в деятельности подпольной группы, которая называла себя Демократическим движением Советского Союза. В 1974 году арестован, приговорен к 6 годам заключения. В 1981 году освобожден и через 2 месяца под давлением КГБ был, по сути дела, выслан вместе с супругой за границу. По приглашению секции "Международной амнистии" поселился в ФРГ. Журналист, автор ряда статей и книги "Зарницы возрождения".

М. Н.: Глядя на нас, собравшихся, Эдуард Ваграмович уже правильно заметил, что особого разногласия не получится. Все же я наметил несколько вопросов, в которых могут выявиться разные политические точки зрения.

Одну из своих статей Э. Оганесян как-то начал замечанием, что в мире более 800 наций и столько же национальных вопросов. У

одних разделена родина, другие ее вообще не имеют, у третьих внутригосударственные конфликты. Так что наши национальные вопросы, конечно же, не исключение. Даже в демократической Западной Европе национальные проблемы существуют – в Испании, Бельгии, Великобритании, на Корсике...

Но национальный вопрос в СССР, несомненно, приобретает сегодня особо важное значение – если не для всего мира, то по крайней мере для Европы. От его решения зависит не только облик будущего Российского государства, но и ближайшее настоящее, сам ход перемен. Этим я и предлагаю очертить проблематику нашей сегодняшней беседы – теоретическое пространство между сегодняшним и будущим состоянием России.

Мой первый вопрос. Центробежные, сепаратистские тенденции, которые мы сегодня наблюдаем, – насколько они следствие коммунистического режима? И насколько это естественный процесс, который, может быть, начался еще до революции? Какой процент здесь одних причин, какой процент других?

Э. О.: "Перестройка" выявила очень серьезные проблемы в национальном вопросе, которых мы не знали. До "перестройки" предполагалось, что если национальный вопрос в Советском Союзе не решен, то он не решен в отношениях русско-нерусских народов. Нерусские народы создавали такую атмосферу, что Россия и коммунистическое руководство – одно и то же; что есть русская империя, и все малые народы в нужный момент дружно объединятся и будут бить русских.

Когда же перестройка дала какую-то свободу нациям высказывать свои мнения, говорить о своих обидах, то вдруг оказалось, что, скажем, армяне Карабаха мечтают отделиться от азербайджанцев и присоединиться если не к Армении, то к России. Осетины хотят уйти из-под власти грузин и присоединиться к Северной Осетии, то есть к России. Месхи мечтают уйти из Узбекистана и предпочли получить где-то в России свою самостоятельную территорию. То есть оказалось, что русско-нерусские отношения в своей конфликтности даже намного слабее, чем нерусско-нерусские, скажем, армяно-азербайджанские, грузино-абхазские, осетино-грузинские и т. д. Это позволяет нам совершенно по-новому посмотреть: кто же виноват, что наши народы оказались в такой сложной ситуации.

Но здесь нужно, по-моему, отметить один очень важный фактор. Русские все-таки имели преимущество по сравнению со всеми другими народностями – в том отношении, что у русских сохранилось государственное мышление. Сегодня Горбачев, завтра придет какой-нибудь Иванов, но остается русское государственное мышление с Министерством иностранных дел, дипломатией и т. д. Тогда как все другие национальности не имеют ни государственного мышления, ни дипломатии, и даже если они сегодня окажутся независимыми, то, как это показывают события в Карабахе, там такие дети придут к власти, что их независимость будет совершенно беспомощна.

Эта утрата государственного сознания, конечно, произошла потому, что советская власть захотела нивелированием создать единый советский народ. Вот в этой части вопроса, я считаю, виновата действительно советская власть. Например, – самая мне близкая проблема – почему Карабах и Нахичевань были включены в состав Азербайджана? Только потому, что этого захотела советская

власть, считаясь с Кемалем Ататюрком и т. д. Русское или, скажем, советское политическое мышление руководствовалось совершенно естественно своими интересами, и из-за этого малые народы потеряли свою национальную самостоятельность.

В духовном и культурном отношении тоже советская власть виновата. Потому что те ценности, которые имели нации до советизации – религия, искусство, философия – все это было срезано под одну гребенку. Провозгласив дружбу народов, советская власть сделала все, чтобы народы не дружили.

С. С.: Полностью присоединяюсь к тому, что сказал Эдуард Ваг-
рамович. Хочу только добавить, что перестройка не только выявила противоречия между отдельными народами, но и дала им возможность заявить о своих национальных чаяниях, о своих национальных задачах. Например, у прибалтийских народов, помимо отрицательных чувств к Советскому Союзу и к русским, выступают еще два фактора.

Первый фактор – воспоминание о собственной государственности, которая худо ли бедно ли, но просуществовала двадцать лет. Конечно, со всеми критическими явлениями и трудностями, которые были. Но все-таки такое воспоминание стереть из памяти народной невозможно. И сейчас, когда возникла возможность добиваться большей самостоятельности, Прибалтика об этом очень четко заявляет.

И второй фактор, который вошел в память народную – это те страшные репрессии, которые обрушились на эстонцев, латышей и литовцев. Нужно учесть, что это все-таки малые народы. Эстонцы – не более миллиона, латыши – два миллиона, литовцы – не более трех. И если эти народы в результате репрессий теряют до одной трети своего состава, то такая вещь фиксируется в памяти народов не в меньшей степени, чем турецкий геноцид, который сохранился в памяти армян. Если отношения между русскими и эстонцами, латышами и литовцами на рубеже века были очень неплохими, то события, которые начались с 1940 года, посеяли такие семена вражды, которые никакая другая злая сила не была бы в состоянии сделать. И, к сожалению, в народном видении все, что сделала коммунистическая власть, ошибочно отождествляется с русскими. Русским, как центральному народу, приходится поневоле выступать в роли какого-то ответчика за коммунистические репрессии.

М. Н.: То есть Вы считаете, что советский период представляет собой совершенно иную эпоху во взаимоотношениях между народами, которая качественно не сравнима с тем, что было до революции, и именно этим объясняются сегодняшние центробежные тенденции?

С. С.: Безусловно. Скажем, эстонцы как нация и раньше были под влиянием двух культур – немецкой и русской. Последний президент эстонской республики Константин Пятс был православным, из православной семьи, – и никого это не шокировало. Сегодня же этот факт национальные круги не любят упоминать...

М. Н.: Мы вернемся еще к факторам общности российских народов. Я хотел бы услышать ответ Глеба Александровича на первый, основной вопрос: насколько в сегодняшних сепаратистских движениях мож-

но видеть естественный рост национальных самосознаний, и насколько это последствия коммунистического режима?

Г. А.: Действительно, у нас вроде бы нет серьезных разногласий, тем более что Сергей Иванович несколько подправил то, о чем говорил Эдуард Ваграмович. Я имею в виду частое отождествление советской власти с русской. У Эдуарда Ваграмовича было несколько таких оговорок, скажем, о русской или советской системе мышления. Все-таки я настаиваю, что это принципиально разные вещи. Русский народ меньше, чем любой народ, имеющий свою республику, сохранил свое государственное мышление. Ему прививалось другое мышление — советско-державное, от русских же представлений о государственности не осталось ничего. И своего государства русский народ не имеет. Это стало очевидным сейчас, когда совершенно непонятно, что называть Россией. Включать сюда чукчей, нанайцев? Россия это или нет? Это практически не ясно и для русских. Так что русское государственное мышление не сформировалось.

Теперь ответ на поставленный вопрос: являются ли национальные противоречия порождением советской системы, либо они имеют естественную природу? Я думаю, что этот вопрос сейчас не имеет решения. Так как весь государственный организм совершенно нездоров, невозможно выяснить, как могли бы развиваться национальные взаимоотношения в здоровом организме. Как бы складывались отношения между армянами и азербайджанцами, если бы они не были поработены советской государственностью? Национальные проблемы существуют во всех многонациональных странах. Поэтому этот вопрос неразрешим не только на уровне нашей беседы, он неразрешим сегодня в сознании самих народов.

Очень многие представители народов СССР думают, что если они отделятся, их проблемы сразу решатся. Такая направленность мышления вполне понятна, но она не очень серьезна. Когда, особенно прибалты, говорят о своем отделении, а я беседовал со многими, им сразу рисуется некий золотой век, что сразу на помощь придет сердобольный Запад — и Эстония станет такой же страной, как Финляндия. Есть объективные факты, которые ставят под сомнение эти мечты. Поэтому я думаю, что все национальные вопросы в нашем государстве не могут сейчас быть решены, потому что они неизбежно будут решаться на нездоровой почве. Они не могут быть решены прежде вопросов политических и идеологических. Только когда страна освободится от единого врага всех народов — от коммунистической системы, — мы действительно увидим, могут ли ужиться латыши с казахами или нет. Может быть, не могут, и нужно искать какие-либо другие формы. Ведь вопрос не встает только так резко: либо вместе, либо совсем отдельно. Возможны какие-то формы федерации, конфедерации и т. д. То есть решать эти болезненные проблемы нужно, как они решаются всем остальным человечеством.

М. Н.: Предлагаю следующий вопрос: русское национальное самосознание, его проявления, положение русского народа. Как это хорошо описал в одной из статей в "Посеве" Роман Редлих, в русском национальном самосознании можно увидеть две взаимодополняющих составляющих, а именно: 1) сознание *российское*, то есть многонациональное, территориальное, имперское, начавшееся еще в Киевской Руси, которая состояла из разных племен и, расширяясь, вбирала в

себя на севере и на востоке племена и неславянские; и 2) самосознание *русское*, которое ярко проявилось после татарского порабощения, в Московской Руси, где именно эта составляющая русского национального самосознания выступила на первый план. В дальнейшей истории, с ростом Российской империи, опять вышло на первый план многонациональное сознание российскости, появилось само слово Россия.

В сегодняшнем Советском Союзе, одновременно с нарастанием сепаратистских тенденций в республиках (я тоже считаю, что их основная причина – преступления коммунистического режима), мы видим и аналогичное явление изоляционизма в среде русского народа. И психологическая его мотивация схожа: если, скажем, прибалты утверждают: "нас эксплуатируют русские, все лучшее вывозят себе, мы их кормим", – то то же самое можно слышать в русской среде: "мы кормим всех и поэтому плохо живем". Оба типа объяснений, конечно, наивны. Но отвлечемся от них: считаете ли вы сегодняшний русский изоляционизм положительным явлением или отрицательным – как для процесса реформ, так и для возникновения здорового Российского государства?

Э. О.: Я считаю, что здоровый русский национализм в итоге должен привести к изоляционизму. Это очень здоровое чувство, на основе которого может очень многое исправиться. Почему?

Вот живут рядом разные нации. Скажем, армянская республика, она, как и все, не имеет своей национальной экономики. Ведь что значит национальная экономика? Если моя республика работает лучше, чем соседняя, мы должны и жить лучше. Как на Западе: немцы живут лучше, чем французы, французы лучше, чем итальянцы. Хотя у всех система та же самая – демократия. Народ более талантливый, трудолюбивый, организованный должен иметь возможность проявлять свои качества и иметь что-то от этого.

Между тем, советская власть кастрировала всех, и в первую очередь русских. Им пришлось выполнять чуждую их духу роль.

Каждая из наций должна иметь возможность развиваться согласно своим особенностям. А это не всегда "культурный рост" в одинаковом направлении, есть и обратные желания. Например, мой друг татарин, когда ему русские говорили: "Слушай, мы же тебе оперу дали", – замечал: "А мне плавать на твою оперу. Я не хочу. Я хочу пасти овец в горах, и оставьте меня в покое. Ни оперы не хочу, ни симфонии не хочу". Так говорил и Хомейни. Он, например, запретил европейскую классическую музыку...

Наверное, это их дело и пусть они развиваются, как хотят. Но советская власть не дала ни одному народу развиваться по-своему, нивелировав все национальные культуры. Это было плохо для всех, и в первую очередь для русских: на них взвалена вся ответственность. Вот почему я считаю, что когда русские хотят выделиться – это очень здоровое чувство. Только здоровый национализм и спасет Россию.

Ведь как все другие империи лишились колоний? Не потому что англичане или французы были такими добрыми. Нет, они поняли, что колонии уже им мешают. Поэтому они им разрешили уйти. И теперь русский националист задумывается: нужно ли России тратить миллиарды на защиту границы между Арменией и Турцией? А там находится сто МиГов, каждый из которых стоит несколько миллионов.

Пусть армяне свою границу и защищают, скажет он. А вот когда мы, армяне, не сможем защитить, когда мы попросимся к России, как всегда бывало, то Россия, будучи благородной страной, скажет: "Иди, мой христианский брат, я тебе помогу". Сейчас же нужен именно изоляционизм, потому что это все наследие тяжелым бременем лежит на русских плечах. Я очень был бы доволен, если бы в России развивался русский здоровый национализм.

М. Н.: А как же в таком случае быть с российской составляющей в русском национальном самосознании? Которую Достоевский определил как "всечеловечность" русских, то есть способность к сверхнациональным объединениям с другими народами? Конечно, можно считать, что прошлое не возвращается, то, что было, то было - в том числе многонациональная российскость и Российская империя. Сегодня может возникнуть сообщество народов только на новых основаниях. Однако компонент многонациональности, или сверхнациональности, в русском национальном самосознании существует неотъемлемо и, видимо, сохранится. Ведь в любом случае какие-то народы не захотят (а анклавов не смогут физически) отделиться от России, и она останется, в той или иной форме, многонациональной страной. Глеб Александрович, что вы думаете по поводу этой второй, российской, составляющей?

Г. А.: Не так давно я был на конференции по национальному вопросу в Москве, которую устраивало общество "Мемориал". Там критик "Советской культуры" Аскотский сказал: "Какая, к черту, "всечеловечность", о которой прожужжали нам уши! Сейчас "всечеловечность" русского народа воплотилась в генерале Родионове, который убивает грузин".

Я думаю, это недобросовестная спекуляция. Всечеловечность русского народа, о которой говорил Достоевский, может существовать только на почве православного мировоззрения, только на христианской почве как основе русского национального самосознания. Только тогда можно говорить о всечеловечности как сверхзадаче нации, как ее ответе Богу-Творцу.

Поэтому я считаю, что ставить сейчас вопрос о всечеловечности, когда решается вопрос о территориях других народов, бессмысленно. Для того чтобы поставить этот вопрос, нужно прежде всего возрождение русского национального самосознания. Всечеловечность не может родиться из нуля. Просто так, от так называемого советского патриотизма, можно перейти только к космополитизму, а не к христианскому пониманию всечеловечности. Поэтому сейчас встает вопрос о том, о чем был поставлен предыдущий вопрос и о чем говорил Эдуард Вагграмович: о новом формировании русского национального самосознания.

Этот процесс, пожалуй, самый серьезный, который идет сейчас в России. И рост национального самосознания, и русское религиозное возрождение - это практически единый процесс, во всяком случае, имеющий общий центр. Хотя он идет в очень трудных условиях. Дело в том, что коммунистическая экспансия на территории российской державы имела эпицентром именно русский народ. Он был уничтожен как таковой в смысле своего национального самосознания. Доказать это совсем не трудно: если в конфликтной ситуации встречаются два армянина, два эстонец или два казаха, они могут

подражаться, но в самой крайней ситуации вспомнят, что они оба армяне, эстонцы или казахи. У русских не так. Все поражаются той человеческой нечуткости, которая царит в России: у русских нет этого объединяющего национального сознания, большинство из них ни на какой стадии конфликта не вспомнят, что они оба русские. Их это не соединит даже перед лицом другого народа. Если дерутся два армянина и подскочит азербайджанец – армяне объединятся, а русские – нет.

Процесс этот очень сложный, и не нужно удивляться, что он идет медленно и со всякими искажениями. Обстановка у русских осложняется и тем, что все остальные народы были к русскому возрождению не готовы. Когда стало формироваться русское самосознание, то и на Западе, и представители нерусских народов в СССР часто говорили: "Ну, если русские, значит это фашизм". То, что при излечении национального сознания появляются и крайние течения, даже доходящие до фашизма, – неизбежно. Это происходит всегда в любой нации; в любой республике и сегодня есть проявления шовинизма. Это же происходит и в России, но только не нужно это раздувать. Нужно обращать внимание прежде всего на здоровые элементы. Потому что при том скопище "Иванов, не помнящих родства", каким сейчас, как мне ни больно об этом говорить, выглядит русский народ, добра не будет и другим народам.

М. Н.: Хотя я ведущий, позволю себе высказать и свое мнение. Глеб Александрович правильно сказал: не от советского интернационализма возможен переход к христианской всечеловечности, которая все же была до революции в той или иной степени присуща русскому национальному самосознанию – и именно поэтому русская империя отличалась от других, она иначе возникала, на иных принципах строилась. Сегодня возможен переход к этой всечеловечности только путем восстановления и развития русского национального самосознания во всей его полноте, в котором как его неотъемлемая часть и содержится всечеловечность.

Думаю, что решение сегодняшней национальной проблемы (хотя, может быть, многим русским патриотам, особенно в эмиграции, это и не видится так) вообще заключается в восстановлении каждым из народов нашей страны своей подлинной духовной культуры – только после этого мы можем снова, на каком-то новом уровне, искать пути возможного единения, если оно нужно. Это и определит форму и границы нашего будущего государства. Вы, Сергей Иванович, что-то хотите добавить к этому?

С. С.: Русский народ представляется мне в виде могучего дуба, у которого образовалось огромное дупло – оттого, что русский народ отдавал много сил на строительство многонационального государства, постепенно теряя то, что составляет сердцевину любого здорового национального бытия. То есть, теряя свои идейные и моральные ценности. Поэтому, когда говорят, что в самоопределении нуждаются все народы, кроме русских, я обычно протестую. Я думаю, что в самоопределении нуждается и русский народ. Если у нерусских народов самоопределение сводится к расширению политического, экономического, социального и культурного суверенитета, то самоопределение русских, мне кажется, имеет ту особенность, что Россия должна не только демократизироваться, не только вести успешнее

социально-экономическое строительство, но и восстановить свои утраченные духовные и нравственные ценности. То есть пережить духовно-нравственное возрождение. Это – цель русского национального самоопределения.

Э. О.: Вы все правильно говорите. Но так же не бывает, что жил народ без абсолютных и национальных ценностей, и вдруг в один прекрасный день пришел Горбачев, объявил "перестройку", и мы, перестраиваясь, заодно приобретаем наше национальное самосознание. Я думаю, что это длительный процесс, и русский дух должен восстанавливаться именно на основе служения таким абсолютным ценностям, как свобода и самоопределение.

А русский народ сейчас как бы выступает в роли судьи. Мол, "как это так, наши предки по крупiciам собрали такую империю, а наше поколение должно ее разбазарить?" Русские чувствуют на себе какую-то ответственность за эту огромную страну, за единую советскую государственность, и эта ответственность не позволяет им сегодня руководствоваться общечеловеческими, абсолютными ценностями.

Вот конкретный пример. Абсолютную чушь говорит азербайджанская Академия наук. Академик Бунинатов доходит до утверждений, что армян вообще не существовало, что это вообще не нация. Армянская сторона возражает, что все не так. Но почему же русская интеллигенция, русские историки, взяв на себя обязанность помирить, не встанут и не скажут Бунинатову – как он может такое говорить? Кроме разве что Сахарова, Старовойтовой, русская Академия наук молчит. А нет, чтобы, руководствуясь абсолютными ценностями, сказать свое решительное русское слово. Вот с этого должны бы, я думаю, русские начать развивать свое национальное самосознание.

Г. А.: Извините, пожалуйста, Эдуард Ваграмович. Мне показалось, что в вашем выступлении некоторая алогичность. Вы говорите, с одной стороны, что русские не должны себя чувствовать судьями в других национальных проблемах, с другой стороны, Вы говорите, что русские должны сказать свое решающее слово.

Э. О.: Поясню. Когда речь касается политических, государственных вопросов, русские не должны быть судьями всем, не должны убивать грузин лопатками, если те хотят отделиться. Но когда речь идет о моральных ценностях и исторических фактах, в которых нет никакой политики, то русские ученые должны сказать свое слово. Ведь и по Достоевскому, и мы сами знаем, что талант русского народа заключается в том, что он чутко воспринимает абсолютные ценности, такие, как добро, вера... И вот этого как раз мы не видим, чтобы русские с этой стороны участвовали в национальных конфликтах и проявили свое моральное восприятие.

М. Н.: Замечание Эдуарда Ваграмовича об ответственности русских за советскую государственность затрагивает очень болезненную проблему сегодняшнего состояния русского патриотизма: так называемый национал-большевизм. То есть сращенность интересов русского национального самосознания с интересами партии и коммунистической государственности. Западные советологи, да и большинство наших западников, объясняют это явление то "врожденным

русским рабством", то "византийским православием", то любовью к Сталину... Думаю, что явление это очень сложное, и нужно сказать хотя бы несколько слов о его истории.

Оно возникло снизу, как этап пробуждения русского самосознания после его запрета и разрушения. Но развивалось оно почти вслепую, в духовном вакууме. И в тех формах, которые были возможны в тоталитарной стране с интернационалистической идеологией. Было и встречное движение сверху – потому, что верхам номенклатуры огромная советская империя на основе русского языка придавала чувство гордости, заставляла наделять эту империю "настоящими" имперскими признаками и "русскими" национальными чертами, как это было в последний период сталинского правления. Было воздействие и сбоку: языковая русификация заставляла меньшие народы видеть в русских врага и оккупанта – это в какой-то мере тоже толкало русских в объятия коммунистической власти, заставляло их отождествлять свои интересы с интересами "защитницы"-партии. Решающим "боковым" толчком в этом направлении стала война, гитлеровское провозглашение русских "унтерменшами" – все это поставило народ перед выбором, когда защита коммунистического режима показалась меньшим злом, чем гитлеровский геноцид.

Конечно, были русские люди, которые иначе смотрели на проблему: например, генерал Власов и власовское движение. И не только потому, что им ничего другого не оставалось в немецком плену, но и по личному выбору. Многие из них пережили такое, что считали сталинский режим величайшим злом по сравнению с гитлеровским, который существовал всего лишь несколько лет...

Но я не хочу вдаваться в историю, я хочу лишь подчеркнуть сложность столь противоестественного явления, как национал-большевизм. Как объяснить его сегодня, когда коммунистическая идеология явно обанкротилась? Как понять литераторов, которые все еще не способны разделить русское и советское; которые о национально-государственных интересах России говорят терминами антинародной идеологии? Партия это, естественно, поощряет. И если раньше для этого эксплуатировалась победа в последней войне, которая дала, может, единственный пример, когда интересы партии и народа в чем-то совпали, то теперь уже партия ставит себе в национальную заслугу и "перестройку"...

Возникает естественный вопрос не только у иностранных советологов: как к этому относиться? Должны ли мы считать, что русский патриотизм в данном случае – последнее средство партии для привязи интересов народа к своим интересам, или же это естественное средство национального самосознания, чтобы болезненно преодолеть этот режим, прорасти через него, через идеологию, через коммунистические структуры? Сергей Иванович...

С. С.: Патриотическое чувство в русском народе всегда было очень сильным. К идеологиям, скажем, к марксизму, оно относилось гораздо прохладнее, нежели к приобретенному с молоком матери чувству любви к своей стране. Но мне кажется, что марксистская идеология, не став духовной пищей для настоящего русского человека, в то же время сделала дьявольскую работу, превратив прежний религиозно окрашенный патриотизм в грубо-атеистический.

М. Н.: До "перестройки" было так, как Вы говорите. Но сегодня и религиозный патриотизм, и религия начинают эксплуатироваться партийной властью. Понятно, что партии ничего другого не остается, ведь религиозно-патриотические настроения растут сами, а не по замыслу КПСС, как полагал в свое время Чалидзе. Партия здесь лишь реагирует на развитие событий, но характерно, что сегодня она уже вынуждена искать модус вивенди с развившимся религиозным патриотизмом. Сможет ли коммунистическая идеология ему противостоять?

С. С.: Я хочу сказать, что в любом случае одной из составляющих духовно-нравственного возрождения и должно быть видоизменение русского патриотизма. От грубо-атеистического к религиозно-общечеловеческому, который исходил бы из вечных христианских ценностей и видел бы в каждой другой нации своего ближнего, как это заповедано христианством. Что касается советского патриотизма, я считаю, что это просто надо изжить, это большая национальная трагедия России. Это крупнейшая историческая ошибка. Народ дал себя обмануть и оказался во всех отношениях у "разбитого корыта".

М. Н.: Согласен. Но все-таки сегодня мы видим, что этот процесс еще далек от завершения, от изживания, очищения. А мой вопрос касается именно нынешнего переходного периода. Хочу поставить этот же вопрос Глебу Александровичу: кто здесь больше выигрывает, партия – или же русские национальные силы?

Г. А.: Сергей Иванович сказал практически все, что я хотел сказать. Русская идея создана в лоне православной культуры. Без этого стержня о подлинном русском патриотизме речь идти не может. Поэтому в национал-большевизме я вижу сознательную подмену одного явления совершенно другим, принципиально противоположным.

Что же касается нынешней ситуации, то корень вопроса в этом же: если патриотизм будет осознаваться в языческом плане, не на христианской основе, то это может привести к одному из последних обманов, который большевики преподносят обществу. Какая-то, я надеюсь, недолговременная, смычка патриотов и большевиков, быть может. Но я не думаю, что это надолго, потому что русский патриотизм развивается сейчас именно в рамках православия. Я имею в виду здоровое направление русского патриотизма. И тогда неизбежен конец режима и идеологии с ее советским патриотизмом.

Вы, Михаил Викторович, сказали о поиске партией союзников в религии. Да, такие поиски есть и даже, к сожалению, с двух сторон идут. Некоторые клирики тоже пытаются вступить в союз с коммунистами. Вот у меня напечатанное интервью со священником Юрием Персиановым, который говорит, что христианство и коммунизм никак не противостоят друг другу, что главное – создать некий симбиоз между коммунизмом и христианством... Но я думаю, что это к православию не имеет отношения, это на совести тех людей, которые это говорят. Примирить Бога и дьявола невозможно.

М. Н.: В качестве ведущего я, конечно, вынужден сдерживаться, ставить вопросы, не давая своих ответов, чтобы услышать ваше

мнение. Но эта проблема, конечно, меня тоже волнует. И я отмечу еще один фактор, который нужно применить к ответу на поставленный мною вопрос: кто больше выигрывает?

В ситуации, когда режим наступал, развивался, укреплялся, подобное явление симбиоза – скажем, "обновленчество" в 1920-е годы, патриотизм в 1940-е – возникало по сознательной воле режима. Это было наступление режима на Церковь – с целью ее разложить, и на патриотические силы – с целью их оседлать. И они шли на компромиссы с властью как силы более слабые, поддающиеся дикой физической силе террора.

Я думаю, что сегодня ситуация иная. Сегодня режим в отступлении, а в наступлении непобежденное идеологией религиозно-национальное сознание. И в этих условиях, мне кажется, что внедрение национально-религиозной проблематики в жизнь общества приводит к важнейшим переменам. Что русское национальное самосознание, идя на какие-то вынужденные компромиссы, все-таки расширяет поле своей деятельности, завоевывает территорию, заставляет партию идти на все больший демонтаж идеологии. При всех моральных издержках эволюционизма можно отметить постоянный прогресс в этом отношении.

Вопрос только вот в чем: какие компромиссы оправданны, какие неоправданны. Скажем, сегодня благодарить за "возврат к ленинским нормам", как это делает церковное руководство, мне кажется неоправданным и даже кощунственным. Такими же мне кажутся попытки многих неплохих авторов представить Ленина национальным героем. Сегодня их уже никто не тянет за язык, ведь можно просто молчать, не упоминать Ленина. И когда не молчат в такой ситуации – это становится опасным.

Этот же вопрос к Эдуарду Вагграмовичу с предложением рассмотреть его не только в отношении русского народа, но и в отношении армян, потому что армянская эмиграция, с очень развитым национальным чувством, кажется, уже давно стоит перед аналогичной проблемой.

Э. О.: Прежде всего, для меня совершенно ясно одно. Многим это ясно, но почему-то об этом никто не говорит: без участия русского народа ни один волос с головы советской власти не упадет. Наивно предполагать, а многие так предполагают, что могут объединиться грузины, азербайджанцы, эстонцы и свергнуть советскую власть. Это просто детский лепет. Единственный народ, который может свергнуть советскую власть, это – русский народ.

Но эту ситуацию прекрасно понимает и сама власть. И понимая это, видимо, она будет заигрывать с патриотизмом русского народа, потому что только от русского народа зависит ее судьба.

К сожалению, этого не понимают на Западе, предполагая, что русский национализм опасен для всего мира. И Запад поддерживает любых националистов во всех нациях и народностях Советского Союза – но только не русский национализм.

Так вот, в вопросе, действительно ли компромисс русского национализма с властью может усилить ее или же наоборот – я склоняюсь ко второму. Русский национализм это именно есть то, посредством чего можно свергнуть советскую власть. Я считаю, что советская власть от компромисса с русским национализмом только проиграет. Почему? Да потому, что патриотизм сам по себе пред-

полагает какое-то величие нации. Власти же этот компромисс ничего не дает. Наоборот, эта власть проиграла на всех фронтах. В экономике – проиграла, в морали – проиграла. Опозорилась перед всем миром. Наши несчастные граждане приезжают за рубеж и поражаются, как обильны здешние магазины. И поскольку советская власть всё проиграла, этот ее компромисс с патриотизмом русский народ уже не устроит, потому что компромисс с этой властью – только позор для этого народа. Я думаю, что поэтому власть проигрывает.

Но есть вторая часть вопроса: является ли сегодняшний большевизм, горбачевское окружение, все той же противной большевистской партией? Или они сами немножко изменились?

Тут я перехожу к армянам. У армян с теперешними властями компромисс полный. Даже генеральный секретарь дашнакской партии, которого раньше называли фашистом, был в Ереване и встречался с первым секретарем ЦК КП Армении. Они разговаривали так, как мы с вами, у них совершенно одинаковые идеи. Мы видим его выступления, его речи в вопросе Карабаха, и народ начал это правительство любить. То есть этот компромисс для малого народа я считаю выгодным.

Для большого народа, для народа, от которого зависит судьба Советского Союза, этот компромисс не очень выгодный. Но во всяком случае проиграют от этого только власти. Так что на поставленный вопрос я отвечаю: от русского национализма выиграют те силы, которые хотят не реставрировать, а уничтожить советскую власть.

С. С.: Я полностью согласен с тезисом Эдуарда Ваграмовича о том, что судьбу советского социализма может решить только русский народ. Не Запад, не национальные окраины, а именно русский народ. Но Михаил Викторович считает, что русский патриотизм находится в наступлении. Мне представляется более скромная картина. Я думаю, что и русский патриотизм, и прозападный космополитизм – оба сейчас активизировали и стали себя выражать на публицистическом уровне, очень мало затрагивая основную толщу русского народа. Она же пребывает в неопределенном состоянии, не склоняясь ни к прозападному, ни к национально-патриотическому крылу, и в то же время по инерции подчиняясь существующей структуре советской власти, хотя и не довольна ею. Это с одной стороны.

С другой стороны, среди политической интеллигенции я, к сожалению, не вижу смены, которая могла бы взять власть в свои руки и компетентно использовать ее. При всей моей симпатии, например, к Сахарову, я вижу, что этот благородный и идеалистический человек, выступающий за права, не способен управлять государством вместо коммунистических бюрократов, которые пытаются поддержать стабильность в государстве. Я не вижу также, чтобы Афанасьев или Шмелев могли управлять страной.

Поэтому мало того, что народ должен проникнуться патриотическими идеями. Должна быть подготовлена просвещенная смена на уровне власти. Сахаров, Афанасьев, Шмелев к этому неспособны. Шмелев, например, предлагает брать займы у Запада. Это путь Польши, и мы видим, в каком состоянии барахтается она со своим внешним долгом в 30 миллиардов долларов. Положение такое, что когда представитель "Солидарности" пришел к власти, он попросил

западные страны простить долги, чтобы выйти из кризисного положения. Может ли Россия идти по этому пути?

Возможно, у нас зреет достойный преемник на уровне власти. Но он еще не созрел.

Г. А.: Показательно, что эти люди, о которых говорит Сергей Иванович, ни в коем случае не могут называться патриотами, потому что именно национально-патриотического сознания у всех у них нет. Они – левые демократы, либералы, и, может быть, потому они и беспомощны в своих предложениях, что именно национальной программы, с осознанием национальных интересов государства, никто из них даже не пытается выдвинуть. Человека, который бы выдвинул сейчас такую программу, ориентируясь на национальное сознание, на Россию как христианскую страну, я тоже не вижу среди верхнего эшелона власти.

М. Н.: Подводя итог обмену мнениями о национал-большевизме, я бы еще раз подчеркнул, что мы имеем дело со сложным явлением. Оно и сегодня складывается из тех же элементов. Во-первых, из тактического стремления снизу оформить свои политические действия в духе лояльности к существующей власти. "Большевизм" здесь в подавляющем числе случаев – лишь тактика, что можно, например, видеть у академика Лихачева. Меня, честно говоря, покорило его упоминание Ленина во вступлении к первому номеру журнала "Наше наследие". И красный флажок на обложке, в центре журнала. Но я не могу предположить, что Лихачев на самом деле так думает и считает Ленина русским вождем, а не разрушителем России.

Во-вторых, не надо забывать, что национал-большевизм насаждается и сверху, это попытка партии оседлать русское патриотическое движение. И поскольку эти две причины национал-большевизма все-таки разные, то, осуждая его, мы должны говорить о явлении и не оскорблять людей. Запад это также недостаточно понимает, а Янов, Синявский и подобные советологи готовы шуметь лишь о "национал-большевизме", но не об "интернационал-большевизме" М. Шатрова, Р. Медведева и других представителей западнического фланга.

В этом очень опасном компромиссе русское патриотическое движение выиграет, только если оно будет осознавать конечную цель. Она связана с духовным, а не материалистическим пониманием нации. Это не физическая мощь, не сохранение империи, а сохранение духовного здоровья нации. Я думаю, что наше почвенничество, даже идущее на компромиссы, судит о нации как о развивающейся "сборной личности", о которой есть замысел Божий. Как говорил В. Соловьев, нация может его узнать и осуществлять, и тогда он становится для нее законом жизни; или может не узнать и не осуществлять – тогда он для нее становится законом смерти.

В последнем случае, даже сохранив территорию, сохранив империю, русский народ окажется все-таки в катастрофическом духовном положении. И в этой связи я хочу перейти к последнему вопросу. Исходя из такого духовного понимания нации, в котором мы, надеемся, все согласны, каким мы могли бы себе представить будущее Российское государство? На каких принципах оно может строиться, и где наиболее реальные его границы?

Скажем, отношения между русскими и прибалтами – это один вид национальных взаимоотношений; там, как Сергей Иванович уже ска-

зал, были юридически независимые государства, оккупированные вследствие пакта между Гитлером и Сталиным.

С Украиной и Белоруссией – другая ситуация. Я об этом недавно написал статью в "Посеве". Я считаю, что духовное единство между этими тремя народами наиболее сильное. И здесь не только прошлое определяет желательность их совместной государственности, но и общая цель на будущее: поиск путей воплощения идеи христианского государства. Я полагаю, что эта идея – "русская идея" – относится к украинцам и белорусам так же, как и к русским. Когда возникло понятие "русская идея", слово "русский" включало в себя великороссов, малороссов и белорусов.

Третий регион – это, скажем, Кавказ. Там есть как мусульманские республики, так и христианские.

Вопрос к Эдуарду Ваграмовичу. Я прочту цитату из интервью философа Мамардашвили в газете "Заря Востока". Он пишет об Илье Чавчавадзе, о его ощущении европеизма: "Он был человеком европейской ориентации и даже пребывание внутри России, автономное пребывание, для него имело смысл как путь к воссоединению с Европой. Тем самым выполнялось бы историческое предназначение Грузии, а оно – европейское, в силу того характера, какой имело наше первохристианство. Это задано и от этой судьбы не уйти".

То есть, наверно, не только оборонные соображения и МиГи, но и вот это первохристианство Грузии и Армении представляет собой важный фактор единения с Россией? И, может быть, даже большего единения, чем с Западной Европой?

Э. О.: Несомненно. Каким бы она ни называлась именем: Союз, Конфедерация – я бы хотел видеть будущую Россию страной, которая осуществляет четыре главных принципа. Первый: подлинная добровольность вхождения и выхода из Союза. Второй: экономическая независимость наций, чтобы собственная экономика влияла на жизненный уровень каждой нации. Третий принцип: культурная автономия. И, наконец, четвертый: во внешних сношениях, торговых и даже политических, народы должны иметь какую-то самостоятельность. Все остальное, оборона, важные иностранные дела, в общем, общегосударственные институты – могут оставаться общими.

Поясню смысл четвертого принципа. Вот, например, поехал Косыгин в Турцию и возложил цветы на могилу Кемаля Ататюрка, который двести тысяч армян за одну ночь вырезал. По нашей Конституции все внешние дела мы передали центральному правительству, значит, оно эти цветы возложило и от армян. Мы этого не хотим. Я не говорю, что пусть он не возлагает цветы – пожалуйста, но мой министр иностранных дел должен иметь право сказать: "Я не согласен". Вот только в этом плане.

А в остальном я считаю, что если добровольность будет подлинная, то очень многие народы добровольно останутся в составе Союза. Я думаю, в частности, армяне. Но для этого нужно еще иметь и свободу референдума. Хотим мы или не хотим? И тогда, я думаю, все будет просто. Я не вижу никаких проблем. Если большевизма не будет и настоящий русский национализм будет действовать, то государство, которое будет создано вот на этих четырех принципах, прекрасно может существовать. Такую Россию я хочу видеть и войду вместе с армянами в эту Россию.

М. Н.: Сергей Иванович, Вы у нас здесь единственный, кто мог бы выразить мнение Прибалтики с учетом русского меньшинства, чьи проблемы тоже обостряются.

С. С.: Да, мои родители русские, но значительная часть моей жизни действительно прошла в Эстонии. В будущем я считаю реальным существование российское союза народов. И вот почему.

Само по себе отделение какой-либо нации от российской государственности – дело очень не простое. Тут есть три аспекта. Есть аспект политико-процедурный. Не ясно, во-первых, при каких условиях одна нация должна выходить. Какое большинство должно быть: 51% или 2/3, скажем? Кто должен решать этот вопрос: коренная нация или совокупное население этой национальной территории? Какие критерии отделения?

Второй аспект – психологический. Каждому свойственно желание жить самостоятельно, быть хозяином на своей земле и в своем государстве. Нужно также учесть, что эстонцы, латыши, литовцы, как и многие малые нации, обладают повышенным национальным самосознанием.

Третий аспект – экономический. Я назвал бы его эффектом сиямских близнецов. Операция рассечения опасная, она может кончиться экономической гибелью одного из организмов. Естественно, что эстонцы в своем большинстве выскажутся за отделение. И в "первый день" самостоятельности будет всеобщее народное ликование. На "второй день" будет недоуменное молчание, а на "третий день" возникнет социально-экономическое недовольство населения. Потому что в условиях Эстонии возникнет настоящий экономический хаос. Эстония тридцатых годов имела выход в Западную Европу. Она продавала бекон, масло, яйца, сланец. И получила от России по Тартускому мирному договору 15 миллионов золотых рублей, то есть золотой запас, который позволил создать денежную систему в республике.

Что мы имеем в Эстонии сейчас? В области сельского хозяйства Эстония неконкурентоспособна с западным рынком. Запад сам не знает, куда сбывать излишки своей продукции. Дальше: сланец исчерпан. Я недавно разговаривал по телефону с руководителями Народного фронта, они надеются только на две вещи: что получат займы и кредиты с Запада и что будут добывать фосфорит. Но это все тот же польский путь. А насчет фосфоритов, это экологическое самоубийство для Эстонии...

Э. О.: Это их дело. К тому же экономическую свободу они могут получить и находясь в составе Союза. Вон, Алжир отделился от Франции и голодает.

М. Н.: Но как же тогда расценивать человеческую цепь, которой недавно соединили прибалтийские столицы? Это впечатляющая демонстрация. Мне кажется, что в данном случае экономические соображения не играют вообще никакой роли.

С. С.: Да, они еще не осознаны. Они будут играть роль на "третий день" независимости. Вот тогда эти народы попросятся назад.

М. Н.: Мне кажется, что чувство национального самосознания естественно требует и каких-то государственных структур для своего воплощения, сохранения и развития. И я думаю, что это важнейший фактор в принятии решения, он связан с тем ощущением нации как духовной соборной личности, о котором мы говорили. И мне кажется, оно все-таки перевесит и на "третий день". Вряд ли они захотят лишь по причине бедности снова становиться зависимой частью какого-то государства. Вероятно, выход только в новой форме союза.

С. С.: Я и хочу сказать, что надо найти золотую середину между психологическими устремлениями и экономическими реальностями: надо найти очень свободную форму федерации. Эта форма отношений еще пока искомая, никем не сформулированная.

М. Н.: Может быть, Глеб Александрович может сформулировать искомое?

Г. А.: Сформулировать, пожалуй, мне будет очень трудно. Я сначала попытаюсь ответить на вопрос, который перед всеми стоял. Мне очень приятно, что все здесь собравшиеся – единомышленники, потому что мне в России приходится слышать, большей частью, совершенно другие разговоры. Особенно в среде элитарной интеллигенции всех национальностей. Сейчас бытует представление, что краеугольным камнем в решении национального вопроса должен быть поставлен вопрос об отделении наций. Причем, вопрос встает так: отделение любой этнической группы. Люди не представляют, какая это бессмыслица, причем это говорят не какие-то школьники и студенты, это сказано в интервью Сахарова, это говорили при мне такие люди, как Вячеслав Иванов, Анатолий Стреляный и др.

Перед Сахаровым поставили вопрос: "А если нация не имеет внешних границ?" – "Да, и тогда", – ответил он на той конференции, о которой я говорил. Я в ответ на это попытался утрировать ситуацию: "А если в Ярославской губернии есть деревня в сто человек из казахов. Им что, нужно организовать Казахское государство?" Я думал, что это утрирование людей образумит. Мне на это сказали: "Да, конечно". То есть люди, которые это говорят, просто не имеют элементарного политического мышления. Это ведет прямо к переделу мира. Представьте, поволжских немцев возвращают туда, где они жили, они объявляют свою независимость, присоединяются к Германии и т. д. Это вообще распад всех человеческих связей.

В конце концов человечество не научилось жить без государств. Поэтому я думаю, что образование государства вокруг России неизбежно. Это и история, и метафизические корни, в частности, то, о чем Михаил Викторович напоминал, – всечеловеческая отзывчивость русского народа. И действительно, многие истинные духовные связи, которые связывали наши народы до большевиков, прослеживаются и сейчас. Пересмотр и государственных границ, и типа отношений, я думаю, совершенно неизбежен. Думаю, что здесь разные периоды будут.

Первый период, который сейчас всем нам грозит, к сожалению, очень печальный. Я думаю, что та кровь, которая льется, она будет литься и дальше. Если спросить, как сейчас решить национальный вопрос, я могу ответить: в данной ситуации он неразрешим. Пока

мы будем под игом той идеологии, которая у нас есть, никакие вопросы, в том числе национальный, неразрешимы. Я повторяюсь, но в этом, я считаю, вся суть проблемы.

Потом, если Господь поможет нашим народам, я думаю, будет не менее тяжелый период. Национальные амбиции во многих местах возьмут верх, и о "третьем дне" народы не подумают. "Выйти, выйти, обязательно выйти, а там посмотрим, что будет!" Мне кажется, в Эстонии дело к тому идет... Я думаю, можно лишь посоветовать тем политикам, которые будут решать этот вопрос, чтобы они учитывали возможность этого "третьего дня", о котором говорил Сергей Иванович. Потому что может повториться то, что было в отношениях русского и грузинского народа: когда на грузин напали, они просили Россию о помощи, потом отделялись, потом снова просили. Ведь это же не так просто – взять присоединить, потом отделить и т. д. Но я полагаю, что в каких-то районах неизбежно прохождение через этот этап отделения, предусматривая возможность возвращения.

Э. О.: К самостоятельному существованию должна быть готова каждая нация. Если она не готова, то обвинять того, кто не отпускает, нельзя. Но одно дело, если республика готова: мы знаем, что она может рядом с нами существовать самостоятельно – и ее спокойно отпускаем. Другое дело, если мы знаем, что достаточно выйти ей, и она попадает в руки потенциального противника, например, армяне окажутся под сапогом Турции. Когда турецкие войска вошли на Кипр, защищая двести тысяч тамошних турецких жителей, про остальных – а там было "еще" полтора миллиона греков – никто и не вспомнил...

В общем, только те народы можно "отпустить в самостоятельность", которые на деле доказали, что она им по силам. Но если отпускать прямо в руки потенциальных противников – это не свобода, а разбазаривание собственного государства. В любом случае нам нужно подготовиться к независимости, доказать, что мы в состоянии справиться с проблемами "третьего дня". А сейчас я этого ни у кого не вижу. Даже огромная Украина – я не вижу, чтобы она смогла самостоятельно существовать.

М. Н.: То есть возникает проблема осознания не только общей ответственности за создание такого режима, но и общей ответственности за его демонтаж. Нельзя действовать по принципу "отделение любой ценой" – это может привести к новым трагедиям. Нужно учитывать и то, что огромные массы людей не по своей воле оказались или родились на территориях других республик. Нужно, чтобы эти проблемы решались не на формальном принципе отделения, которое, якобы, решает все, но и на принципе взаимной ответственности, который может даже противоречить некоторым механическим правовым принципам и тем не менее будет меньшим злом.

Принцип взаимной ответственности – это большее уважение всех народов, чем просто закрыть глаза на возможные последствия, мол, разбирайтесь как хотите. Ведь возможны и новые аятоллы, и все что угодно. В этом смысле западный опыт деколонизации очень печален: он привел к возникновению множества конфликтов, трагедий, диктатур. Мне кажется, что его нужно учитывать в решении наших проблем. Особенно, это касается Кавказа.

Э. О.: Да, вот пожалуйста, пример – азербайджанская блокада! В Армении люди уже голодают...

Г. А.: По сути я с этим согласен. Но кто должен решать, готова ли власть. Значит, опять русские? Вопрос нельзя так ставить. Я думаю, что в нормальном государстве, каким я надеюсь станет Россия, могут быть выработаны принципы отделения. И даже предотвращение "самоубийства" какой-либо нации должно быть не волевым решением центра – оно не спасет. Все мы должны для этого работать внутри данного народа, объяснять ему, предупреждать, чтобы он не летел в пропасть.

О том же, каким я вижу Российское государство в будущем, я хочу высказать одну крамольную мысль. Я считаю, что определенная федерация народов вокруг России будет, она нужна всем. Но я думаю, что исторически – не только в советский период, но и на протяжении всей российской истории – не оправдался союз с мусульманскими народами в целом. Очень трудно и сейчас найти общие ценности, которые бы соединили христиан и мусульман в единое государство, чтобы оно могло бы бесконфликтно существовать. Это не только наша практика, это мировая практика. Есть, может быть, считанные страны, где эта проблема не встает. Россия взяла на себя миссию попробовать и это. Результат получен. Я думаю, что безболезненное размежевание христианских наций с нехристианскими было бы полезно. Хотя, конечно, решать не мне, это лишь мои мысли вслух.

Э. О.: Вполне согласен.

М. Н.: Мне это тоже кажется разумным и даже неизбежным. В заключение отмечу, что все мы разного национального происхождения. Глеб Александрович – русско-украинско-белорусско-цыганского. Я – русско-украинского. Сергей Иванович – русский из Прибалтики. Эдуард Вагграмович – армянин. Если не в своем самосознании, то хотя бы в своих генах мы в какой-то мере представили здесь многонациональный спектр страны. И мы едины в том, что форма какого-то союза наших народов – лучшее решение, и что эта федерация возможна лишь на определенной системе духовных ценностей.

Эта система духовных ценностей отличается от тех ценностей, которые все больше, я бы сказал, навязываются "прогрессивными кругами" в современном западном мире – как принцип атомизации, принцип этнического плюрализма, принцип того, что американская культура этнического всесмешения есть будущее всего мира. Я думаю, что в обороне от таких космополитических веяний, которые противоречат и христианской культуре Запада, тоже заключен один из факторов единения наших народов. И даже трагический опыт коммунизма, который сейчас играет роль разъединяющего фактора, – все обвиняют друг друга – на какой-нибудь "четвертый день" он может стать фактором объединения. Ибо пережитый опыт содержит важное знание о человеке, чего не имеют благополучные западные народы, не испытывавшие такой экстремальной ситуации. Мне кажется, что эти духовные ценности вместе взятые могут тоже побудить к созданию будущей федерации. И в отстаивании, развитии, защите этих ценностей – задача всех наших народов.

Целеустремленная дезинформация

Александр ДЫННИК

Об Освободительном движении народов России, возглавлявшемся генералом А. А. Власовым, в советской печати было опубликовано гораздо меньше, чем за рубежом. Да и то, что печаталось, носило односторонний очернительный характер. Но вот недавно в "Литературной газете" от 15 сентября 1989 г. появилась статья Анатолия Френкина "Власов и власовцы". Вероятно, статья эта появилась в связи с предстоящим в Верховном Совете СССР обсуждением проекта закона о реабилитации всех жертв и бывших узников предвоенных и послевоенных сталинских лагерей. Кроме того, эту же тему затронул известный советский военный историк генерал Дмитрий Волкогонов. В свою книгу "Триумф и трагедия", посвященную анализу сталинщины, он включил главу "Плен и власовщина" ("Октябрь", № 7, 1989).

Оба автора явно еще не научились смотреть прямо в глаза истории. Однако в обеих работах есть места, которые могут заставить вдумчивых читателей несколько призадуматься. В этой двойственности, видимо, и заключается главная особенность нового горбачевского мышления. Оба автора признают, что на Западе о Русском Освободительном движении написано немало книг, а вот в Советском Союзе о нем все еще нет достоверной информации. Оба считают, что "о Власове на Западе создано много легенд и небылиц", однако "их тоже пора оценить по достоинству". И уж тем более надо научиться разделять Власова и власовцев, потому что "среди последних были люди слишком разные, чтобы их всех ставить на одну доску".

Что ж, пожелание вполне логичное, и вопросы, которые ставит, в частности, Френкин, предельно существенны: "Кто же такой Власов? Как он вел себя, перейдя на сторону фашистской Германии? Чего добивался? И чего добились, используя его, нацисты? Каковы вообще были масштабы, а вернее рамки его деятельности?" Френкин ставит также вопрос, был ли Власов на стороне "простых русских людей" и выступал ли "выразителем их чаяний и интересов".

К сожалению, "перестроечный" порыв Френкина обрывается сразу после постановки этих вопросов.

Ответ на вопрос "кто такой Власов" вначале вполне объективен. Кратко упоминается, что в гражданскую войну Власов воевал на стороне красных. С 1930 года член компартии. В 1938-1939 гг. - в составе группы военных советников в Китае, получил орден от Чан Кайши. В 1940 году произведен в чин генерал-майора. В 1941 году к годовщине Красной армии получил орден Ленина. Начало войны с немцами встретил под Львовом. В качестве командира 37-й армии был направлен на оборону Киева. Здесь отличился, был вызван к Сталину и получил приказ сформировать 20-ю армию, которая вскоре отличилась в разгроме фашистских войск под Москвой. В декабре

1941 года Власову присвоено звание генерал-лейтенанта, а в марте 1942 года Сталин, вызвав его к себе в третий раз, назначает заместителем командующего Волховским фронтом, а чуть позже он принимает командование 2-й ударной армией. Словом, до этого места у Френкина все правильно, все точно.

Дальше же идет или явное мифотворчество, или беспардонная клевета. Так, неизвестно, на каком основании, и даже в противоречии с официальным советским историческим источником (см., например, "СССР в Великой Отечественной войне", Воениздат, Москва, 1970 г., с. 239), утверждается, что ни 2-я армия, ни ее штаб в плен не сдавались. Сдался в плен, мол, только Власов. Попад в плен, он "клялся, что в партию большевиков вступил исключительно ради военной карьеры. Вновь и вновь повторял, что люто ненавидит Советскую власть и с давних пор является участником тайного заговора некоего «союза русских офицеров»" (Френкин).

Все это, также как и утверждения, что Власов "заурядная беспринципность", "шкурник и беспробудный пьяница", абсолютно не соответствуют тому, что известно о нем из многочисленных авторитетных свидетельств. Также из собственных заявлений Власова и его публичных выступлений видно, что если он и изменил, то не своей родине, даже не идеалам Октябрьской революции, а только Сталину и его системе чудовищного террора.

Впрочем, основной пафос статьи Френкина, да и главы книги Волкогонова, направлен не на Власова, а на вдальблывание мысли, что никакой Русской Освободительной Армии не было, что "в состав власовцев, как и других восточных частей попадали разные люди". То есть были такие, которые имели надежду "при первой возможности вновь перейти к своим". Но была и кучка карателей, которая насчитывала "от силы-то десять тысяч". Однако зачисление власовцев в каратели (кучка таковых не была включена в состав РОА, несмотря на домогательства немцев), как и утверждения, вопреки всем очевидным фактам, что Освободительное движение не было массовым движением россиян, оказавшихся под немцами, – все это целенаправленная подтасовка.

Правда, Волкогонов как ученый-историк, в противовес Френкину, стремится сохранить определенный академизм. Он, например, пишет:

"О Власове на Западе написано немало книг. Примером такого исследования может служить работа Иоахима Гофмана "История власовской армии". В ней, в частности, утверждается, – якобы на основе власовских архивов, – что к маю 1943 года в распоряжении германского вермахта имелось 90 русских батальонов и почти столько же национальных легионов. Эти цифры сильно завышены, равно как и все попытки представить это "движение" как "альтернативу большевизму" выглядят крайне неубедительно. По существу, формирования Власова вбирали в себя главным образом не "идейных борцов, а уголовников, националистов, а также слабых, безвольных людей, захваченных единственной "идеей" выжить".

Если что и выглядит крайне неубедительным, так это именно эти выводы Волкогонова. Пытаясь выдать желаемое за истину, он делает ложное заключение. Очевидно, сам он знает это, и поэтому сознательно многого не договаривает. У Гофмана все цифры соответствуют

статистике вермахта, причем в другой работе Иоахима Гофмана "Восточные легионы" на стр. 172 указано еще, что "общее количество национальных легионов было не менее 202, общей численностью по крайней мере в 250.000 человек. Кроме того, сюда следует прибавить 35.000 в двух украинских дивизиях и около 5000 кавалерийского корпуса калмыков. Число людей в чисто русских и казачьих формированиях, включая также разные вспомогательные части, достигло в 1943 году, согласно данным вермахта, 427.000 человек".

Другой исследователь Георг Фишер в книге "Советская оппозиция Сталину" на стр. 45 пишет:

"До окончания войны число бывших советских граждан, служивших в войсках вермахта, равнялось по крайней мере полумиллиону человек. Эта цифра, вероятно, ближе к миллиону или достигла миллиона".

Известный польский генерал Владислав Андерс, командующий "Армией Андерса", герой Монте Кассино, в своей книге "Разгром Гитлера в России" тоже указывает, что "число добровольцев в немецкой армии, включая латышей и эстонцев, достигло, как считают, 800.000 человек".

Андерс пишет, что в 1944 году не было вины Власова в том, что гитлеровцы всячески саботировали соглашение с Комитетом освобождения народов России о передаче русских формирований, бывших в распоряжении вермахта, под команду Власова. Саботировали гитлеровцы и прием аппликаций добровольцев в РОА от русских людей, оказавшихся в Германии на положении "остарбайтеров". По свидетельству А. Казанцева (см. его книгу "Третья сила"), поток таких заявлений "вырос после опубликования 14 ноября 1944 г. Пражского Манифеста" "с 62.000 (за один день 20 ноября 1944 г.) до 300.000 в конце этого месяца, а к концу декабря достиг 1.000.000". Однако из-за массы препятствий, чинимых тупыми гитлеровцами, "удалось сформировать только две моторизированные дивизии, — пишет Андерс, — одну резервную бригаду и несколько офицерских частей" (с. 191).

Все эти цифры для Волкогонова неудобны: получается уж слишком много людей, "слабых, безвольных, захваченных единственной «идеей выжить»". Но даже если допустить, что все эти массы людей были захвачены "мыслью выжить", то кто в этом виноват? Виноват, конечно, тот, кто, отказавшись от них, обрекал их на мучительную смерть от голода за колючей проволокой. Виноват в этом был не только Сталин, но и вся чудовищная бесчеловечно-варварская концепция, однозначно считавшая, что плен — это позор, это подлая измена, что лучше смерть, чем позор плена.

Волкогонов теперь не разделяет этой зверской концепции, так как пишет о наказанных народах, обвиненных Сталиным в "государственной измене". Он даже добавляет:

"Если бы Сталин следовал своей преступной логике всегда, то после образования РОА Власова ему надо было бы ссылать и русский, и украинский, и все другие народы..."

В этом смысле понятно и заявление Волкогонова, сделанное несколько раньше:

"Для советских людей эта проблема (проблема РОА. — А. Д.) стала не только делом "соотношения сил", но и проблемой политической и нравственной. В полной мере она до сих пор не решена".

Что верно, то верно. Однако ясно, что методом умолчаний и подтасовок эту проблему не разрешить. В частности, и Френкин, и Волкогонов могли бы, например, сделать шаг в этом направлении уже одним только перечислением названий известных им работ о РОА, Власове и об Освободительном движении народов России (ОДНР), вышедших на Западе. Ведь в упомянутых ими книгах Штрик-Штрикфельдта, Фрелиха и Гофмана в приложениях приведены дополнительные сведения, статистика и библиография публикаций других авторов на эту тему. Обширная библиография также в обстоятельной книге Катерины Андреевой "Власов и Русское Освободительное Движение" (Лондон, 1987 г.).

В библиографических указателях этих источников множество других книг и статей с много говорящими названиями. Среди них, например, книги К. Кромиади "За землю, за волю", А. Казанцева "Третья сила. История одной попытки", Ф. Богатырчука "Мой жизненный путь к генералу Власову и к Пражскому манифесту", А. Киселева "Облик генерала Власова", С. Стеенберга "Власов. Предатель или патриот", Д. Литлджона "Патриотические предатели. История коллаборации в оккупированной гитлеровцами Европе", А. Шандрука "Бранная доблесть", А. Алдана "Армия обреченных", Н. Толстого "Жертвы Ялты", М. Шатова "Материалы и документы ОДНР" и целый ряд других. Уже названия книг указывают на главную суть, смысл, особенности, цели и трагический характер эпилога этой отчаянной попытки поднять народы России против безумия и ужасов сталинской тирании.

Из содержания и документов этих книг видно, что Освободительное движение, пробужденное к жизни Власовым, было широким движением среди россиян, оказавшихся во время войны в Германии. Все эти источники свидетельствуют, что это Движение действительно было идейным антисталинским движением и, безусловно, отвечало чаяниям и надеждам народов Советского Союза.

Ярким подтверждением этому служит уже Пражский Манифест от 14 ноября 1944 г. Содержание его никогда не публиковалось в СССР. Даже "перестроечные" исследователи вроде Френкина и Волкогонова все еще ничего не могут честно сказать о его содержании, хотя бы даже в пределах того, что сообщает, так сказать, с нейтральной позиции такой выдающийся герой борьбы с гитлеровской Германией, как генерал Владислав Андерс в своей книге "Разгром Гитлера в России". В этой книге вообще много интересного материала. В главе "Формирования восточных добровольцев" генерал Андерс, назвав Власова "русским де Голлем" (можно добавить: с судьбой Имре Надя), обстоятельно рассказывает о том, что побудило Власова выступить против Сталина, и как он пришел к вынужденному союзу с немцами. Описано в этой главе и возникновение русского освободительного Движения. Пишет Андерс, в частности, и о казачьей мести сталинским опричникам за раскулачивание, за свирепый энклавистский террор. Эта месть привела к немцам, в казачьи войска свыше 250.000 казаков. Пишет Андерс и о том, что весьма скоро обнаружилось, что новоиспеченные "союзники" абсолютно несовместимы.

Со времени зарождения ОДНР и вплоть до капитуляции гитлеровцы стремились использовать это движение в своих эгоистических целях. Цели же ОДНР и Власова были другими. Они были четко сформулированы 45 лет назад – 14 ноября 1944 г. в Пражском Манифесте КОНРа (Комитет освобождения народов России). Главными целями Движения Манифест объявлял:

А. Свержение сталинской тирании и освобождение народов России от кошмаров большевистской системы и восстановление тех прав народов, которые были завоеваны в народной революции 1917 года.

Б. В этом пункте приветствовалась помощь Германии на условии, что эта помощь "не нарушит честь и независимость нашей страны". Здесь же был и призыв: "Прекращение войны и почетный мир с Германией".

В. Создание новой свободной народной политической системы "без большевиков и капиталистов".

В основу государственности народов России были положены демократические принципы:

Равенство всех народов и право на самоопределение и самостоятельность.

Утверждение строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

Ликвидация принудительного труда.

Безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян.

Свобода форм трудового землепользования.

Отмена принудительных поставок.

Восстановление частной трудовой собственности.

Творческая свобода для интеллигенции.

Уничтожение режима террора и насилия.

Введение гражданских свобод и прочие демократические принципы.

Четырнадцать пунктов Манифеста КОНРа были созвучны не только требованиям кронштадтских матросов, поднявших в 1921 году восстание "за советскую власть без большевиков", и программе Народно-Трудового Союза российских солидаристов, но, в сущности, идентичны принципам горбачевской перестройки.

За исключением нескольких вводных фраз и беглого упоминания, что война, мол, идет "не за сверхприбыли английских и американских плутократов", гитлеровцы, в канун своего поражения, уже не смогли навязать каких-либо расистских нацистских пунктов.

Несмотря на то, что Пражский Манифест появился в момент, когда победа уже была в руках Сталина, тем не менее документ этот произвел на "восточных рабочих" глубокое впечатление. Впечатление, которое превзошло все первоначальные ожидания. Это выразилось не только в бурном росте записи добровольцев в РОА, но, что еще более удивительно, в случаях дезертирства из советских частей, стоявших на Одере. Что побуждало этих советских солдат на такой отчаянный шаг в тот момент, когда ни для кого не было сомнений в близком поражении фашистов? Генерал Андерс считает, что на это есть только один ответ:

"Они надеялись таким путем пробиться к американской и британской армиям, чтобы на их стороне сражаться с Советами в войне, которая, как они верили, начнется после разгрома Германии".

В книгах западных исследователей истории РОА, в частности, в работах непосредственных участников этого движения современный советский читатель нашел бы множество интереснейших фактов и откровений, стимулирующих мысль. Френкин затрагивает вопрос о "немецких деньгах". Что ж, вопрос этот можно отнести не только к 1945 году, но и к 1917-му. Верно, однако, то, что 18 января 1945 года Власов, с помощью здравомыслящих немцев, получил для КОНРа неограниченный банковский кредит. Кредитное соглашение это имело не только практическое, но и политическое значение. Оно свидетельствовало, что, с одной стороны, немцы вынуждены были смотреть на КОНР как на своего рода правительство в изгнании, а с другой, как на "джинна, выпущенного из бутылки". Для подлинных историков это кредитное соглашение - еще один факт, свидетельствующий, что РОА и КОНР не были немецкими наймитами, а россиянами, которые готовы были воевать только против Сталина, а не против своей родины.

Нет спору, что для ОДНР решение вооруженного выступления на стороне Германии, во главе которой стоял такой враг славянства, как Гитлер, было в высшей степени трудным и горьким. Однако в той трагической ситуации, в которой оказались российские враги сталинизма, эта помощь была единственной реальной возможностью организовать борьбу против сталинского живодерства.

Почему же тех, кто боролся против зла царизма и Белых армий, кто подписал позорный Брестский мир, до сих пор превозносят до небес, хотя революцию свою они совершили на опять-таки пресловутые "немецкие деньги"? А вот Власова и его Движение обвиняют в предательстве родины? Где же логика? Разве не пришло уже время, когда вместо всяких умолчаний или робких намеков можно называть вещи своими именами? Если это так, то значит на очереди также и реабилитация участников Освободительного движения "вровень с остальными узниками предвоенных и послевоенных лагерей". В том числе и самого генерала Власова, хотя бы уже только потому, что осужден он был не открытым правым судом, а тайно, по-бандитски казнен, способом, перед которым бледнеют жестокости средневековья.

Если основываться на объективном изучении всех имеющихся материалов, то искренним правдоискателям не трудно будет обнаружить, что подлинная история ОДНР полна подвигов и бескорыстного служения идее освобождения народов России от безумия сталинского самовластья и абсурдной извращенности его "социалистической" системы.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг - борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия - наша! Прошлое Русского народа - наше! Будущее Русского народа - наше! ("Почему я стал на путь борьбы с большевизмом". Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова).

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Вступление

Невозможно, или почти невозможно, понять явление, не зная почвы, на которой оно возникло. А поскольку НТС – Народно-Трудовой Союз российских солидаристов – через несколько месяцев будет отмечать свое шестидесятилетие, то надо заходить совсем издалека, вспомнить о давних событиях, во время которых формировался внутренний мир основателей НТС.

Но до этого хотелось бы, – хотя это, может быть, выглядит и не совсем пристойно, – начать с личных воспоминаний о первых встречах с членами организации, поскольку от таких встреч чаще всего зависит дальнейшее отношение и к самой организации.

Отец мой, словенец из-под Триеста, убежденный славянин и русофил, в первую мировую войну перешел из австрийской армии на сторону русских – как и многие славяне, не желавшие воевать за Австро-Венгрию (Пражский полк перешел в полном составе, под музыку своего полкового оркестра!). После немалых усилий отец добился зачисления добровольцем в русскую армию и по счастливому стечению обстоятельств попал в ударные части ген. Л. Г. Корнилова. После революции пробрался на Дон, ходил по заданию Корнилова через занятые красными и петлюровцами области в Киев к будущему президенту Чехословакии Масарику, а после возвращения на Юг командовал в Корниловском полку пулеметной ротой. В середине марта 1920 года остатки полка, прикрывавшего отступление, попали в плен. Чека дважды вывешивала списки расстрелянных, в которых была и фамилия моего отца, – но оба раза его спасали сербы, бывшие в этом "учреждении".

Впоследствии отец добыл фальшивые документы, выдавал себя за бывшего австрийского военнопленного, окончил Краснодарский медицинский институт, работал врачом – и год за годом хлопотал о выезде за границу. В конце концов это удалось, и мы в начале февраля 1934 года оказались в Любляне, в семье моего деда...

А уже буквально на следующий день к нам пришел студент (кажется, первого курса) Константин Григорович-Барский, член Национально-Трудового Союза Нового Поколения. Так тогда назывался нынешний Народно-Трудовой Союз.

Нас поразило: в городе было немало друзей детства отца, его соучеников, но член НТСНП опеределил их всех!

Мне тогда еще не было двенадцати лет, и, признаюсь, первое, на что я обратил внимание, были голые колени Григоровича-Барского – взрослого человека в коротких брюках я видел впервые в жизни, к тому же еще в февральский мороз... Но я хорошо запомнил и то, как он жадно, вникая в подробности, расспрашивал о России и как

менялось его лицо, когда отец рассказывал о только что происшедшем на наших глазах уничтожении крестьян – коллективизации.

Итак, первый русский, с которым мы познакомились за границей, был членом НТС, человеком, любившем Россию и неплохо знавшим, что там происходит. Вторым был член НТС Арам Даланян, знавший советскую Россию не хуже своего приятеля. В тот момент нам это показалось естественным. Но вскоре мы поняли, что у многих в эмиграции о жизни в России понятия самые смутные, а у некоторых и вообще никаких. Так, уже в 1941 году, когда Гитлер двинулся на Россию, старик князь, у которого я снимал комнату, в общем, добрый человек, вдруг взъерепенился, стал кричать, как он "выхватит пистолет", как он напишет в свое бывшее имение, как потребует "с мужиков" недоимки за все годы, начиная с революции; а когда я, озлившись, сказал, что он и нынешнего адреса своего имения не знает, то он воскликнул: "Как не знаю! – Совет Рабочих и Солдатских Депутатов села такого-то!"

От подобных знаний России немного пострадала наша семья. Диплом отца был первым советским дипломом в Югославии, и министерство обратилось за советом к известному профессору, русскому эмигранту, который заявил, что, во-первых, дипломов на такой плохой бумаге не бывает и, во-вторых, "чему они там, в Совдепии, могли его научить?" Казалось, выдающийся медик мог бы знать, что в Краснодарском институте тогда были такие профессора с мировыми именами, как Мельников-Разведенков, И. Г. Савченко, и немало других отличных специалистов.

Из-за такой "экспертизы" мы около полутора лет пробедствовали, но зато отец с помощью НТС прочел в это время более ста докладов о положении в СССР и написал книгу, которую в 1937 году, собрав по грошам деньги, издало по-сербски отделение НТС в Скопье. Отличавшиеся прогрессивностью югославские издательства на такой подвиг не решились.

Итак, у отца сотрудничество с НТС началось на второй день после выезда за границу. Мне же предстояло сперва поступить в русскую гимназию в Белграде и несколько подрасти. И когда мне было что-то около 16 лет, ко мне подошел восьмиклассник по фамилии Эммануэль и спросил, не хочу ли я начать посещать клуб НТС на Балканской улице? Там я начал крутить ручку ротатора и слушать доклады, попал в поле зрения Жени Дивнича, а затем в группу (или "звено", как тогда говорили), которую возглавлял молодой студент Юра Жедилягин. Так я "врос" в НТС. У нас подчеркивалось: "В НТС поступить, как в другие организации, нельзя, можно только органически в него врасти".

Искусственный барьер

А вот отец мой, хотя и сотрудничал с самого начала с НТС, читал там доклады, был в очень близких отношениях с руководством организации, – ни попасть, ни "врасти" в нее не мог до самого 1941 года. Из-за так называемого "возрастного ценза", который был снят только во время войны.

Об этом цензе я узнал, когда сдавал множество экзаменов, чтобы перескочить начальную школу и два класса гимназии. Поскольку родители мои жили в деревне, где у отца была врачебная практика, меня в свою двухкомнатную полуподвальную квартирку на некоторое время взяли к себе Шульгины: Василий Витальевич и Мария Дмитриевна были с нами в хороших отношениях. По вечерам Василий Витальевич рисовал (помню: затонувший парусник, мачты, торчащие из воды, и странные продолговатые фигуры-тени на реях). Или клал на колени тяжелый глиняный сербский дуршлаг, а сверху доску, на которую он натянул струны. Дуршлаг хорошо резонировал, звук был чистый, пальцы, уже морщинистые, быстро бегали по струнам. Иногда Мария Дмитриевна пела, а он аккомпанировал. Как-то она спела "В степи молдаванской". От Вертинского я тогда поживался, но Мария Дмитриевна при словах "и российскую горькую землю узнаю я на том берегу" чуть не расплакалась и стала мне говорить о том, как они любят Россию и что пытаются для нее сделать. Вот, недавно она читала доклад в клубе НТС, очень хорошей, "стоящей лицом к России" организации.

Я сказал, что знаю об НТС, и спросил, состоят ли они в нем? Нет, но состоят в Комитете Содействия НТС, который не так давно основал проф. Билимович. А в НТС не подходят по возрасту. В НТС могут вступать люди, родившиеся в 1895 году и позже. То есть те, кому в начале войны 1914 года было не более 19 лет, а во время переворота 1917-го – не более 21 года.

Причины отмежевания от "отцов"

Когда сегодня говорят об НТС и его истории, то и плохо, и хорошо к нему относящиеся рассуждают главным образом о его работе во время второй мировой войны. А о том, "откуда пошла ешь" организация, как она создавалась и почему существует уже 60 лет, – в то время как средний возраст эмигрантских общественно-политических организаций не превышает 10–15 лет, – рассуждают мало. Тем более что сегодня не много осталось в живых людей, помнящих веяния времени, при которых рождался Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. И совсем мало помнящих причины такого судьбоносного шага, как введение "возрастного ценза", то есть отсечение себя – небольшой группы политически мыслящей и политически активной молодежи – от массы эмиграции, которая насчитывала все-таки более миллиона душ. А между тем, в этом отсечении, по-видимому, был немалый смысл: не будь этого "ценза", НТС был бы совсем не тем, чем он стал, а скорее всего прекратил бы свое существование вместе с другими эмигрантскими организациями.

Тогда я не понимал смысла этого отгораживания от "отцов". Как-то я спросил о причинах у Дивнича. Ответ его помню дословно и, поскольку по отдаленности времени это уже история, считаю себя обязанным точно повторить его фразу, несмотря на ее грубость, тем более что ее произносили тогда многие в НТС, – и в таком же негодующем тоне: "В гражданской войне не столько большевики победили, сколько отцы наши прос... Россию! А теперь тут, за границей, только тем и занимаются, что спорят, кто виноват!"

Фронт и тыл в Гражданскую войну

Нынешние поколения России все более четко осознают, что в Гражданской войне правда была не на стороне победивших большевиков. Подтверждений этому много. От обошедших всю страну анекдотов о Чапаеве до серьезных и глубоких размышлений и высказываний. Вот отрывок из "Открытого письма участникам Белого движения":

"...В наших разговорах, в песнях, которые мы поем, не красные выглядят героями. Наши сердца, наше сочувствие – на стороне белых... Оглядываясь назад, в туманное для нас, оболганное прошлое, мы приходим к такому выводу:

Время, история и, возможно даже, большинство русского народа были на стороне коммунистов.

Правда и честь России – были на вашей стороне.

Мы жалеем, что вы не победили."¹

Письмо датировано декабрем 1982 года. Автор сообщил, что ему 22 года и что он правнук командира красного полка, но имени своего не назвал, правильно понимая тогдашнюю обстановку.

Сегодня – подписываются полными именами. Так М. Бомбин, В. Сендеров и В. Дегтерев публикуют письмо "К годовщине начала Белого движения",² в котором говорят, что Белые армии спасли честь России.

Все, что пишут эти авторы, о чем говорит молодежь – правда. Это та героическая правда, которой гордятся, которая остается в истории – преображенная правда, позволяющая В. Солоухину сказать: "В почти сияющих одеждах шли Белой армии полки".

Мы их видим сегодня так. Но сами они видели себя тогда иначе. Вот что писал ген. Врангель, осматривавший в 1920 году Корниловскую дивизию: "Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, ...рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах... Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выравнены ряды".³

То поколение, та молодежь, из которой вышли основатели НТС, не только знали светлую часть правды, – многие сами были участниками этих героических дел. Но тем с большей горечью и возмущением видели они и черную, отвратительную часть.

Отец, прошедший Гражданскую войну на передовой, – за исключением нескольких месяцев после тяжелого ранения, – чаще всего вспоминал не о боях, а о том, что, когда Добровольческая армия, насчитывавшая немногим более трех тысяч штыков, уходила в ночь с 9 на 10 февраля 1918 года из Ростова, в городе оставалось около 18.000 офицеров! Перед этим

"Была проведена попытка привлечь ростовское офицерство в ряды армии – последняя попытка... На собрание явилось всего лишь около 200 человек... большинство в штатском и то одетые явно "под пролетариев"... Сразу же у регистрационного столика начались возбужденные, протестующие голоса:

– Кто нас созвал? Кто имел на это право? Это провокация!..

Из потока выкриков толпы явствовало лишь одно решение, одна резолюция: "В поддержке Добровольческой армии отказы!"⁴

Ростовские купцы пожертвовали на Добровольческую армию 400 рублей (!). Большевикам же, которые, войдя в Ростов, часть офицеров перебили, а часть мобилизовали, эти же купцы в страхе выложили несколько миллионов.

Здесь и далее необходимо будет приводить обширные цитаты из воспоминаний очевидцев – в пересказе они бы только теряли. А отсылать читателя к первоисточникам было бы бесполезным делом: материалы, из которых взяты цитаты, трудно достать даже на Западе.

Добровольческая армия, уйдя в поход, который назван Ледяным, брала станицу за станицей. Вот как описывает офицер Марковского полка, полк. Биркин, бой за станицу Некрасовскую 7 марта 1918 года:

"Я услышал сзади музыку. Было как будто недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец на скате появилась цепь Корниловцев с их эмблемами на рукавах около плеч. Я много слышал о них, но теперь впервые и воочию увидел этот знаменитый полк и как раз в бою... полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая шаг, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки... Полк поравнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк, разинув рот, до того удивительное, картинно-захватывающее и даже страшное было это зрелище.

Цепи их были в 6–8 шагов интервала и удивительней всего, что на ходу строились одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а Корниловцы не дрогнули: как шли, так и идут, даже шаг не прибавили, и казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков.

Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло Корниловское "Ура!"

Ген. Корнилов, строя во весь рост на копне, смотрел в бинокль вслед своему полку".⁴

Почему Добровольцы наступали именно так, во весь рост, неся громадные потери? Отец объяснял, что так уж получалось, что иначе просто невозможно было. По правилам наступать можно, только лишь обладая тройным преимуществом. Добровольцы же наступали, обычно имея перед собой вдесятеро сильнее противника, сбить которого можно было только такой психологической атакой. Дроздовцы, придя из Румынии, начали было вести бой по правилам регулярной войны, но вскоре и они перешли к психологическим атакам.

Мы не должны забывать: белых было ничтожно мало. "Как у вас на левом фланге? – спросил ген. Корнилов. – Я послал туда подкрепление, – ответил ген. Марков. – Сколько? – Семь человек и пулеметы, а когда понадобится, сам отправлюсь туда с конными".⁴

Или вот, и сегодня можно согреть от стыда, цитируя:

"В темноте, на том берегу у моста – движение. – Девочки! Тащите сюда пулемет! – слышен женский голос... У моста становилась на позицию, чтобы прикрыть отход армии, маленькая женская часть, силою всего 15–20 человек с пулеметом. Ее состав – ударницы женских батальонов; иные в чине прапорщика, иные с георгиевскими крестами".⁴

Многие участники Белого движения, и крупные командиры, и рядовые, считали и часто повторяли: если бы в начале Белого движения

Добровольческие армии насчитывали 10.000 штыков, они разбили бы красных и не позволили бы им увести Россию с ее исторического пути. Но не было в нашей огромной, многомиллионной стране этих десяти тысяч!

На одного человека на фронте – около десяти тыловиков. То есть размеры тыла белых были равны примерно размеру красных армий. И эти тылы разлагались с неимоверной быстротой.

"По пути на фронт я остановился на два дня в Харькове, где стояла интендантская часть нашего полка... Ночью там была очередная попойка, о чем можно было судить по виду комнаты. В полдень я отправился к одному из интендантских главарей, в надежде, что он изволил уже проснуться. Но он спал, как убитый; на столе лежал счет за вчерашнюю попойку на пять с чем-то тысяч рублей. А командир роты на фронте получал 250 рублей в месяц...

Когда я направлялся в полк, то думал, что на командных должностях увижу полковников и генералов. Как бы не так! Как и в прошлые годы, так и теперь ротами, батальонами и полками командовали мы, молодые поручики и капитаны. А в тылу, куда ни глянешь, кого ни встретишь, о ком больше всего говорят – все полковники и генералы. Много их было там и ненастоящих, самозванных, провокаторов и большевистских агентов – в чем я мог и лично убедиться уже во время большевиков. Все это было возможно только при том моральном падении, которое наступило... Россией начали править духи зла".⁵

В "Воспоминаниях" ген. Врангеля есть глава "Развал", где он описывает, как к 1919 году разложился тыл Белых армий, а вслед за тылом одна за другой воинские части:

"Прибывший из Харькова полк. Артифексов восторженно отзывался о доблести добровольческих частей и чрезвычайно хвалил стойкость и распорядительность командира корпуса. Вместе с тем, он докладывал о возмутительном поведении "шкуринцев" [...] Вместо того, чтобы в эти трудные дни сражаться со своими частями, они пьянствовали и безобразничали в Харькове, бросая на кутежи бешеные деньги".⁶

В начале декабря, пишет ген. Врангель, "3-ий Корниловский полк, прикрывая отход дивизии, вместе с 6-ой батареей погиб в лесах северо-восточнее Змиева"⁶. "Спаслось нас всего 56 человек с полковым знаменем, снятым с древка – и ничего больше", – писал мой отец. А на словах добавлял, что полк мог бы отступить и без больших потерь, но простоял лишних два дня, так как ген. Скоблин не прислал приказа об отступлении. В это время Скоблин уже сожительствова с Плевицкой, агентшей большевиков...

В эти же дни ген. Врангель пишет в рапорте ген. Деникину, что для некоторых частей Белой армии "война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию". "Население, – продолжает ген. Врангель, – встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, страдавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилия и произвола. В итоге – развал фронта и восстания в тылу"⁴.

"Крестьяне нас гонят, развал тыла идет полным ходом, он уже заразил фронтовые части. Казаки воевать не хотят. А казаки Шкуро и Покровского – сколько зла они принесли России! Разве можно забыть грабеж на Украине? Когда я отправлялся на фронт, то лично видел случаи самого отвратительного грабежа, какой себе только можно представить"³.

Это слова не вымышленного героя из пропагандного советского романа о гражданской войне. Это говорил лучший друг моего отца, капитан Игнатий Франц, командир Третьего Корниловского полка, который вместо того, чтобы спокойно вернуться в свой родной Загреб, пошел воевать за Россию, получил семь ранений, без ампутированной в плечевом суставе руки вернулся в строй и пал смертью храбрых в бою под Ростовом.

Возмущение фронтовых частей тылом было настолько велико, что, как пишет В. Ларионов ("Последние юнкера"), ген. Марков хотел завести для тыловиков специальные погоны. Но не успел...

"Орлята, где были ваши орлы?"

К Белому движению с самого начала стала примыкать "зеленая" молодежь. В ноябре 1918 года была сформирована Юнкерская рота, состоявшая из юнкеров пехотных и артиллерийских училищ, из кадет морских училищ и учащейся молодежи. Возраст у всех – допризывный, от 16 до 18 лет. Георгий Сергеевич Околович, впоследствии один из руководителей НТС, пошел в Белую армию в 15-летнем возрасте, Павел Васильевич Жадан, впоследствии член НТС, – пошел 16-летним (оба на приемной комиссии соврали, что они старше). "Всего лишь треть числа первых добровольцев составляли офицеры... Много, до 50% в организации было юнкеров... Совсем юная молодежь, в кадетской форме или в форме учащихся светских и духовных школ, составляла 10%... ее молодые сердца несли в себе чистую, горячую, беззаветную любовь к родине, откликнувшись немедленно, без колебаний, – не на прямой, обращенный к ней зов, а косвенно узнав о нем, обращенном к офицерам... Даже масса офицерства г. Ростова, поставившая себя вне Добровольческой организации, с небрежностью отвечавшая на приветствия офицеров-добровольцев, отвечала юнкерам и кадетам вежливо и с явным смущением"⁴.

"Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали?" – восклицает ген. Алексеев над свежими могилами погибших в боях подростков.

Вот сделанная впоследствии коллективная запись офицеров Первого офицерского батальона:

"Если мысленно перенестись в обстановку того времени, если вспомнить потрясающие по своему трагизму ежедневные картины похорон детей-добровольцев, если воскресить в памяти речь ген. Алексеева над окоченевшими телами этих детей, если увидеть снова эту праздную, любопытную толпу, теснящуюся у открытых могил, без единой мысли в глазах, без единого укора в сердце... то нетрудно представить себе чувства, которые испытывали все сгни в отношении многих тысяч проживающих в Ростове «офицеров»"⁴.

Так было в начале гражданской войны, так было и под конец. После гибели Третьего Корниловского полка были срочно необходимы пополнения. "Пополнения? Кто сейчас пойдет в отступающую безна-

дежно армию? И все же, не доходя до Харцызска, мы получили добровольное подкрепление. Несколько сот гимназистов и реалистов из Харькова ушло с нами... Что же, начали с детьми и кончим с детьми?.. Сердце сжималось при виде этого несчастного национального поколения. Разве нужна была их жертва? И кому? Этому гнусному, отвратительному тылу, который валил перед нами к иностранным ладьям в черноморские порты?"⁵

★

По-моему, можно провести четкую грань между тем, что происходило на фронтах Белых армий, и тем, что происходило в их тылу, – говорит Б. С. Брюно, член НТС со дня его основания, а до этого член предшествовавшего НТС молодежного кружка. – Многие из отцов участия в борьбе против большевиков не принимали, хотя это, разумеется, никоим образом нельзя сказать про всех. Но у той, ушедшей в эмиграцию молодежи, к которой принадлежал я, а молодежь зачастую судит очень строго, родилось желание отгородиться от отцов. По этой – и по некоторым другим – причинам.

К моменту захвата большевиками Владикавказа, где я учился в первом классе кадетского корпуса, мне было 10 лет. Шел бой и была слышна винтовочная и пулеметная стрельба. Часть города по ту сторону Терека была уже в руках большевиков. И вот, на этой стороне, на улице, которая называлась Офицерской (вблизи были казармы Апшеронского полка и офицеры селились поближе к ним), появились два молодых офицера, пришедшие с передовой. Один, помню, в авиационной кожаной куртке, которую тогда носили только летчики (потом эти куртки пошли комиссарам и стали чуть ли не их символом), за плечом на ремне карабин. Офицеры, поворачиваясь к домам, кричат: "Господа офицеры, выходите! Надо защищаться! Из нас уже почти никого не осталось, и если мы все не возьмемся за защиту, Владикавказ будет захвачен большевиками!" В ответ – молчание. Подобные воспоминания были у многих из эмигрантской молодежи.

А когда стало ясно, что Владикавказ падет, было решено увести кадетский корпус по Военно-Грузинской дороге в Грузию, которая была тогда самостоятельной, – продолжает Б. С. Брюно. – Корпус, в котором было около 400 учащихся, двинулся в путь. И тут выяснилось, что и директор корпуса, и инспектора, и воспитатели, и преподаватели, всего их было до 40 человек – и все офицеры, – куда-то сгинули. С детьми и с 16-17-летними подростками, которым выдали винтовки и патроны, осталось всего два офицера. Одного из них, полковника Чердыльери, грузина, с благодарностью помню до сих пор. Ничего не было организовано, нас почти не кормили и в пути даже не пытались устроить на ночлег. Была ранняя весна, было холодно, и я как-то вошел в сарайчик, где дурно пахло, но было теплее. Я лег и заснул, а утром оказалось, что я спал на дохлой лошади. Так что у моих однокашников были не очень светлые воспоминания о тех, кто нас бросил. И не только у них. В первые годы эмиграции про многих говорили: бросил подчиненных, бросил ране-

* С 1931 г. Орджоникидзе.

ных, бросил учеников... Про многих скорее всего говорили незаслуженно, но так нередко бывает – один бросил, а обвиняют десятерых, жжет обида за товарищей, виновных кажется больше, чем было на самом деле. Кроме того, большую роль играл сам тот факт, что они не хотели и не сумели защитить Россию.

★

Есть, конечно, множество объяснений причин, по которым большинство офицерства не участвовало в борьбе против большевиков. Много кадровых офицеров погибло в мировую войну. Многие, вплоть до ближайших родственников Государя, приняли революцию и надели красные банты. Многие думали "пересидеть". Сразу после революции 1917 года из 250.000-ного офицерского корпуса с оружием в руках против большевиков выступило только 3000 офицеров. Около 75.000 бывших офицеров во время Гражданской войны служили в Красной армии. Добровольно или недобровольно – результатов дела это не изменило. Около 80.000 офицеров в 1917 году "самодемобилизовались" и в Гражданской войне не участвовали. Большую роль играло и то, что, как говорит Б. С. Брюно, "не было твердой уверенности, что большевизм – зло, с которым необходимо бороться. Не было опыта. А когда опыт появился, было поздно".

★

Надеюсь, что мне удалось показать часть причин, по которым основатели Народно-Трудового Союза, многие из которых пошли в Белые армии подростками, отгородили себя от старших поколений эмиграции. Однако, будучи людьми политически мыслящими и разумными, – создали Комитеты Содействия для тех "отцов", которых не только не надо было отсекал, а у которых можно было многому поучиться.

Об иных причинах, по которым пути молодежи разошлись тогда с путями старших поколений, надеюсь, в другой раз.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. "Посев" № 11, 1989
2. М. Бомбин, В. Сендеров, В. Дегтярев. "К годовщине начала Белого движения". Русская мысль, 17. II. 1989.
3. "Грани" № 152, В. Солоухин, "Настала очередь моя..."
4. "Марковцы в боях и походах за Россию", ч. I, 1917–1918. Составитель подполковник Марковского пехотного полка В. Е. Павлов. Париж, 1962.
5. А. Р. Трушнович. "Старая и новая Россия", рукопись.
6. "Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля" под редакцией А. А. фон-Лампе, изд. "Посев", Франкфурт, 1969.

машев – переезжает из одного лагеря "остовцев" и военнопленных в другой, повсюду сея "правдивое, доброе" слово и получая в награду горячий и благодарный отклик зрителей.

В течение своей актерской жизни Михаил Владимирович сыграл немало ответственных ролей, но роль Незнамова из пьесы Островского "Без вины виноватые" прошла через всю его жизнь. Только за военный период он сыграл ее до 500 раз!..

В 1952 году М. В. Балмашев становится членом НТС. Поле его деятельности очень обширно: он с женой – бессменные участники радиовещания "Свободная Россия". 22 года звучат их голоса в эфире, вплоть до 1 января 1976 года, когда станция была вынуждена прекратить свое существование.

Талантливый организатор М. В. Балмашев многие годы возглавлял оргкомитет по устройству конференций "Посева", завершая их редкими по уровню в условиях эмигрантского бытия концертами. В период расцвета послевоенной эмигрантской активности Михаил Владимирович проводит совместно с Изабеллой Калантар и Марией Смирновой по многим городам Европы литературно-художественные вечера "Посева" и "Грани".

С 1955 по 1985 годы он бессменный председатель правления Франкфуртской группы НТС. На этом посту Михаил Владимирович проявил себя не просто хорошим руководителем, стремящимся сплотить членов группы, непрестанно повышая их идейный и политический уровень, но и человеком исключительной чуткости и внимания к людям. Думается, что каждый член Союза во Франкфурте вспоминает ту заботу, которую Михаил Владимирович проявлял в самые трудные и тяжелые минуты, выпадающие в жизни каждому.

Еще хотелось бы отметить, что широкое поле политической деятельности никогда не отрывало М. В. Балмашева от театра: он неустанно следил за развитием театрального искусства в Советском Союзе, знал не только старых, но и новых "звезд" русского театра. Он был постоянным посетителем новых спектаклей во Франкфурте и время от времени давал интересные анализы и рецензии о театре в "Посев" и "Грани". Когда начались театральные гастроли советских театров за рубежом, Михаил Владимирович не пропускал ни одного спектакля, ходил за кулисы разговаривать с актерами, приглашал к себе в гости, снабжал их литературой. Сердце его навсегда было отдано театру. Театру – не зрелищу, а средству служения добру и правдивому в жизни. Поэтому участие в деле НТС никогда не вносило конфликта в его душу. Это тоже было служение.

Вечная Тебе память, дорогой друг, высокой души Человек!

А. III.

Редакция "Посева" выражает свое искреннее соболезнование
Марии Александровне Смирновой-Балмашевой
в связи со смертью ее мужа и верного друга

Михаила Владимира Балмашева.

А. А. Тенсон

Андрей Александрович Тенсон родился в Петербурге 1 ноября 1911 года. После революции семья уехала в освободившуюся от большевиков Эстонию, где А. А. Тенсон окончил среднюю школу, был призван в армию, затем поступил в технический институт, который, однако, не успел закончить.

А. А. Тенсон был воспитан с детства в русских патриотических традициях. Еще из Эстонии он переправлял в СССР литературу НТС. За свою антикоммунистическую деятельность был в ссылке на о. Саарема (эстонское правительство действовало под советским давлением и в 1935 году запретило также распространение газеты НТС "За Россию").

В 1940 году, когда Эстония была оккупирована Советским Союзом, А. А. Тенсон нелегально пробрался в Таллине на судно и прибыл в Штетин, где был арестован немцами. После освобождения из тюрьмы ему удалось переехать в Берлин. Там он работал мастером по холодильным установкам – и вел нелегальную политическую работу среди русских, вывезенных в Германию. Затем по заданию НТС перебрался в Псков, где пробыл до подхода советских войск.

Вернувшись в Германию, продолжал, в форме власовской армии, вести подпольно работу НТС, руководители которого были арестованы гестапо. Среди прочего, он переправлял из Словакии литературу НТС, которую там печатали монахи русского монастыря Ладомирова, а также продукты для передач арестованным.

Вскоре после окончания войны А. А. Тенсон перебрался из Баварии в Гамбург, где руководил группой НТС. В 1947 году, когда англичане арестовали двух членов НТС за печатание антисоветских листовок, А. А. Тенсон заявил, что листовки печатались по его распоряжению; молодых людей выпустили, но арестовали А. А. Тенсона. Около года он пробыл в английском концлагере в очень тяжелых и унизительных условиях.

Вскоре после освобождения А. А. Тенсон с группой членов НТС переехал в 1949 году в Берлин, где в течение нескольких лет руководил пропагандной и оперативной политической работой среди военнослужащих Группы советских оккупационных войск в Германии. Он – один из инициаторов и организаторов переброски пропагандной литературы в ГДР, Польшу и Советский Союз с помощью воздушных шаров.

В 1955 году после конфликта по вопросам стратегического и тактического порядка А. А. Тенсон с группой своих друзей пытался создавать отдельную организацию. С 1955 по 1957 гг. он служит в техническом отделе радиостанции "Освобождение". С 1957 по 1963 гг. активно работает в ЦОПЭ (Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов); в его задачи входит распространение литературы Объединения среди советских граждан. Затем работает в штате Исследовательского отдела радиостанции "Свобода", а после выхода на пенсию – там же, свободным сотрудником.

Всю свою сознательную жизнь А. А. Тенсон посвятил деятельной борьбе за освобождение России от коммунистической тирании.

Скончался Андрей Алексеевич 17 ноября 1989 г. в Мюнхене и похоронен там на кладбище пригорода Обер-Менцинг.

Его сестре, дочери, внукам, родственникам и друзьям приносим наше искреннее соболезнование.

М. В. Балмашев

"Блажени чистые сердцем..."

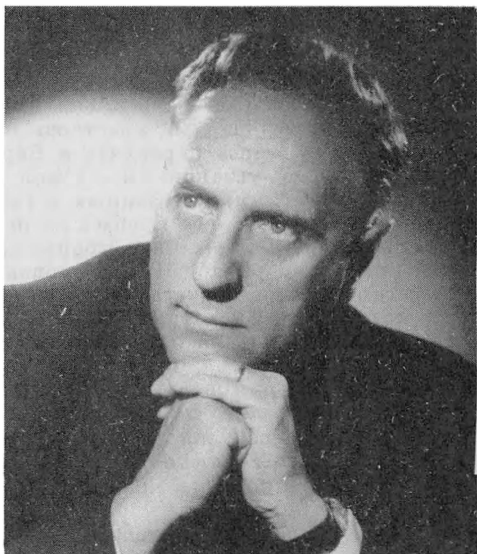
18 декабря 1989 года во Франкфурте-на-Майне, после продолжительной болезни, тихо скончался Михаил Владимирович Балмашев.

М. В. Балмашев родился в Москве 9/22 апреля 1903 года. С детства его заворожил театральный мир, открывшийся ему в домашнем кукольном театре. Увлечение с каждым годом росло, и в 16 лет он поступает в драматическую школу московского Малого театра. По окончании ее он входит в театральную творческую жизнь не как в профессию, а как в призвание. Михаилу Владимировичу довелось выступать на сцене с такими выдающимися артистами, как Найденова, Обухова, Остужев, Яблочкина. Позже в его жизнь вошла высочайшим примером актерского искусства Изабелла Александровна Калантар – мать его жены.

С самого начала своего творческого пути молодой актер Малого театра обращает на себя внимание, рецензии на спектакли неизменно выделяют его игру, публика начинает его любить и ценить.

Перед войной Михаил Владимирович занимает уже ведущее положение в Днепропетровске. У него много концертных выступлений и первый самостоятельный вечер художественного чтения, прошедший с большим успехом.

В Днепропетровске его застаёт война и оккупация. Меняются условия, меняется обстановка, но актер по призванию не прекращает своей деятельности. Только теперь, вместо благоустроенного театра досчатые бараки, вместо прожекторов – бомбардировки. Маленькая театральная группа – Изабелла Калантар, Мария Смирнова, М. Бал-

Мы живем в далекой Сибири...

Здравствуйте, дорогие сотрудники журнала "Посев", "Грани". До нас понемногу доходят результаты вашего труда.

Это бесценный труд для русского читателя. Переоценить его трудно. Размеры труда и его тяжесть нам ясны и понятны. Хотелось бы, очень хотелось, чтобы эта связь была крепче и надежней. Пути и каналы вам видней. Ваш экземпляр, попавший к нам, не остается единственным. Делаем, что в наших силах и возможностях, чтобы его размножить и распространить. Из ФРГ в Россию поступает духовная литература в бандеролях, думается, это еще один канал, который можно использовать. Мы живем в далекой Сибири, где связь с центром затруднена и осложнена. Но это делает работу с журналами еще необходимей и значимей. Хотелось бы вступить с вами в тесный контакт. Хотелось бы быть полезными вам и получать литературу издательства "Посев". Сделаем все, что можно, что в наших силах, чтобы экземпляры множились. Ждем связи. Ждем вашей помощи и внимания к нашей большой многоликой и разноязычной Сибири.

Будем рады всему, что получим, а на книжных полках у нас ничего не лежит. С искренним уважением к вам...

Б.И., сентябрь 1989г.

"В этой схеме нет места для простого народа"

Здравствуйте.

Получил Ваше письмо. Был довольно сильно удивлен. Ведь мы не так часто избалованы посланиями "оттуда".

То, что Вы пишете, еще несколько лет назад показалось бы ложью и антисоветчиной, но теперь не те времена. Народу открыли глаза, и теперь это воспринимается как очередная газетная публикация. Некоторых могут покоробить высказывания о вожде. Но кто знает, уже теперь началось критическое осмысление роли вождя.

Ведь все время нам Ленина изображали как такого жизнерадостного, умного и безобидного старика. Который и муху не обидит. Создали идола для всеобщего поклонения. В обожествлении вождя даже переборщили, на что отреагировала Крупская, напоминая, что Ленин был человек и все человеческое ему не чуждо. А ведь наверно с личного разрешения "доброго старика" устраивались расстрелы сотен людей. Но что поделаешь, скажут иное - гражданская война, классовые враги.

Борьба за власть рождает и различные басни, объясняющие кровавые действия. Для всех нас в течение многих лет вдалбливалась басня, что компартия осталась одна у руля власти лишь потому, что она одна была за народ, а другие партии замарали себя борьбой против народа - что привело их к юридическому и физическому уничтожению. И тут появились, еще при жизни Ленина, Соловецкие острова, где гноили и расстреливали не только уголовных

элементов, но и политических противников Ленина, которые еще не так давно были революционерами и отбывали сроки в царских застенках вместе с Лениным и его соратниками.

Сейчас всю осуждается Сталин и его сообщники, а Ленин так и ни причем. И что если бы он прожил дольше, то не было бы ни Сталина, ни культа. Мне лично кажется, что это в корне неверно. Лениным уже была создана система власти, в которой диктатура пролетариата, после уничтожения политических противников, перешла в диктатуру партии. А любая диктатура не приемлет демократии, а порождает нового диктатора — Сталина.

А не будь Сталина, на политическую арену вышел бы другой диктатор (более или менее кровавый), ибо вокруг нет политических сил, противостоящих ему.

А далее процесс диктатуры распространяется внутрь партии, устраняя негодных диктатору. Тут уничтожается ленинская партийная гвардия. А орудие для диктатора всегда найдется. Ягода — Ежов — Берия. Каждого из них Сталин убирал как свидетеля своих кровавых дел, и конечно, проживи он дольше, убрал бы Берию, поставив на его место другого палача.

Антидемократическая система, порожденная Лениным и усиленная Сталиным, начала порождать других правителей, ничем не лучше предыдущих. Вся история страны укладывается в очень простую схему:

Ленинский период (голод, разруха) ---> Сталинский культ (лагеря, расстрелы) ---> Хрущевская оттепель с последующим волюнтаризмом ---> Застойный период (пьянство) ---> Перестройка Горбачева (талоны, национальная рознь).

Глянув на эту схему, видишь, что в ней нет места для простого народа.

Самое интересное, что идея марксизма-ленинизма, такая заманчивая, превращена в религиозный культ, а учение в библию.

И после смерти Ленина, уже никто теоретически не обогатил и не доработал этого учения. Ведь смешно же считать обогащением ленинского наследия "труды" Сталина, Хрущева, Брежнева, Суслова. А как же можно создавать государственный строй на учении, которое не развивается с 1924 года? Ведь мир изменился, капиталистические страны вошли в новые фазы развития, намного обогнав социалистические страны. А мы все талдычим, что мировой капитализм скоро сгниет. А гнить-то на старом учении стали именно мы!

Фактически теперь народ настроен довольно критически. Ему в основном все равно, при какой жить власти, лишь бы жилось хорошо. А не существовать от зарплаты до зарплаты, под пустые лозунги, что мы живем в лучшем мире.

Не скрываю, меня заинтересовало ваше письмо, но ведь все это пишется во всех наших газетах. Так что не знаю, смогу ли чем-то помочь. Ведь, наверно, нашему народу уже интересно не то, что пишет советский народ в западную печать, а что думают западные политики, а особенно экономисты о нашей стране, путях преодоления политического и экономического кризисов. И это уже не будет считаться антисоветчиной и клеветой...

Д.Ф., ноябрь 1989г.

"На ярлык "антикоммунисты", пожалуй бы, согласились..."

Здравствуйте, коллеги!

Я не случайно именно так обращаюсь к вам, хотя многим "компетентным органам" это может показаться уже криминалом. Но прежде чем написать вам, я почитал ряд книжек о вашей "антисоветской" деятельности и не нашел там ничего нового. Все мы в свое время в разного рода газетах обвинялись как "антисоветчики", "пособники Запада", содержащиеся на валюту разных "голосов" и "центров".

Мне принесли по случаю "Посев" №6 за июнь 1989. Прочитал весь журнал, что было впервые. И сам журнал, и статьи в нем, и программа ваша мне понравились. И я и мои друзья хоть и не являются антисоветчиками в прямом смысле этого слова, но на ярлык "антикоммунисты" - пожалуй бы согласились. Есть грех - мы их действительно не любим. Поэтому, работая в рамках общедемократического движения, в меру сил несем как христианские в личном плане, так и демократические ценности в общественной борьбе.

Мне бы хотелось наладить с Вами более тесный контакт по ряду проблем и, возможно, совместно поработать. Как это сделать?

Печально, что Вы находитесь в подполье, утешает то, что и мы не на крыше сидим. Если же мое письмо с надежным человеком дойдет до Вас, буду рад ответу и контакту.

Ю.З., ноябрь 1989г.

Татуированная сталинщина

Уважаемая Редакция!

Пишут Вам авторы книги "Татуированный Сталин". Мы получили октябрьский номер вашего журнала с рецензией на нашу статью о татуировках советских заключенных. Нам очень приятно, что наша работа привлекла внимание редакции "Посева".

Весной этого года вышла наша книга на эту же тему, которую мы присылаем Вам. Мы - Акош Ковач, этнограф, а я, преподавательница русского языка и истории, - работаем над темой "Культурная антропология сталинизма". И "Татуированный Сталин" является первым томом нашей трехтомной работы. Второй книгой выйдет в следующем году "GULAG-COMICS" с рисунками Д. С. Балдаева.

Д. С. Балдаев нарисовал все, о чем он знал, о чем рассказали ему бывшие заключенные и работники ГУЛага. Данцига Сергеевича "ходить с открытыми глазами" научил отец, Сергей Петрович Балдаев, известный бурятский шаманолог-этнограф, который тоже сидел "врагом народа" в тюрьме в Улан-Удэ в конце 30-х годов. Идею собирать татуировки Сергей Петрович передал своему сыну.

А третьей нашей общей книгой будет "Картинки ограниченной свободы" с карикатурами, нарисованными заключенными.

Эршебет Штрес, декабрь 1989 г.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, В. Г. Ламздорф, Б. Г. Миллер,
Е. Р. Миркович, Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов,
Б. С. Пушкарев, Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров,
А. П. Столыпин, прот. Кирилл Фотиев

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54

ДЕГТЕРЁВ В. г. Москва, тел. 207 34 68

МАЗУРИН А. г. Горький, ул. Лескова, дом 9-а, кв. 27

ПОЛУШИН А. г. Горький, ул. Мончегорская, дом 6-а, кв. 29

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1990 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sasin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Rd., London SE2 0JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. O. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianapolis, 04515 Sao Paulo

ВЕНЕСУЭЛА. Artezania Kazbek S. R. L. Apartado 76184
El Marques Zona Postal 1070A, Caracas

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassela Postale 630, Roma-Centro

СССР. В. Батшев. Москва 105264, Измайловский б-р
34/14, кв. 16

США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118

S. Golubov, P. O. B. 139, R. D. 4, Jackson NJ 08527

Tel. 201-928-2125

"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272

G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017

A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Möslweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertalje

ЯПОНИЯ. Mr. Terumasa Takahashi, Saruwatari, Usa-shi,
Oitaken

